

№ 6 • 1963

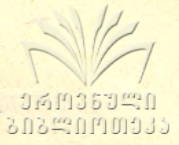
საქართველოს
ბიბლიოთეკა

литературная რუსია

10.335
1963/2

10-335 /
1963/2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

литературная рудзия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ● ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

АЛЕКСАНДР БЕГАШВИЛИ. Слово славы. Стихи. Перевод с грузинского Вл. Приходько	3
ШАЛВА АМИСУЛАШВИЛИ. Поднятые паруса. Лирическая поэма. Перевод с грузинского Вл. Максимова	4
ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ. Дорога. Повесть. Перевод с грузинского Г. Миндадзе	7
ГРИГОЛ ЦЕЦХЛАДЗЕ. Первая охота. Ты и звезды. Стихи. Перевод с грузинского Д. Маркиша	35
ОРДЭ ДГЕБУАДЗЕ. Королева утренней зари. Приключенческая повесть. Перевод с грузинского М. Эсакия. Продолжение	36
ДЖАЛИЛЕ АДЖО. Расставание. АЗИЗЕ ИСКО. Всего дороже. Песня свободы. БАХЧОЕ ИСКО. Грузинке-учительнице. ШКОЕ ГАСАН. Поет мой саз. ТОГАР БРОЕВ. Мэмо. ДЖАРДЪЕ АСАД. Говорят, что розы прекрасны... Стихи курдских поэтов. Переводы с курдского Т. Степанова, Г. Павловской и Г. Онаняна.	52—55
КЛИМЕНТИЙ ГОГИАВА. Встретимся у проходной. Рассказ. Перевод с грузинского К. Коринтели	56

6

985-27

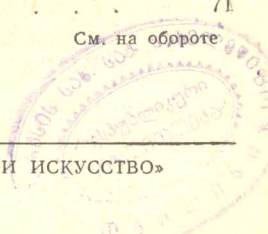
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. Дереник Демирчян	64
ЭММАНУИЛ ФЕЙГИН. О долге, о чести и человеческом достоинстве...	67
Л. ХАТИАШВИЛИ. Монография о драматургии Леси Украинки	70
В. ЗИНИНА. «Ровесник гор»	71

И Ю Н Ъ

1 9 6 3

См. на обороте

НА РУБЕЖАХ КОММУНИЗМА

МАРК РИВКИН. Большая химия 73

ОЧЕРКИ

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Первое знакомство с Европой 78

ИСКУССТВО

О. СОПОЦИНСКИЙ. Выставка работ Уча Джапаридзе в Москве 88

М. КАРДАНЕЛИ. О новых грузинских фильмах 91

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

ВАЛЕРИАН ИМЕДАДЗЕ. Георгий Туманишвили о Чернышевском 94

Редактор **МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ**

Редакционная коллегия:

И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), **М. ЗЛАТКИН,**
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.

Адрес редакции: Тбилиси, 7. Улица Махарадзе 14, телефон 3—44—08.

Александр БЕГАШВИЛИ

С л о в о с л а в ы

Летят из-под ротационки
листы сегодняшних газет.
И, торопясь, им шлет поэт
свои стихи сейчас вдогонку.

Летит над водами Куры
его ликующее слово.
В полях пространства мирового
пусть наши славятся орлы!

Сестра небесных смельчаков,
тебе завидуют мужчины.
Ты «Чайкой» взвилась яснокрылой,
сестра небесных смельчаков!

Сияют звездные зрачки
на неисхоженной дороге.
Пусть нам завидуют враги,
и пятаются в испуге боги.

Перевод с грузинского Вл. Приходько

Шалва АМИСУЛАШВИЛИ

Поднятые паруса

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Перевод с грузинского Вл. Максимова

Квишхетский вечер.
Летняя страда.
Крутой зарей пропитаны окошки.
Еще над полем ни одна звезда
Не проткала своей веселой стежки.
Я у Куры стремительной стою —
Какая ясность, тишина какая!
Я собственную тень ловлю свою,
Я птиц бумажных по ветру пускаю.
Эскадрами плывут над головой,
Курлыча, журавлиные станицы.
Соцветьями весны девичьи ситцы
Вплетаются в орнамент полевой.
Звенит Куры тугая тетива,
Ущелье рассекая вдоль деревни.
И перед нею гнется строй деревьев,
И ей в ладоши хлопает листва...
Спускается за дальнюю грядку
Заря, оставив мне звезду в наследство.
Как птица, вставшая из пепла, детство
Манит меня. И я за ним иду.
Иду себе ущельем вдоль воды,
Иду упрямо с прошлым на свиданье.
Вплывают в душу мне воспоминанья
На чутких крыльях трепетной звезды.
Деревья шелестят. Гудит река.
Еще грознее в полуночном свете
Глазницы легендарного Квишхети
Глядят в года — да что в года! — в века.

* * *

Я возвращаюсь улицей села,
Иду по ней взволнованно и робко.
Она мне — эта улица — мила
Любой своей колдобинкой и тропкой.
Но там, где у селенья на краю
Мост подставляет свой хребет дорогам,

Я вижу дом, я рядом с ним встаю:
Креп тихой скорби над его порогом.
Пред ним стою безмолвно. А вверху
Подобно выкрику, подобно стону —
Три слова лишь — по аспидному фону:
«Оплакиваем павшего Джурху».
Джурха!
О юность гордая! Я к ней
Спешу воспоминаньями своими.
Всплывает тихо в памяти моей
Знакомое почти до боли имя.
Гнев закипает праведный во мне,
Во мне святая вспыхивает ярость.
Погиб моряк. Недаром белый парус
На креповой качается волне.
И нет села, и нет тиши ночной,
И скорбные на ленте тают строки.
Вчekanенное в парус одинокий
Его лицо встает передо мной.
Рожденный в стороне крутых дорог,
Он выросал на луговом просторе,
Откуда же такая тяга к морю
Здесь, где не сыщешь озерца с платок?
И отчего ему судьба дала
В удел вот это вещее стремление?..
Выходят мне навстречу сновиденья,
Распластывая надо мной крыла.

* * *

Гудит, прострельным ветром теребим,
Орешник на высоком косогоре,
Бушует полночь, гневная как море,
Бушует полночь за окном моим.
Шальную поднимая коловерть,
Отчаянно земному зову внемля,
Срывается вниз головою твердь
И насмерть разбивается о землю.

А ветер набирает мощь, стеля
Мне под ноги цветы и травы луга.
Стеная, выгибаются упруго,
Как мачты, при дорогах тополя.
И облака над домом — паруса,
И дом сейчас — у пирса каравелла.
Село, что порт, в котором ошалело
Испытывает буря голоса.
Скрипит, грозой со всех сторон зажат,
Столетний дуб — немой хранитель истин.
И, словно вспугнутые чайки, листья
Неудержимо в воздухе кружат.
После ночей таких вот, по утрам,
Бурля в крови, как молодая брага,
К морям далеким закипает тяга
В сердцах, открытых четверем ветрам.
Недаром, когда лихо занесло
Свою над нашей головою косу,
Дало стране не одного матроса
Сугубо сухопутное село.

* * *

Неся рассвет погожий под крылом,
Взлетают дружно в небо птичьи стаи.
Альбом семейный не спеша листая,
Я за обеденным сижу столом.
Разглядываю лица. Имена
Диктует память, будто по приказу.
В какой дороге и в каком году
Однажды жизнь свела его со мною?..
Я снимок оборотной стороною
С волнением перед собой кладу.
Над ним трудилось много непогод —
От времени чернила поржтели.
С трудом читаю я: «Джурха Джакели.
Май. Черноморье. Сорок первый год».
И вспомнил все...
На смертном рубеже
Мы пили спирт, стаяв ремни потуже,
Мы пили спирт, чтобы расстаться тут же
И никогда не встретиться уже.
Как черти злые, в гари и пыли
Мы пили спирт черпалкой жестяною.
Дымился Севастополь за спиною
И позади нас не было земли...
Нет, уходя по тропам горным ввысь,
Я не возьму с собой вина и хлеба.
Сквозное надо мной сияет небо,
На вековые кроны опершись.
Пусть для меня орлиные крыла
Изобретет какой-нибудь кудесник.
Возьму с собой судьбу Джурхи как песню:
Такая ноша мне не тяжела.

* * *

Построены судьбою факты в ряд:
Год сорок пятый. Месяц май. Чужбина.
Рассветный час. Взорвавшаяся мина.
Листочка похоронного квадрат.
Риск — вот удел разведчиков. Для них
Смертелен каждый шаг неосторожный.
Его искали. Но волна надежно
Хранит упрямых рыцарей своих.
И, поднятая по звонку на ют,
Команда замерла в прощанье трудном.
Из всех своих пяти орудий судно
В честь павшего произвело салют.
А оставалось нам четыре дня,
Четыре дня весенних до победы...

Жестокая судьба, какие беды
В грядущем ты готовишь для меня?
Прошло уже пятнадцать долгих лет,
И все вокруг переменялось зримо.
Но в скорбный траур до сих пор одет
В селенье отчем дом его родимый...
Тропой крутою я иду, скорбя, —
Мне тяжелы воспоминанья эти.
И вскоре, незаметно для себя,
Оказываюсь у стены Квишхети.
Прекрасна Картли в этот ранний час:
Внизу село плывет в тумане зыбком...
Как мне сейчас нужна его улыбка,
Как не хватает мне его сейчас.

* * *

Гудком о приближении своем
Оповещая заводи и скалы,
Врывается курьерский в забытье
Блισταющих на солнце перевалов.
И, кажется, дороге нет конца,
И, кажется, ему века до цели.
Продергивает скорость сквозь сердца
Стремительную ниточку тоннеля.
Поток к потоку и скала к скале —
Родная Картли! Все в тебе — поэма.
Смотри же, вот они — сады Эдема,
Что Грузией зовутся на земле!..
Смотрю я, как Джурха когда-то, вдаль —
На выстреленную в зенит дорогу.
Заря спешит ко мне. И понемногу
Рассеивается моя печаль.
Мне видится:
В гуденье и в дыму
Летит состав, плывет состав над миром —
И я обыкновенным пассажиром
К морскому еду берегу тому.
Наш сказочный маршрут необратим.
Мы мимо рек парим,
Мчим мимо гор мы,
Летим, минуя версты и платформы, —
Навстречу морю Черному летим.

* * *

По берегу крутому путь держа,
Летит состав волшебный без опаски.
Я вижу на песке чужие каски,
Их постепенно изъедает ржа.
Какая здесь могучая краса,
Какой размах безбрежный, ширь какая!
Нас за собой в легенду увлекая,
Приветствуют тугие паруса.
Спокоен полдень, и волна тиха,
Едва тревожит гальку колыханьем.
Сейчас не ветром, а твоим дыханьем,
Взвиты на реях паруса, Джурха.
Я хоронил друзей.
Они в веках останутся.
Они бесстрашно бились,
И на моих глазах от пуль ложились,
И умирали на моих руках.
Мы — дети испытаний и борьбы,
Проверены и стужей и каленьем.
Так пусть очередное поколение
Не повторит вовек моей судьбы.
Пусть каждый камушек на берегу,
Былинка при дороге миру внемлют.
Нет, не топтать мою родную землю

საქართველოს
წიგნების კავშირი

Отныне оголтелому врагу.
За это в море, правый суд верша,
Погиб Джурха в час трудного похода.
Но в каждом деле моего народа
Живет и будет жить его душа.

* * *

Джурха! Ты вечно будешь среди нас.
Запомнят здесь и старики и дети,
Что имя доброе села Квишхети
Не уронил ты в свой последний час.

Запомнят, что в победный год войны,
Вот эти дни, овеянные новью,
Оплачены твоею были кровью,
Твоею юностью сохранены.
Людскою благодарностью храним,
Ты на бессмертие имеешь право.
Зачем же над преддверием твоим
Еще чернеет ненасытный траур?
Я о тебе повсюду слышу вести —
Ты варишь сталь, растишь в степи леса.
Ты нынче с современниками вместе
В созвездья поднимаешь паруса.

Чабуа АМИРЭДЖИБИ

Дорога

ПОВЕСТЬ

Перевод с грузинского Г. Миндадзе

1

Ранняя весна.

В тайге снег стаял местами, на припеках. Днем солнце согревало землю, вечерами крепчал мороз и вновь замерзала просочившаяся в трещины вода. На грунтовых дорогах, тех, что возникли в местах нехоженых и неезженных, машины проложили глубокие колеи, колеса прорезали жидкую хлябь, смесь глины и полурастаявшего снега...

В прихваченной морозом колее стояла машина ГАЗ-51.

Ветерок шевелил хвою, тормошил тонкие березовые веточки, хлопал жестким краем брезента.

В кабине, на сиденье, подложив себе под голову небольшой узелок и укрывшись полущубком, лежала девушка.

Ей стало холодно. Отложив в сторону книгу, которую она читала, девушка попыталась размяться, но было тесно. Тогда, сбросив полущубок, девушка вышла из кабины.

Она была небольшой, хрупкой. Из-под куртки выглядывал белый свитер. Разминалась она недолго, но энергично; вскоре на щеках появился румянец, по телу разошлось приятное тепло.

Девушка прошла вдоль машины. Потом остановилась, всмотрелась в даль.

От горизонта прямо к ней сбежали покрытые лесами горы и холмы. Там, в лесной чаще, уже стемнело. Ветер доносил могучее дыхание леса.

— И не страшно ничуть! — сказала девушка вслух и тихонько засмеялась.

Вернулась в кабину и снова принялась за чтение. Но сумерки заставили отложить книгу. Долго сидела не шевелясь, пока не услышала приближение машины и сигнал — протяжный и нетерпеливый.

Девушка приоткрыла дверцу и выглянула из кабины.

Стараясь рассеять тревожное чувство неизвестности, она не отрываясь смотрела на подъезжающий забрызганный грязью и загроуженный до самых краев ГАЗ-51.

Остановив машину, водитель спрыгнул на землю.

Девушка увидела, что он среднего роста, сухощав, и подумала, что ему не больше сорока. Увидела кожаную куртку, тщательно завязанный узелок черного галстука. Водитель остановился, чтобы хорошенько раскурить трубку, и посмотрел на девушку.

— Привет! Что случилось? — спросил он, улыбнувшись.

— Здравствуйте, — ответила она нехотя. — Что-то испортилось.

Он не спеша обошел машину и все улыбался, как бы желая сгладить возникшую неловкость. Заметил стянутый ремнями багаж — достояние путешественницы.

Владелица багажа шарила в кармане, что-то искала. Приветливый тон, теплая улыбка пришельца немного успокоили ее. Теперь она разглядывала его с любопытством. Лицо мужчины было тронутو легкими морщинами.

— Чья машина?

— Не знаю. Еду от станции! Вот, возьмите! — Она протянула вытянутую из кармана записку. — Велел передать, если кто подъедет.

— А где водитель? — Он взял записку.

— Утром человек прошел, сказал, что там, в ущелье, лагерь геологов, и у них тоже ГАЗ-51. Никто не проезжал, пришлось идти к геологам! Часа три как ушел... Тут написано что испортилось. Бобина, что ли...

— Куда едет?

— В одиннадцатый поселок. Километров пятьдесят отсюда.

Водитель поразмыслил.

— Примерно так и будет. Откуда?

— Забыла. Издалека откуда-то... Срочный груз везет, а здешних дорог не знает!

Он кивнул головой и развернул записку.

«Дорогой товарищ! Пережег бобину. Если имеешь, оставь этой девушке. Ар...» Дальше каракули, видимо, обозначающие имя. Он вернул записку.

— Нет ли у вас этой бобины? — спросила она и бросила записку на сиденье.

— Найдется. — Он направился к своей машине.

Девушка вошла в кабину, захлопнула дверцу. Ее растревожило появление этого шофера. Потом она услышала шаги, поняла, что он прошел мимо кабины и уже поднимает капот.

Она стала искать просвет на замерзшем ветровом стекле, ей хотелось увидеть, что он делает. Стекло было покрыто причудливо переплетенным морозным узором. Только в верхнем углу осталась прозрачная полоска. Девушка прильнула к стеклу, но ничего не увидела: шофера закрывала поднятая вверх крышка.

Подождав немного, она открыла дверцу и спрыгнула на землю.

— Что вы делаете?

— Меняю бобину.

— Сами?

— Сам!

— Водители не любят, когда чужие руки копаются в их машине!

— Правильно! Не любят, — засмеялся он, — но к ночи похолодает, и ваш водитель будет мне благодарен. Сейчас еще совсем тепло... Она не нашлась, что ответить. Конечно, он был прав.

Вдруг послышался какой-то шорох. Девушка, посмотрев по сторонам, чему-то улыбнулась.

Близко, совсем над ее головой, свисала кедровая ветвь, как протянутая для рукопожатия рука. В зеленой хвое прыгала белка. То здесь, то там мелькал ее пушистый хвост. Белочка вылезла на открытое место. Любопытный правый глаз смотрел внимательно. Потом она повернула голову и теперь смотрела левым глазом. Но и это ей показалось недостаточным, она прыгнула на ближайшую к машине ветвь и оттуда продолжала смотреть — левым глазом, правым глазом, левым, правым...

Девушка рассмеялась и тут же, досадуя на себя, замахнулась на белочку рукой. Белочка исчезла.

Водитель незаметно наблюдал за девушкой.

— Вы в этих краях впервые, не так ли?

— Да. А вы?

— Четырнадцатый год. Вы кто по специальности?

— Врач. Прошлогоднего выпуска...

Он хотел было сказать что-то, но раздумал и, спрыгнув с буфера, закрыл крышку капота.

— Все в порядке! Теперь надо завести двигатель. Попробуем! — Отвертку и плоскогубцы он опустил в карман, пережженную бобину отдал девушке и поднялся в кабину.

Заработал стартер. Машина плавно тронулась. Проехав метров десять, задним ходом вернулась назад.

— Пусть поработает, согреется! Минут через пятнадцать выключите. Идите сюда, я покажу вам, как надо выключать зажигание, когда нет ключа. — Он снова поднял капот. — Разъедините вот эту проволочку!

Их лица были совсем рядом.

— Вы действительно не знакомы с ним? — спросила она с сомнением.

— С кем? С водителем этой машины? Не знаком! А что?

— Так, ничего!

— Хотите, поедем со мной, я доведу вас до одиннадцатого поселка.

Она не ответила. Спрыгнула с буфера. Задумалась. Водитель, закрыв крышку, последовал за ней и в ожидании ответа принялся раскуривать погасшую было трубку.

— Я бы поехала... но... — сказала девушка, — вроде предательство получается! Машина, груз... Без хозяина остаются.

Он кивнул в знак согласия и пошел к своей машине. Пройдя шагов пять, остановился.

— У вас есть какая-нибудь еда?

— Спасибо, не беспокойтесь! — Уже не глядя на него, она захлопнула дверцу кабины и, услышав звук отъезжающей машины, проговорила: — Даже до свидания не сказал, странный какой-то!

Но тут машина остановилась как раз против ее кабины. Она стала протирать боковое стекло, но так и не смогла снять приставший иней. Тогда она подула на стекло, чтобы в образовавшийся просвет увидеть, что происходит, для чего он остановил машину. Она была так

поглощена этим занятием, что, когда неожиданно открылась дверь, чуть не вскрикнула.

Он посмотрел на отпотевшее стекло и, широко улыбнувшись, протянул ей что-то.

— Здесь хлеб, колбаса и спирт. Пригодится!

— Что вы! — смутилась она.

Тогда он все сложил на сиденье.

— До свидания! Пригодится! — И захлопнул дверцу.

Она растерянно смотрела на разложенную перед нею снедь.

Потом улыбнулась, подняла какую-то валяющуюся под ногами железку и соскребла с ветрового стекла иней.

Теперь у нее было довольно большое окошко для наблюдения.

Двигатель работал, согревая кабину, стало тепло. Девушка пошевелилась, пружины мягко качнулись под нею.

Вдали гудела уходящая машина. Тихое урчанье двигателя поглотило эти далекие, слабеющие звуки. Но через некоторое время мотор загудел громче и где-то совсем близко. Она встрепенулась, выскочила на подножку и увидела возвращающуюся задним ходом машину.

— Я вернулся. Мне надо кое-что выяснить! Я с Северо-западного рудника, сто сорок километров от одиннадцатого поселка. У нас ждут врача и медикаменты. Скажите, куда вы едете? — обратился к ней водитель.

— Назначение у меня на Северо-западный рудник, — ответила она. — Мне сказали, что на этой машине я доеду до одиннадцатого поселка, а оттуда уже можно проехать дальше на машине Северо-западного рудника.

— Вот здорово, что я вернулся! В нашем хозяйстве я пока что единственный водитель, я-то и должен был вас везти. Задержитесь в одиннадцатом поселке?

— Там немного медикаментов, их надо захватить. Другого дела у меня нет.

— Я советую вам поехать со мной, прямо сейчас, не задерживаясь. Моя машина требует срочного ремонта, это дня три, не меньше. А там почти наверняка начнется бездорожье, настанет время вскрыться рекам, лед пойдет. Это значит, что мое возвращение за вами в одиннадцатый поселок отложится недели на две. У нас там скарилатина, одна растерянная фельдшерка и никаких медикаментов. Если вы поедете сейчас, к рассвету будете на месте.

Девушка слушала внимательно. Голос у водителя был приятный, и говорил он убедительно.

— Еду! — ответила она твердо, без колебаний.

Через некоторое время машины стояли рядом. Водитель перетаскивал принадлежащий попутчице багаж. Девушка забрала из кабины свой узелок и книгу.

— Спирт и еду оставим. Пусть отогреется! — крикнул он ей с кузова и спрыгнул вниз. Выключил все еще работавший двигатель и вошел в кабину.

— Черкну ему несколько слов!

Девушка кивнула головой, проверила свой багаж и поднялась в кабину. Села, зябко уткнув голову в воротник полушубка и так, исподлобья, наблюдала за другой кабиной.

Шофер поднял лежавшую на сиденье записку и, перевернув ее на чистую сторону, положил на крыло машины. «Дружище Ар... Бобину сменил, машина в полном порядке, — написал он. — Девушку заби-

раю с собой — едет на наше месторождение. Дмитрий. Северо-западный рудник».

Нырнул в кабину и, не зная, как прикрепить записку к рулю, перевернул листок и невольно перечел написанное ушедшим водителем.. Задумался, пристально всматриваясь в буквы. Губы его взволнованно шептали.

— ...Не значит ли это «Ар...» Арчил? А может быть Аркадий? На свете Аркадиев хоть отбавляй! Но почерк очень знакомый...

Он долго стоял, задумавшись и теребя записку. Потом все-таки прикрепил ее к рулю. Захлопнул дверцу и вернулся в свою кабину.

— Меня зовут Дмитрием, Митей, а вас?

— Меня Леной!

Машина тронулась. Лена ждала, что Дмитрий заговорит, но он молчал. Он вел машину так, словно отсутствовал, словно кто-то за него вращал руль и переключал скорости. Какая-то неотвязная мысль занимала его.

Лена постаралась заглянуть ему в глаза и не получила ответа. Теперь она решила как следует рассмотреть его лицо, смотреть до тех пор, пока не надоест ему молчать.

Дмитрий закурил трубку. Красноватый свет чуть осветил его лицо. Она заглянула в висевшее над ветровым стеклом зеркальце.

В нем отражались тлеющий в трубке огонек, слабо освещенное лицо Дмитрия и его неподвижные, глядящие вдаль глаза.

Колея то проваливалась в рытвины, то всползала на ухабы. Только сейчас Лена заметила, что машину совсем не трясет, а мерно покачивается.

— Вы так ведете машину, словно собственными ногами прошли все эти ямы!

Дмитрий молчал, Лена уже не ждала ответа, когда он произнес:

— Да, эту дорогу я хорошо знаю. Главное, груженую машину меньше трясет. Рессоры...

И снова молчание. Лена погляделась в зеркальце. Поправила выбившиеся из-под ушанки волосы, потрогала обветренные губы. Все это проделала нарочито тщательно, разок даже тихонько взглянула на Дмитрия.

Словно в ответ, Дмитрий повернул голову, улыбнулся и опять стал смотреть на дорогу.

Лед, сковавший лужи, трещал, проваливаясь под шинами. До краев нагруженный кузов покачивался на рессорах. Машина плавно поднималась из ям на бугры, словно корабль, разрезающий бурные волны.

Два ослепительных световых столба копиями вонзались в темноту. Временами стоящие на поворотах березы ловили световой луч и отбрасывали зайчиков на ветровое стекло. Кабина на секунду освещалась, и снова все таяло в полумраке.

Оставалось минут сорок до одиннадцатого пункта, когда Дмитрий засвистел какой-то знакомый мотив, веселый и быстрый.

— Сейчас отдохнем, поужинаем и отогреемся, — сказал он. — Там у нас чайная, в которой есть все... Все, кроме чая!

— А как на Северо-западном?

— Чайная? Скоро будет. И гостиница, и столовая. Лучше московского «Метрополя»! А до тех пор придется ориентироваться на самообслуживание...

— А жилье?

— Будете жить в больнице, пока для вас не выстроят квартиру!

И Дмитрий снова засвистел.

— У вас большая семья? — спросила Лена.

— Достаточная, из двух человек.

— Вы и жена?

— Нет. Я и сын.

— А жена? — выпалила она и почувствовала неловкость.

Пошел крупный снег. На стекло падали хлопья. Капот стал белым. Дмитрий включил снегоочиститель. «Дворники» усердно сметали снежинки.

Вдруг Лена вспомнила увиденную белку, ее забавный любопытный взгляд. Она рассмеялась, но опять, как тогда, рассердилась на свой смех. И махнула в досаде рукой.

— На белочку сердитесь? — пошутил Дмитрий.

Лена замерла.

— А вы почему знаете?

Это было сказано так простодушно, что Дмитрий невольно засмеялся, смутив ее окончательно.

Валил густой снег, шуршали шины. Машина въехала в одиннадцатый поселок и остановилась у чайной. Дмитрий отворил дверцу и прислушался.

Из чайной доносились приглушенные голоса.

— Наверно ошибся я, — пробормотал Дмитрий и сошел с машины!

— Ошиблись, в чем?

— Когда мы ехали, мне все казалось, что за нами идет машина.

— Очень может быть. Возможно, даже та самая, что испортилась.

Мы уехали, а он вернулся!

На столбах мерцали лампочки, слабо освещая небольшую площадь. Дмитрий обошел машину, осмотрел покрышки, груз.

Лена огляделась. Двухэтажные срубы окружали площадь, в окнах горел свет. Перед окнами невысокие заборчики, из труб валит дым. Дощатые настилы вместо тротуаров. Все бело, кроме бревенчатых светло-коричневых стен. Проложенный между бревнами серый мох прочертил четкие линии. В рассеянном свете ламп мелькают, сыплются снежинки, поблескивая и пропадая. Из чайной доносились голоса, выкрики и смех. Они так привлекли внимание Лены, что она и не заметила, как подошел Дмитрий.

— Так всегда бывает после большого города, — сказал он, — зайдем поедим чего-нибудь!

— Нет, почему же! Мне очень нравится! — ответила Лена быстро. — Здесь бывают танцы?

Дмитрий положил руку на ее плечо и повернул Лену лицом к стене.

— Видите? «После фильма танцы. Играет инструментальный квартет»! Танцуют ли? До обморока!

— Вы, наверно, хорошо танцуете!

Дверь чайной отворилась, выплеснув громкий смех и звон посуды.

— Я? Иногда. Зато парень мой танцует, как бог... А стреляет еще лучше! Сегодня суббота, народ гуляет. И пьет, конечно. Войдемте! Только, знаете, идите смело, как если бы в собственный дом, слышите? Ничего не бойтесь. Здесь от человека требуется сила... Вы должны научиться мужеству. Этому можно научиться. Как вам сказать... одним словом, смелость, стойкость духа, понятно?

Лена слушала. Ей очень нравился Дмитрий... Что-то необычное, новое, сильное и доброе видела она в нем.

— Вы хороший человек. Ей-богу, очень хороший! — воскликнула Лена, как бы рассуждая вслух.

— Смотрите, не ошибитесь!

— Конечно нет!

— Я лучше знаю себя. Многие ошибаются! Просто я неизвестно почему располагаю к себе. Мне часто кажется, что хожу по свету и людей обманываю!

— Как?..

— Я не такой, как думают обо мне... я гораздо хуже. Бывают люди... Дайте сюда! — Он взял у Лены сумку. — Смелее, понятно?

— Понимаю, — сказала она неуверенно и, сдвинув ушанку набок и расстегнув полушубок, пошла за ним.

Дмитрий открыл дверь. Шум захлестнул их подобно набежавшей внезапно волне. Дверь на тугой пружине хлопнула изо всех сил. Дмитрий остановился в поисках свободного места. Лена спряталась за спиной Дмитрия.

Подвешенный высоко к потолку абажур красил все в мутный оранжевый цвет. Под ним слоились пласты табачного дыма, голубые и серые. В конце зала, за стойкой перед полками, уставленными разноцветными бутылками, деловито суетилась тощая буфетчица. Почти все столики были заняты.

При их появлении шум в зале перешел в монотонное негромкое гуденье. На Лену и Дмитрия смотрели десятки глаз.

— Около той стенки свободный столик! — сказал Дмитрий и оглянулся на Лену через плечо. — Смелее, товарищ, смелее! — добавил он шутя. — Вперед, без колебаний!

Лена тут же улыбнулась и, преодолевая внутреннее замешательство, пошла за Дмитрием в сторону свободного столика, хотя в эту минуту совсем не представляла, где же находится этот столик.

Какой-то парень, сидевший за столиком, вскочил, сбросил с плеч на спинку стула полушубок, пригладил рукой растрепанный пшеничный чуб и очень громко, желая перекричать весь этот шум, провозгласил:

— К сведению сквернословов! Отставить выражения. — Затянул потуже узелок ярко-красного галстука, подождал, пока стихнет шум. — В зале женщина, ребята!

— А я, интересно, кто по-вашему? Слон, что ли! — закричала тощая буфетчица из-за прилавка. — Прекратить курение! Сейчас закрою чайную!

Но ее выкрики не произвели никакого впечатления. В зале по-прежнему шумели, курили.

— Разгону вас всех, погодите... — ворчала буфетчица, ожесточенно вытирая тарелки.

Протискиваясь к своему столику, Дмитрий и Лена подошли к двум тесно сдвинутым столам.

— Привет грузчикам! — поздоровался Дмитрий.

По очереди протянулись руки. Назывались имена, фамилии, а чаще — звучные, короткие прозвища. У этих людей были жесткие, натруженные руки, чистосердечные улыбки. Лена отвечала на приветствия, пожимала руки, но все это было окутано туманом, все казалось сумбурным, смутным.

Она постаралась взять себя в руки, сосредоточиться, всмотреться.

Грузчики были в брезентовых куртках цвета хаки. В каждом что-

то свое, приметное... Этот гигантского роста. У того на голове львиная грива, только каштановая. У третьего — черная, пиратская повязка на глазу...

— Дороги?.. Что спрашиваешь, разве не знаешь?

— Помнишь сартуканские дороги...

— Ерунда!

— Ты и сартуканскую врачиху до сих пор помнишь? — Это был голос Дмитрия.

В ответ тот, с перевязанным глазом, нахмурился.

— Насчет врача, как сказать, может и забыл, но оплеуху помнит! За репликой последовал хохот, густой, многоголосый.

— Нет, братцы, не пью. Всю ночь ехать. Благодарствую, не могу... — отвечал Дмитрий на приглашения товарищей.

У следующего стола тоже самое. Здесь трактористы. У них тоже обветренные лица, промасленные телогрейки, въевшееся в руки масло. Наконец добрались до своего столика. Подошла официантка.

— Девушка, сколько можно ждать? — сказал Дмитрий сердито.

Официантка удивленно вскинула глаза.

— Приехала, обещала позвать на крестины... Уже два года прошло. Она засмеялась.

— Шестерых сразу, мил-человек! Мировой рекорд. «Сибирские близнецы»!.. Что будете кушать?

— Измучились? — спросил Дмитрий Лёну, пока официантка принимала заказ. — Дорога, ничего не поделаешь! Поужинаем и двинемся. До реки километров двадцать. На льду машина пойдет мягче. Сможете выспаться.

— Ужасно хочется спать... в голове жужжит... Как интересно! — добавила она. Любопытство превозмогло усталость. От растерянности не осталось и следа.

Молодой человек, тот, что обращался к сквернословам, взял гитару и запел:

Поближе к дороге моей,
Поближе садись, дорогая,
Не то в воскресенье придется
Шагать километрами мне.

— Эй ты, стилига! — окликнул его кто-то. — Чего ноешь? Ты частушки пой! Частушки давай!

Тот, что требовал веселья, оказался небольшим мужчиной в огромных роговых очках. Лысая голова блестела, как будто ее специально натерли.

А «стилига» улыбался.

Пока проведем мы дорогу
Немало воды утечет..

«Что тут «стилижьего», — подумала Лена. — Выцветший красный галстук, кожаная с молниями куртка? Тоже мне, стилига!»

— Как? Вру? — За соседним столом сидел парень лет двадцати пяти. — Ей-богу нет. Правда, чистая правда, пусть Степан скажет! Если на лафете меньше десяти кубометров, не сойду с места! Это же КТ-12, понимаешь, КТ-12! — Он хлопнул кожаной перчаткой по столу.

Бутылки и стаканы со звоном подпрыгнули.

Где-то в глубине зала от всей души смеялись. Лена отыскивала тот

столик и тоже улыбнулась. Их было четверо. Один что-то рассказывал, другие смеялись.

Как раз над ними, на стене висела копия «Трех охотников» Перова.

Было что-то общее между картиной и смеющимися мужчинами.

— Водку пить будем? — спросил Дмитрий. — По одной!

— Выпьем, черт возьми! — ответила Лена.

— Цветные металлы? — толковал кто-то. — Есть, поверь мне, постарел я здесь, в этих краях.

Официантка вернулась, неся водку и шницель.

Дмитрий налил. Чокнулись. Он залпом опорожнил стакан. Лена, сморщившись, отпила.

— Записал, как же, конечно, записал! — сказал кто-то за столом у грузчиков. — Что скажут внуки моих внуков? Скажут, что их прямой предок, то есть я... вот этими руками... — Гривастый поднял кверху свои руки и гордо посмотрел на мозоли. — Здесь были тайга да болота! Так-то! Первопоселенец я, пионер! — закричал он.

— Первопоселенец? — возразил ему другой с перевязанным глазом. — Тоже мне, нашелся Ерофей Павлович Хабаров!..

— Нашелся! Я и есть Хабаров! — ответил гривастый. — И ты тоже, но ты дурак!

— О чем это они? — спросила Лена.

Дмитрий прислушался.

— О фамильной книге! Здесь некоторые книги завели. Записывают короткую свою биографию и так... события разные... А потом после них будут писать их дети, внуки. Получится летопись времен...

— Интересно!

— Пойду поищу ваши медикаменты. Я скоро! — Дмитрий встал и пошел к выходу. Лена осталась за столиком. Сон одолевал ее.

— Здесь будет город. Большой город! Может быть, будет носить имя кого-нибудь из нас, кто знает? — продолжал гривастый. — Идет человек по улице, по асфальтированной мостовой, и этот человек знает, что его прямой предок триста лет назад в мороз прикатил в эти дебри. Понимаешь? Он будет очень сильным, очень уверенным. Глупый ты человек, ничего не понимаешь! Выпьем за внуков наших внуков! Забыл, как это называется?..

— Потомки.

— Да, потомки! Выпьем за наших потомков!

Лена почувствовала чей-то пристальный взгляд.

На нее смотрел грузчик с перевязанным по-пиратски глазом. Он так уставился своим медового цвета глазом, что и у другого, перевязанного глаза, было свое, черное атласное выражение.

Лена посмотрела в сторону. Но одноглазый продолжал пристально рассматривать ее. Усилием воли она заставила себя вслушаться в разговор, происходящий рядом, чтобы отвлечься от одноглазого.

— Женой обзаводиться — в четвертом десятке, не раньше!

— А как же быть в третьем?

— Да здравствуют холостяки!

— Ах, так... Днем труд, вечером друзья-приятели, а ночью — любовь?!

— Кто же согласится на такую малость?

— Пусть берет больше, пусть сможет!

За столиком захохотали, и разговор прекратился.

Одноглазый все еще смотрел на Лену не отрываясь, бесцеремонным, наглым взглядом. Потом встал и направился к ней.

— Кого ждешь, доктор? — спросил он.

— Уезжаю я... — преодолев внезапное отвращение, ответила Лена.

— Не вовремя пожаловали, доктор. Надо было летом приезжать. Прокатили бы мы вас по озеру... Здесь у нас и озеро есть, и рыба водится!.. Тепло летом, луна вон с этот стол! Славно прокатили бы!

Он еле ворочал языком, выталкивал еще какие-то слова и заносчиво улыбался. Единственный глаз масляно поблескивал. Наконец Лена не выдержала:

— Чего вы уставились? Уходите... И поскорее!

— А я не хочу! Я, может, смотреть на тебя хочу...

— А мне не надо, чтобы глаза таращили!

Лицо его приняло еще более высокомерное выражение.

— Смотреть никому не запрещается. Никто не смеет запретить мне смотреть на тебя, золотце...

Лене стало смешно.

— Иди-ка, братец, выпись, — сказала она миролюбиво.

Но тут-то одноглазый рассвирепел. Злоба буквально душила его.

— Грубишь... Все вы бабы одинаковые! Дряни... Посмотреть на вас нельзя! Подумаешь, нашлась цаца... А сами все норовите опутать нас... И чтоб обязательно замуж! А может, я не желаю жениться?

Лена невольно усмехнулась.

— Чего зубы скалишь? Ты думаешь, кто я?.. Вот я тебе покажу, кто я. Сейчас поцелую, увидим...

Он поднялся со стула и встал над Леной.

За соседним столиком притихли.

Все с той же масляной улыбкой одноглазый склонился над растравленной Леной и схватил ее грубо, по-медвежьи. Она вскочила и изо всех сил оттолкнула его.

Одноглазый отлетел к соседнему столику, едва не растянувшись на полу.

— Все равно поцелую, не уйдешь... — И снова двинулся к ней.

Кто-то из сидевших за соседним столиком схватил его за руку. Одноглазый вырвался иза, даже не оглянувшись, снова направился к Лене. Она отступила назад, прижалась спиной к стене.

В эту минуту хлопнула входная дверь. Лена увидела Дмитрия, неторопливо, с трубкой во рту шествующего через зал. Теперь Лена не боялась одноглазого.

— Эй ты, ухажор! — окликнул его чей-то бас. — Полегче, пока тебе на намяли бока! Слышишь?

Одноглазый стремительно обернулся и принял грозную позу, отыскивая того, кто крикнул.

— Это я, я говорю! — воскликнул тот же голос. И кто-то в синем шарфе вышел из середины зала. — Отстань от человека и проваливай, пока я тебя не отделал! — Он потуже затянул свисающий с шеи синий шарф.

Одноглазый хихикнул и вышел на середину зала, но тут налетел на Дмитрия. Понадобилось время, прежде чем одноглазый понял, что перед ним новое лицо.

— Обидел кто? — спросил Дмитрий спокойно.

— Да... Так вот, тут что-то мелят... — Обернулся, увидел Лену, грязно выругался.

— Ну-ка, закройся! — В голосе Дмитрия прозвучала угроза.

Не помня себя, Лена отошла от стены и подскочила к одноглазому.

საქართველოს
წიგნობის

— Это уже слишком! Негодяй!

Кровь бросилась ей в лицо. Одноглазый остолбенел, и в следующую секунду раздался звонкий шлепок пощечины.

В чайной, после мгновенной тишины, заговорили, зашумели, за-двигали стульями.

— Вот это да!

— По первое число вкатила! Здорово!

— Опять ведь докторша, везет ему на них!

— Еще разок, доктор, для пользы дела...

Опять хлопнула входная дверь. На пороге появился высокий мужчина в каракулевой папахе. Не вынимая рук из карманов полушубка, он остановился у входа, внимательно оглядывая чайную.

У него были маленькие, седоватые усики и огромные черные глаза.

— Кто здесь бригадир грузчиков? — крикнул он простуженным осипшим голосом.

Вопрос остался без ответа, внимание всех было поглощено серединой зала.

Лена опустила на стул. Дмитрий стал около одноглазого, чтобы оградить Лену. Но одноглазый не двигался. Он потер щеку и с ясным спокойствием трезвого человека обратился к Лене:

— Вот этот человек, — он указал на Дмитрия, — десять лет назад учил меня уму-разуму. Десять? — спросил он у Дмитрия и сам же подтвердил: — Да, так и есть, десять лет назад... Бабу не бей — неблагородно... Не бойся, кукла, я тебя не трону! Но меня ударили. Я тоже должен ударить! А кого же мне ударить... Кого?.. — Вдруг, размахнувшись, он ударил Дмитрия, едва не сбив его с ног.

Дмитрий, ошеломленный, замер. В чайной стало совсем тихо.

Человек в папахе все еще стоял в дверях, поглаживая свои усы.

Загремели столы, стулья, зазвякала посуда. Люди повыскакивали из-за столиков.

— Прибьют дурня, изувечат, — пробормотал человек в папахе. — Товарищи! — закричал он.

Никто не слушал его.

— Баба меня ударила, понимаете, баба! — твердил одноглазый, словно оправдываясь. — А я ведь бабу не ударю! Она с тобой, ты, стало быть, и отвечаешь...

— Иди, проспись! — процедил Дмитрий. — Потом поговорим! — И, отпихнув одноглазого локтем, сел за свой столик напротив Лены.

Лицо ее все еще пылало, пальцы вертели солонку.

— Простите меня, Дмитрий, — пролепетала она. — Глупо, очень глупо получилось!

Дмитрий улыбнулся: ничего, мол, бывает.

Вокруг разгорелись страсти.

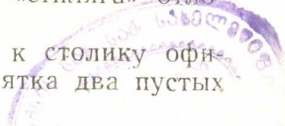
— Выкиньте его за дверь!

— Ты думаешь, ни за что ударил человека, и ладно? Нет, брат, у нас так не полагается!

— Все же придется мне тебя отделать, братец. — К одноглазому приближался басистый, в синем шарфе.

Мужчины все до единого вскочили с мест. Даже «стиляга» отодвинул в сторону свою гитару.

Человек в папахе быстро прошел в глубь зала, к столику официантки, где была сложена посуда и выстроилось десятка два пустых

бутылок. Взяв бутылки в охапку, он бросил их на бетонный настил перед печкой. Все обернулись на звон бьющегося стекла, не понимая, что же происходит.

Воспользовавшись замешательством, человек в папаше вышел на середину чайной и спросил, надсаживая осипший голос:

— Кто тут бригадир грузчиков?

Гривастый вышел вперед.

— У четвертого склада машина. Срочный груз. Поторопитесь! — Слова эти подействовали отрезвляюще. Наступила тишина.

Оглянувшись, Дмитрий увидел человека в папаше. Он вздрогнул и тотчас повернулся к нему спиной.

Буфетчица угрожающе посмотрела на человека в папаше, потом на одноглазого и, откинув стойку, вышла в зал.

Каблуки ее громко простучали в притихшей чайной.

Она взяла одноглазого за шиворот и погнала его к двери, подталкивая и прикрикивая:

— Ну-ка, проваливай, лоботряс! Чтоб твоей ноги здесь не было... Как дам, рассыплешься на части... никакой инженер не соберет... Бродяга, алкоголик, проходимец, задира, черт с мутного болота!

Одноглазый не думал сопротивляться. Съежившись, он молча, покорно семенил к двери.

Буфетчица пробежала вместе со своей жертвой мимо человека в папаше и под общий хохот бесцеремонно вытолкнула одноглазого за дверь.

Грузчики один за другим выходили из чайной.

Увидев Лену, человек в папаше через зал улыбнулся ей. Лена в ответ помахала ему рукой.

— Это тот... Арчил, водитель той машины! — сказала она Дмитрию и, не услышав ответа, взглянула на него.

Побледневший Дмитрий сосредоточенно рассматривал скатерть. Выкрикнув напоследок какую-то угрозу, буфетчица направилась к прилавку. Когда она проходила мимо Арчила, он попросил:

— Дайте чего-нибудь горячего и бутылку грузинского вина, «Цинандали», если есть! И посчитайте стоимость разбитых бутылок.

Он вышел вслед за грузчиками.

Лена смотрела то на Дмитрия, то на дверь, в которую вышел Арчил.

— Пошли, Лена, — сказал Дмитрий, расплачиваясь.

Оделись, вышли на улицу. Когда машина трогалась, на площади показался Арчил. Он долго смотрел машине вслед, пока она не исчезла за домом. Потом вернулся в чайную.

2

Дмитрий вывел машину на проселок. Опять легли перед машиной глубокие колеи. Машину подбрасывало. Дмитрий настолько ушел в свои мысли, что не замечал выбоин, покрытых тонким льдом. Машину снова трянуло, и переднее колесо целиком погрузилось в жижу.

— Проклятые дороги! — пробурчал Дмитрий, притормаживая.

Еще не доехав до конца поселка, он остановил машину и, положив руки на руль, задумался. Двигатель забормотал, сердито вздыхая. После долгой стоянки в кабине было холодно, а лицо Дмитрия,

покрытое испариной, пылало. Он вытер лицо платком, открыл дверцу и выпрыгнул из кабины.

Лена слышала, как он ходит. Не выдержав, она встала на ходу ножку. Отсюда ей было видно, как он курил и снова принимался ходить.

Дмитрий остановился, тронул ногой белеющий в темноте свежавший снег. Ударил каблуком раз, другой.

Под свежим снегом лежал заледенелый слой, он не уминался.

— До каких пор! Должно же это когда-нибудь кончиться! — выговорил он твердо. — Я должен вернуться! — Помолчал, затянулся поглубже и выдохнул. — Зачем это? А вдруг... Ни одной живой души не останется у парня! Ладно, поживем, увидим... — И повернул к машине. Устыдившись, Лена юркнула на свое место.

Дмитрий остановился, рассматривая стопсигнал. Стекла были забрызганы, и фонарь едва светился, словно горел не здесь, а где-то далеко-далеко... Дмитрий нагнулся, чтобы прочистить стекла, но передумал и, махнув рукой, пошел к кабине.

Теперь он выглядел успокоенным, как человек, принявший определенное решение. Машина шла плавно, мягко. От мерного покачивания хотелось спать, и Лена задремала; вскоре она крепко спала, прислонившись головой к плечу Дмитрия. Он посмотрел на уснувшую девушку и улыбнулся.

Наконец машина достигла берега реки. Кончилась разбитая рывинами колея. Дорога перешла на ровную поверхность реки, покрытой тонким, только что выпавшим снежком.

Съехав с крутого берега, машина пошла по льду. Дмитрий держался ближе к берегу; когда наезженная полоса отходила к середине реки, он сходил с нее, стараясь не отдаляться от берега. Так было безопасней: лед у берегов крепче и глубина небольшая.

Лена спала долго.

Было около двенадцати, когда левое заднее колесо попало в трещину. Дмитрий включил первую скорость, до предела выжимая акселератор, но машина не сдвинулась с места, колеса буксовали. Попробовал вывести ее задним ходом, но и это не удалось. Тогда, поставив рычаг в нейтральное положение, Дмитрий спустился на лед.

Ворвавшийся в открытую дверцу морозный ветер задышал Лене в лицо, заставил открыть глаза. Она поежилась, нехотя вылезла из кабины и, чтобы разогнать сон, стала прыгать и размахивать руками.

— Где мы, Дмитрий?

В темноте Дмитрий пытался осмотреть попавшее в трещину колесо. Оно сидело довольно глубоко, но задний мост был далеко от поверхности льда, даже вместе с кожухом дифференциала.

— На полпути, — ответил Дмитрий. — Километров семьдесят пройдено! Это место — «Плоские камни».

— Какие «Плоские камни»? — переспросила Лена и подошла поближе.

— Здесь русло достигает значительной ширины. А глубина небольшая. У берегов дно выложено плоскими камнями, потому и называется так. Между ними рыбы видимо-невидимо! Интересно наблюдать летом, кажется, что человек идет по воде. Перепрыгивая с камня на камень можно метров на сто отойти от берега, а вода будет только до щиколотки. Камни ярко-синие. Красиво!

Дмитрий пошел к кабине. Из-под сиденья извлек переносную лам-

пу. Подключил. Расправив длинный провод, осветил провалившееся колесо.

— Что-нибудь испортилось?

— Ничего особенного. Прорубь. Зимой рыба, как в садке. Наверно, проходил охотник и вырубил лед, захотелось рыбки. Ночью мороз сковал дно проруби. Образовалось что-то вроде ведра. Днем было солнце. Талая вода стекла туда. Вечером опять мороз — образовалась ледяная корка поверх воды. Пошел снег, замаскировал западню. А тут и мы заявились! Видите, сколько пришлось трудиться природе, и все для того, чтобы подстроить злую шутку.

Лена присела. Осмотрела колесо.

Дмитрий приложил ухо ко льду.

— Близко! — сказал он.

— Что близко?

— Вода. Лед тонок, рубить опасно! А то самое милое дело прорезать канавки, метра полтора длиной, и выехать!

Дмитрий вынул из-под сиденья весь инструмент, расстелил на льду полушубок и лег ничком, подпихивая под задний мост домкрат.

— Поднимитесь в кабину и закройте дверь. Простудитесь! — бросил он Лене.

— Мне не холодно, и я хочу вам помочь!

— Тогда оденьтесь потеплее и посветите мне.

Лена надела полушубок, взяла переносную лампу и, присев на корточки, осветила низ машины.

Дмитрий принялся за дело. Поставив домкрат на кусок толстой доски, он продвинул его под левый край заднего моста, к самому колесу. Домкрат был низкий, механического типа, с вертикальной зубчатой стрелой. Он двинул горизонтальный рычаг вручную. Зубцы стрелы последовали один за другим, опорное седло подошло к назначенному месту. Теперь уже работать непосредственно рычагом стало невозможно; Дмитрий вооружился ломиком. Тяжесть переместилась с провалившегося колеса целиком на домкрат. Ломик был коротким. Дмитрию приходилось напрягаться.

— Пошло, пошло! — радостно воскликнула Лена.

Колесо медленно ползло кверху.

— Идет, хорошо идет! — время от времени говорила Лена, не сводя глаз с движущегося колеса. И чем выше поднималось колесо, тем радостней она улыбалась.

Дмитрий передохнул и изменил позу. Он лег под задний мост лицом вверх — так было удобнее.

Наконец колесо, отделившись от льда, повисло в воздухе. И вдруг Лена заметила змеей ползущую из-под разостланного полушубка трещинку. Трещинка проползла и замерла. Потом еще на вершок подвинулась змейка и снова остановилась.

Не понимая, чем это может грозить, Лена инстинктивно сжалась. В это мгновение Дмитрий подтянул рычаг.

Стремительно, как молния в грозовом небе, сверкнула трещинка, раздался глухой треск. Дмитрий метнулся, но было поздно: под домкратом рухнул лед, и поднятое вверх колесо упало на прежнее место.

Лена вскрикнула, уронила лампу. Стало темно.

Из-под машины послышался сдавленный крик. Потом вновь задвигалось тело, послышались отрывистые громкие вздохи.

Лена опять вскрикнула. Прикрыла лицо ладонями: она не могла смотреть на судороги...

Тело под машиной вдруг перестало метаться. Через некоторое время задвигалось вновь, но уже разумно, целеустремленно. Это было спокойной попыткой выбраться.

Лена тихо рыдала, уткнув лицо в руки.

Тело угомонилося, притихло.

Она подняла голову. Она всхлипывала, всматривалась в темноту.

Стопфонарь тускло освещал лед. Двигатель бормотал.

Вдруг Лена услышала чирканье спичек, и слабое, крохотное пламя осветило Дмитрия. Он лежал на спине. Дмитрий часто дышал, расширенные его глаза осматривали все вокруг, руки ощупывали забрызганные грязью части машины.

Это слабое спичечное пламя вернуло Лене самообладание. Она подняла голову и встретилась с широко открытыми глазами Дмитрия.

Спичка потухла, а под машиной раздался сдавленный смех.

— Вот так капкан! — сказал Дмитрий не своим, придушенным голосом.

И все же это был голос!

— Лена... — позвал он и снова чиркнул спичкой.

Лена молчала. Отчаяние ее смешалось с такой безудержной радостью, что она не могла произнести ни слова.

— Что?! — наконец сказала она, не понимая что говорит.

— Почему... погасла лампа? Двигатель работает.

— Лампочка почему погасла? — повторила она, все еще не понимая что говорит. — Ах да, лампочка... разбилась!

— Открой верхний ящик... Там запасная. Принеси, я заменю...

— Ты заменишь... Ты можешь? — Лена вскочила и юркнула в кабину.

Лена отыскала лампочку, подтянула к кабине провод и при ярком свете приборов сама заменила лампочку. Вышла на лед и осветила Дмитрия.

Они долго молча рассматривали нависшее над Дмитрием дно машины.

— Видел я волчьих капканы... Точно так же устроены! — сказал Дмитрий и добавил: — А вот волков, пойманных ими, не видел!

— Ты ничего не повредил? — осторожно спросила Лена.

— Ничего... ровным счетом ничего... Затылок отшиб и порядком струсил... Никогда в своей жизни не пугался так! Как я уцелел? До сих пор... трясет! Но как же ты, мил-человек... собираешься отсюда выползти? — сказал он самому себе. — Ведь для этого надо поднять машину... Значит нужен... домкрат, а он на дне! Так что же будет? — Дмитрий помолчал. — Принеси мне... папиросу. Из кабины. Заходи справа, может... проломиться лед...

Лена перевесила переносную лампу на правый борт.

— В ящике они. И спичек, там их две коробки! — крикнул он вслед.

Дмитрий думал. Думал усердно, напряженно, до боли в черепе.

— Лена! — крикнул он вдруг.

— Иду.

— Возьми топор. В кабине в ногах валяется.

Лена принесла топор и зажженную папиросу. Осторожно опустила

топор на лед, папиросу сунула в рот Дмитрию. Дмитрий затаился, задумался.

— Вот что, Лена... Вырубишь топором полоску льда под моей головой. Руби на глубину пяти пальцев. Образуется... выемка, и я... вылезу... Раз нельзя поднять машину, надо двинуть вниз голову! Ясно?

Лена схватилась за топор.

— Спокойней, — остановил ее Дмитрий, — нужно очень осторожно... Ты же понимаешь... что будет, если... еще раз рухнет!

Лена распростерлась на льду. Осторожно ударила топором. Отскочил небольшой кусочек. Следующий удар, со звоном разбрызгивая во все стороны ледовую крошку, обнажил синий камень.

— Камень... — прохрипел Дмитрий. Он догадался по звону. — Камень!

— Камень, — подтвердила Лена и снова ударила. Искрящиеся льдинки летели во все стороны.

Через несколько минут все стало ясно: дифференциал сидел на камне. На камне лежал и Дмитрий. Это был большой, плоский камень простирающийся вплоть до провалившегося колеса. Потом был небольшой промежуток воды, а после опять камень, более низкий. На нем и сидело колесо.

Отбитый лед все же облегчил положение Дмитрия. Теперь он мог свободно дышать и поворачивать голову.

— Плоские камни... — пробормотал Дмитрий.

Лена растерянно промолчала.

Над рекой прокатился сухой треск.

— Ого! — воскликнул Дмитрий. — Лед трещит! Скоро тронется. Скоро!

Лена подняла голову. Слой серых туч закрыл луну, но слабый свет все же пробивался сквозь них. Потом выплывшие из-за горизонта черные тучи поглотили этот свет.

Лена закрыла лицо руками.

Освещенное переносной лампой лицо Дмитрия стало непроницаемым, тяжелым. Он отвернулся от Лены. Совсем близко над ним повисли комья замерзшей грязи.

Потом он долго рассматривал провалившееся колесо и нависший над ним задний мост. К горлу подкатил ком, сдерживаемый стон отчаяния.

— Тьфу! — Дмитрий с горечью сплюнул и отвернулся.

Ветер тряхнул ледяной пылью, запорошил глаза и волосы Дмитрия. Лена отыскала его шапку и натянула ему на голову.

— Слушай меня, Лена, — сказал он.

Лена замерла.

— До берега шагов двадцать, не больше, сгрузи медикаменты и свой багаж. На берег сгружай. Отвори задний борт, но не отпускай до конца. Поставь так, чтобы он был продолжением кузова. Тогда будет легче выгружать... Сможешь?

— Смогу! Видела.

— Все складывай с таким расчетом, чтобы до груза вода не добралась, если тронется река, понимаешь?

Лена влезла в кузов, долго возилась с затворами. Наконец кое-как сообразив, открыла борт так, как велел Дмитрий. Сбросила свой багаж, взвалила на спину ящик с медикаментами. Пошла к берегу медленно, не торопясь.

— К чему все это! — пробормотала она и, опустив ящик на землю, пошла обратно.

Дмитрий лежал, по-прежнему вперив глаза в дно кузова.

— Поднять машину невозможно. Выломать камень тоже! — Дмитрий думал вслух, так легче было разобраться в хаосе мыслей. — Ждать попутную машину — излишне...

— Почему? — спросила Лена.

— Я же говорил тебе! Наш рудник в тупике, у нас одна машина. Вот эта...

Лена постояла немного и понесла ящик к берегу.

— Сколько до ближайшего населенного пункта? — спросила она, вернувшись к Дмитрию.

— Ни одной живой души между одиннадцатым поселком и Северо-западным рудником.

Лена взялась за багаж. В это время снова раздался треск, сухой и гулкой, словно кто-то выпалил из ружья.

— Мороз, кажется, достаточный... Градусов пятнадцать, не меньше. Отчего же трещит лед? Неужели в верховьях пошла река. Напирает такая силища... — Он снова сплюнул, горько и зло. — Устала?

— Нет! Объясни, зачем ты заставляешь меня таскать это барахло, когда надо делать что-то другое, и срочно, срочно делать?!

— Много тебе осталось?

— Нет. — Она села и стала ждать, что он скажет.

Дмитрий молчал.

— Говори, что думаешь!

Он помедлил.

— Принеси папиросу!

Лена побежала к кабине. Дмитрий заметался. Ни капли жалости к себе. Одна злость.

— Такая нелепая бессмысленная смерть?! — проговорил он, — Почему я не вернулся в чайную?!

Лена принесла горящую папиросу.

— Выход один, другого не вижу. Иди по следу, в одиннадцатый поселок, дай знать.

Лена пристально смотрела на него. Порыв ветра донес протяжные вздохи тайги. Лена замотала головой.

— Никуда я не пойду, Дмитрий.

— Почему?!

— Семьдесят километров туда, семьдесят обратно — на это уйдет больше суток, за это время ты превратишься в сосульку, если не случится что-нибудь похуже...

— Нет смысла оставаться, поверь мне... я прошу, иди и вот еще что... я должен сказать тебе... очевидно, пришел конец. Это так и бывает, вот так... неожиданно приходит... конец. А там, на руднике у меня мальчик. Умный он, поймет. Ему скоро четырнадцать... Он должен знать правду, да и не будет ведь один-одинешенек!? Ты должна передать ему, но только ему, никому ни слова!.. Обещай.

Лена помедлила. Опомнилась.

— Да, да, конечно, обещаю! — сказала она поспешно.

— Он не мой... мальчик. Он того, первого шофера, Арчила, что в чайной бутылки побил... Мы были друзьями с юных лет... вместе прошли войну и после войны жили вместе, втроем: я, Арчил и Нина... мать мальчика. Арчил... большой, настоящий человек. Мы уже пятнадцать лет не виделись, вот только сегодня... Я и Нина любили друг друга.

Случилось, что и Арчил полюбил ее... Ненужное великодушие, юношеский восторг, чувство долга за жизнь, несколько раз спасенную Арчилом, а главное... любил он ее как-то по-другому, сильно... он был человеком крайностей... и я... решил сделать вид, якобы разлюбил... Потом предложил ему жениться, если она полюбит его. Она мстила мне, вышла за него. Так часто бывает... выходят за другого... Потом Арчилу пришлось уехать. Мы остались вдвоем... Наша любовь вспыхнула с новой силой... Оказалось, что я не мог быть лишь другом семьи, Нина не могла быть моим товарищем, женой моего друга... Я не смог воздержаться. Это было изменой, самой подлой... предательством по отношению к другу... где же был разум, да еще в том возрасте? И Нина... пошла за мной. Родился ребенок, ребенок Арчила. Мы называли его именем отца... Затем автомобильная катастрофа... Нина погибла, ребенок остался жив, попал в детдом. Я отсидел... шесть лет. Отсидел, взял мальчика. Потом... потом еще много чего... Это должен знать ребенок. Мальчишка умный, он поймет. Пусть возвратится к отцу. Он очень хороший, очень своеобразный.

Дмитрий умолк.

Лена долго думала.

Луна несколько раз выглядывала из-за облаков.

— Нет! — крикнула Лена.

— Да уходи же ты! Уходи! Понимаешь? Мне не нужны свидетели...

— Не говори вздора, Дмитрий! Не пойду я на эту подлость...

— Послушай, ты же не сможешь помочь мне... Я знаю все... Уходи...

— Я думала, ты сильнее!

— Может ты и права... Но выхода нет!.. Конец один.

— Но ведь надо же все, все попробовать! А не сидеть и ждать!

Выход отыщется. Непременно! Вот увидишь!

— Какая уверенность, девочка... Откуда? Есть в твоём прошлом что-нибудь, что дает тебе основание быть уверенной?

Лена умолкла. Ее уверенность показала ей вдруг мыльным пузырем. Но она быстро овладела собой.

— Но ведь когда-нибудь должно случиться такое!? Ты сам говоришь, что этому можно научиться. Говори, с чего начинать!

Дмитрий невольно засмеялся:

— Не представляю. Если б я знал! Я же говорю — нет выхода. Можно только облегчить человеку весь этот ужас... Чтобы не было свидетелей. Чтобы можно было кричать в голос, когда уже будет не в мочь.

— Молчи, молчи. Я знаю одно, если уйду, буду всю жизнь презирать себя. И вообще, как ты можешь говорить это!

— Прости, я не хотел, не думал тебя обидеть!

— Вот видишь! Еще найдется что-нибудь, о чем ты не подумал. Всего не передумаешь... А выход непременно найдется...

— Ладно. Начнем с того, что будем спасать имущество. Добру не пропадать, а с машиной и с человеком ничего не сделаешь...

Выгружай подальше на берег!

— На берег? — переспросила Лена. Она думала о другом.

— От вешней воды подальше. Чтоб не зря трудиться, а с пользой...

— О чем ты толкуешь, Дмитрий! С пользой или без пользы, как ты можешь об этом говорить! Я вот что думаю: пустую машину можно поднять без домкрата? Нет? Поднимем! Придумаем что-нибудь, поднимем! Курить хочешь? Принести папироску?

— Нет.

— А спирт? Ну конечно же спирт, чтобы согреться! И еще тебе необходимо укрыть, а то примерзнешь ко льду.

Дмитрий не отрываясь смотрел на Лену, словно впервые ее увидел.

Лена распахнула постель. Извлекла одеяло и укутала Дмитрия, со всех сторон подоткнула, чтобы отдалить, отодвинуть от него леденящую броню реки. Сняла с себя теплый, мохнатый шарф и закутала ему шею. Теперь не страшно металлическое дыхание дифференциала. Опустила наушники и завязала их у подбородка. Она даже тихо-нечно замурлыкала песенку, увидев, как здорово все получилось.

Потом прыгнула из кабины бутылку и дала ему отпить. Поставила на лед, рядом.

— Пусть здесь стоит! Мужики, вы ведь любите пропустить рюмочку. Смотри на бутылку и радуйся.

Дмитрий улыбнулся.

Потом она залезла в кузов и выставила несколько ящиков на выдвинутый борт. Ящики оказались невероятно тяжелыми. И все же она справлялась с ними! Скоро борт был загружен.

Дмитрий отчетливо слышал постукивание легких шагов, скрежетание и грохот передвигаемых ящиков, даже прерывистое, затрудненное дыхание доходило до него сквозь дощатый настил кузова.

— Внизу двадцатикилограммовых шестьдесят штук. Сверху сорокакилограммовых тридцать. Всего около трех тонн. Безумие! Ты не справишься! — послышался голос Дмитрия.

— Справлюсь, не волнуйся! — Лена прыгнула на лед и, подставив спину ящику, пошла быстрым шагом по проложенному уже следу. Ноги ее приятно пружинили под тяжестью, легко отмеривая расстояние. Чувствуя свою силу, она с радостным удивлением шла к берегу. Опустив ящик на землю, бегом вернулась к машине. Казалось, тело само по себе, извне управляемое какой-то новой силой, несет ее снова к машине, чтобы разгрузить поскорее проклятый кузов.

Дмитрий наблюдал. В темноте не видя Лены, он чувствовал ее состояние, и оно дало ему минутную бодрость, веру в несомненный благополучный исход. Он наблюдал за ней молча, не смея вмешаться.

Наконец он сказал:

— Ты знаешь, я думаю, это ведь прямо чудо! Что именно на шею мне упало! Небольшая неточность, и размогло бы голову или расплющило грудь! Непостижимо... Это что-нибудь да значит... Не для того же сберегла меня судьба, чтобы теперь сдать...

— Конечно, Митя! Главное, сейчас быстро опорожнить машину. Я скоро! Тебе ничего не надо?.. Нас двое!

Дмитрий улыбнулся и покачал головой.

Лена опять полезла наверх, чтобы стащить на борт новую партию ящиков.

— Лена, слушай, что я тебе скажу! — сказал Дмитрий, когда Лена прыгнула на лед.

— Чего тебе? — Она подошла и сразу села. Он увидел ее пылающее багровым румянцем потное лицо.

— Не торопись! Выдохнешься сразу. Это тяжелая работа, тут надо уметь! Нельзя доводить себя до пота, — он быстро выжмет, отнимет всю силу. Отдыхай почаще, рассчитывай каждое движение, Лена...

— Хорошо, я постараюсь.

Теперь она старалась действовать медленно, экономя силы. Иногда, увлекшись мыслями, она начинала спешить и, спохватившись,

сдерживала себя, возвращаясь к найденному темпу. Двадцать ящиков были уже вынесены. Пот прошел, дыхание успокоилось.

Дмитрий снизу видел то удалявшийся, то приближавшийся силуэт, вслушивался в отяжелевший шаг.

— Устала? — крикнул он.

Она подошла. Его поразило ее лицо, упрямое и застывшее. Она смущенно улыбнулась.

— Плечи болят. Без тренировки! Слабые мы, городские, — сказала она с упреком, словно речь шла не о ней самой. — С большими покончу, тогда передохну!

— Глоток спирта, — посоветовал он, — поддержит...

— Знаю я этот спирт! А потом ослабит... — возразила она, но, нагнувшись, взяла бутылку и пригубила. Быстро схватив кусок льда, заела. Сморщилась, дрогнула всем телом.

Лена перевела дух и улыбнулась ему. Потом приложила к губам Дмитрия горлышко бутылки.

— Эх! Ну и пьяницы мы тут собрались!

И оба засмеялись. Тяжело ступая, она пошла к кузову.

Снизу ему было видно восходящую луну. Облака — белые, серые, темно-серые — окружали ее; белые стали прозрачными, серые розоватыми, а свинцовые отсвечивали пурпуром. Когда разрывались тучи, серебристый, ртутный столб падал вниз, и на земле из мрака возникал опечаленный лес, кивающие вершинами сосны.

— Знаешь, на что похожа луна?

— На что, Митя? — слышалось сверху, и шум прекратился.

— На любовь.

— Не знаю... — ответила она.

— Есть ведь что-то непонятное, тайное в любви, такое же тайное, как в луне...

Лена улыбнулась его словам.

Скоро она поняла, что обессилела совсем. Она с трудом переставляла казавшиеся ей лишними ноги.

— Что такое надежда, Лена?! — услышала она голос Дмитрия и обернулась всем корпусом. — Дыхание покидает душу, и все пять чувств, вместе взятые, тоже, но надежда, она остается... даже в труп.

Лена повернулась и молча пошла к берегу. Теперь она боролась с подступающими к горлу слезами, глотая их. Но тяжесть, безжалостно давившая на плечи, победила, и она только усилием воли заставила себя не плакать, не кричать.

Дмитрий смотрел ей вслед.

— И тебя заставляет надежда! Заставляет нести эту непосильную тяжесть, — сказал он. — Она верит, что спасет человека, если опорожнит машину! — продолжал он рассуждать вслух. — Покалечит себя на всю жизнь. Как мог я допустить такую нелепость!.. Надежда и меня поманила... Который час, Лена? — громко спросил он, когда она возвращалась к машине.

Отвернув рукав, она глянула на освещенный лунным светом циферблат:

— Без десяти четыре.

— Много тебе осталось?

— Один большой, тридцать маленьких...

— Нет больше сил?..

Лена не сразу ответила:

— Отнесу последний большой и тогда отдохну. Совсем немножко...

— А что будет дальше?..

— Снесу остальные, и машина будет пустая!

— Мы не сможем ее поднять...

— Порожнюю?

— Лена, порожняя машина тоже тяжела. Одному человеку не поднять. Не надрывайся, не калечь себя на всю жизнь! Ступай на берег, разложи костер и сядь около него. А дальше видно будет...

— К чему же все мучения, весь этот ужас? Если и сейчас нельзя поднять машину? Почему ты не сказал раньше?

— Ты вынесла столько груза... Это ценности!

— Ценность, ценность, — для этого я мучилась?!

— Это большое утешение — знать, что сделала все, что могла!

Лена села на лед и заплакала навзрыд.

— Все равно... Все равно опорожню проклятую! И подниму ее! — Она всхлипывала, словно желая почерпнуть в этом упрямом причитании необходимую ей силу.

— Ты верила, что сможешь меня вытащить, вот и была у тебя сила. А теперь... теперь ты уже не сможешь их таскать. Бессмысленно таскать! Так лучше. Сохранишь здоровье, если уже не поздно... и хоть один из нас останется жив.

Слезы текли сквозь ее пальцы. Дмитрий отвернулся. Лицо его исказилось.

— Я не могу это слышать. Надо было тебе уйти... Я знал, что так будет... Ты должна была пожалеть меня и уйти.

— Хорошо, Митя, — сказала она, — я не буду! — и попыталась улыбнуться.

3

Притихла, притаилась тайга, стало тихо и над застывшей рекой; не было слышно гулкого потрескивания льда. Только, не смолкая, деловито пыхтел двигатель.

Лена лежала на льду, подперев подбородок ладонями, и не отрываясь смотрела на Дмитрия. Дмитрий смотрел прямо перед собой, но чувствовал на себе ее восторженный, упрямый взгляд.

— Я никогда не видела такого, как ты! — проговорила Лена.

— Ты хотела сказать: никогда, никого не видела в таком положении!

— Силища ты... — проговорила она, не слушая его. — Такой, как тот, в чайной говорил: «через триста лет... в мороз... в болотах, этими вот руками...» Какие у него были руки!.. Железные.

Дмитрию было приятно видеть Лену рядом, слушать ее.

— Совсем замерз? — спросила она и, не дожидаясь ответа, поднесла к его губам бутылку со спиртом.

Дмитрий замотал головой, но она заставила его сделать глоток. Отпила сама и, опустив бутылку, поглядела на горлышко. Потом, скользнув взглядом по губам Дмитрия, пошевелила губами. Взгляды их встретились.

В глазах Лены покорность. Из глаз Дмитрия простерлись невидимые руки, раскинутые для того, чтобы прижать к себе или просто погладить по голове... Но вот она, горечь недосягаемого! Простертые к Лене руки исчезли, растворились. Дмитрий отвернулся.

Поднялся ветер. Лес выдохнул тоску и кинул ее в ущелье, на реку. Ветер дышал холодом, сыпал льдом, ледяные были у него мускулы.

Двигатель зафыркал, чихнул и смолк. Погас свет.

— Двигатель стал! — сказал Дмитрий. — Кончилось горючее в баке.

— Кончилось все горючее?!

— В кузове полная бочка...

— Я налью.

— Нет смысла. Скоро рассвет, да и луна светит...

Ветер рассеял тучи, и по чистому, звездному небу поплыла луна в оранжевом ореоле.

— Нет смысла?! Нет, есть смысл, во всем есть смысл! Все равно, опорожню, разгрузу, все равно!

И опять заскрежетали, задвигались над Дмитрием передвигаемые Леной ящики. И снова услышал он ее стесненное дыхание.

— Лена, брось! — крикнул он.

Она не слышала. Наполнив задний борт ящиками, она прыгнула, и, взвалив на спину один из них, пошла к берегу.

— Все равно одолею... А нет, так всю разберу по частям... Превращу ее в гайки-винтики! Увидим тогда, есть ли смысл... — Остального Дмитрий не слышал.

Она шла, шатаясь под тяжестью ящика.

— Ведь машину собирают такие же люди, как я, а деталь можно поднять любую, — она говорила, словно убеждая кого-то, а тот, упрямый, никак не хотел с ней согласиться.

— Может быть, можно снять кожух дифференциала? — подумал Дмитрий, заразившись лениной одержимостью. — Так ведь он и сидит на камне...

Выйдя на берег, Лена опустила ящик на землю и села на него. Прислонившись спиной к другому ящику, повыше, закрыла глаза. Утомленные мышцы, казалось, гудели, как гудят натянутые на столбах провода. Все ее тело наслаждалось неподвижностью, покоем. Закрыв глаза, она сидела долго, прислушиваясь к этому внутреннему гудению. Потом вдруг открыла их. Ей казалось, что и в самом деле что-то гудит. Она хотела понять, что это.

Ветер выхватил какой-то дальний гул. Она встала и пошла. На полпути остановилась, услышав тот же гул.

Лена пошла прямо к Дмитрию. Села на лед рядом, прислушиваясь. Кругом было тихо.

— Можно попробовать еще вот что, — сказал Дмитрий, — но ты не сможешь одна...

Но она не слушала его. Снова тот же гул достиг ее ушей.

— Если ты переложить все ящики на правую сторону кузова, и вся тяжесть ляжет на эти колеса, — он показал на оставшиеся на поверхности скаты, — если потом выпустить из них воздух, то очень может быть, что машина наклонится вправо... Задний мост поднимется немного, и тогда... вылезу.

Все внимание Лены было приковано к гулу, который она теперь явственно различала в тишине.

— Может быть, это галлюцинация, Митя, может, мне почудилось, — сказала она шепотом, — но, кажется, я отчетливо слышу мотор. — Она подняла концы его ушанки кверху, — послушай... Ты ничего не слышишь?

В глубокой, невыносимой тишине отчетливо послышался рокот мотора.

— Машина! — прошептал Дмитрий. — Машина... Тише... Машина! — радостно воскликнул он и засмеялся долгим счастливым смехом.

Лена заплакала, нагнулась к Дмитрию. В ярком свете луны она хорошо видела его глаза. Они сияли радостью. Лена смотрела не отрываясь, отыскивая в них то, что было тогда, при свете лампочки. Ей не казалось, что опять невидимые руки ринулись ей навстречу. Они звали, они ждали...

И опять так же, как тогда, поднялся ветер, пахнул далью тоскующей по весне тайги и коснулся своей лапой разгоряченного лба Дмитрия. Он отвернулся. Лицо его отяжелело, отдалилось.

Издаലെка приближалась машина. Теперь было различимо даже лязганье подбрасываемого на ухабах пустого кузова.

— Лена, — нарушил молчание Дмитрий, — это Арчил. Это он! Никто другой не может быть на этой дороге... Я должен был вернуться... Черт возьми, я должен был вернуться! Впрочем, теперь это все равно. Слышишь, это Арчил!

— Арчил?!

— Сними с меня эти тряпки и отнеси на берег!

Лена не двигалась.

— Скорее, машина уже близко!

Резкий тон его вывел Лену из оцепенения. Протиснувшись под машину, она сорвала с него одеяло и отнесла на берег.

Машина приближалась. Она шла близко от берега, свет фар то исчезал, то появлялся снова, пересекая лед, освещая оголенный береговой беззрыняк.

Лена вернулась к Дмитрию.

— Ступай в кабину и закрой двери! — приказал Дмитрий.

Она стояла не двигаясь.

Машина в последний раз вильнула в излучине реки и, возникнув вновь, ударила слепящим снопом в машину Дмитрия. Замедлив ход, остановилась метрах в двадцати.

Не вылезая из кабины, Арчил смотрел на стоящую перед ним машину, на Лену рядом с ней. Помедлив и не выключая зажигания, он вышел на лед. Захлопнув дверцу пошел, посвечивая себе небольшим фонариком.

— Здравствуйте, люди! Что здесь стряслось? — Он стоял у оставшегося на поверхности колеса, деловито оглядывал машину и торчавшие из-под машины ноги Дмитрия.

Ответа не последовало. Он удивленно посмотрел на Лену. Было темно, но он все же почувствовал в силуэте Лены какое-то замешательство.

— Здравствуйте! Оглохли, что ли?

Лене стоило огромного усилия ответить:

— Здравствуй, Арчил!

Из-под машины и на этот раз никто не отозвался. Арчил, пожав плечами, удивленно поморщился.

— Чего тебе! — сказал Дмитрий спокойно, но как-то сухо и неприветливо.

Арчилу ответ показался грубым, невежливым.

— Хотел передать поцелуй! — ответил он в том же тоне. — Попутчика не нашлось. Решил поехать... Где мои ящики!?

— Какие... твои ящики? — послышалось из-под машины.

— Которые на одиннадцатом поселке дали. Три ящика. Они мои, с образцами пород. Ваши, с медикаментами, у меня, в машине.

Воцарилось молчание.

— Гм!.. Случай, — сказал Дмитрий.

— Бобину ты мне ставил? — спросил Арчил.

ЭЛЭНЭЭНЭЭН
ЭЭНЭЭНЭЭНЭЭН

— Дмитрий опять задержался с ответом.

— Это ты «Дмитрий с Северо-западного рудника»?

— Я.

— Спасибо, братец. Вылезай, обменяемся ящиками. Мне ехать надо.

— Я не смогу выйти. Ящики там, на берегу. Подгони машину, наши оставь, свои забери. Лена, покажи ему.

— Идемте... — бросила Лена и, схватив Арчила за руку, повлекла его к берегу.

Арчилу показался странным ответ «Дмитрия с Северо-западного рудника», поспешность Лены, да и вообще все... Он следовал за Леной, оглядываясь в сторону их автомашины, ничего не понимая разумом, но чувствуя что-то необычное сердцем.

— Не узнал! — проговорил Дмитрий, когда тени скрылись. — И ничего не заметил... Пусть уедет.

Арчил шел по натопанной Леной тропе, опустив голову, сясь понять, уяснить происходящее...

— Вот ваши ящики! — указала Лена.

— Ящики! — повторил Арчил. — Сейчас. Подгоню машину.

Он пошел к своей машине.

Поднялся в кабину. Задумался.

— Ящики! — произнес он, прежде чем двинуться. — Здесь что-то происходит... Какой знакомый голос, очень знакомый.

Машина подъехала к берегу. Фары осветили березняк и беспорядочно нагроможденный груз.

Арчил присмотрелся, сошел, приблизился.

— Эти?

— Да, эти.

— Кто сгружал? — спросил он несколько погодя.

— Я.

— Вы? — он еще раз окинул ящики удивленным взглядом. — Зачем? Что с машиной, почему он мне ничего не сказал?.. Нет, почему я не спросил, может, помощь нужна? — Арчил повернулся к реке.

Долго думал. Затем изучающе глянул на Лену.

Она стояла, понуриив голову. Рядом лежали нагроможденные друг на друга ящики. Верхний, четвертый, совсем на краю. Удивительно, как он не падал.

Лена почувствовала упорный взгляд и вслед за тем потребность что-нибудь сделать, хотя бы позу изменить. Она двинулась, задела локтем ящик... Ящик с грохотом упал на землю.

Ни Арчил, ни Лена не обратили никакого внимания. Арчил все размышлял. Лена странно смотрела на него. Так длилось некоторое время. Потом Арчил ловко вскочил в кузов.

— Возьмите! — крикнул он Лене и подал ей ящик.

Лена приняла ящики, сложила их на землю. Арчил спрыгнул, бросил свои ящики в кузов и быстрым, широким шагом направился к машине на льду.

— Ты все еще там? Что ты там видишь, в этойкой темени... и столько времени?..

Арчил обошел кругом машины, заметил провалившееся колесо.

— Ого! Плотненько сидишь. Помочь тебе?

Арчил стоял возле провалившегося колеса и ждал ответа.

Пришла Лена. Стала рядом с ним.

— Тебе говорят, слышишь? Помочь или ехать? — Вдруг он резко

отступил назад, как бы кто толкнул его в грудь, замер и проговорил:
Возможно ли?..

— Как видишь! — ответил Дмитрий.

Арчил порывлся в карманах, вынул фонарь. Сноп света
Дмитрия. Он смотрел на Арчила спокойным, твердым взглядом.

Они долго, пристально смотрели друг на друга.

Арчил спрятал в карман фонарь и тихо сказал:

— Я не искал тебя...

— Я не скрывался!

— Но раз мы встретились... — продолжал он, не обращая внима-
ния на Дмитрия. — Это уже судьба. Я должен сдержать слово. Выле-
зай!

— Это не обязательно, вылезать! Ты можешь сдержать свое сло-
во так, без этого.

— Инвалидов, женщин и лежачих я...

— Знаю! Но, к несчастью, ты не сможешь увидеть меня в каком-
либо другом положении.

— Трусоват стал, однако!

— Говоришь и сам не веришь!

— Вылезай, за ноги выволоку!

— Попробуй! — Дмитрий горько усмехнулся. — Послушай-ка...

Поверь мне...

— Я уже поверил однажды!

— Арчил! — прервал его Дмитрий. — Поворачивай обратно, ей-
богу, все остальное не имеет смысла!

— Так ты вылезешь или нет? — закричал Арчил.

— Хотел бы я вылезти...

В ответ Арчил направил на него электрический фонарик.

Нагнувшись, Арчил светил прямо в лицо Дмитрия.

На лице Арчила, увидевшего проломанный лед, увязшие колеса,
выразилось недоумение. Он долго сидел на корточках, положив локти
на колени и подперев подбородок.

Лена глядела то на одного, то на другого.

— Я же сказал, самое лучшее — повернуть тебе обратно, — про-
говорил Дмитрий.

Арчил ничего не ответил.

По небу стремительно летели низкие облака. Рваный, серый кло-
чок накрыл луну, его сменило белое облачко, обволокло ее пушистыми
прядами. Сияющий лик выглянул, но черным покрывалом устремилось
новое облако, и все потонуло во мраке.

Арчил медленно поднялся.

— Счастливо отделался! — бросил он Дмитрию и быстрым шагом
пошел к своей машине.

Лена смотрела, как он подходил к машине.

— Арчил! — крикнула она, побежала за ним. Рука его уже взя-
лась за ручку двери.

— Что ты делаешь? — сказала она и привалилась спиной к кабине.

— Уезжаю, — ответил Арчил холодно.

— Бросаешь?! Не хочешь помочь?

Арчил замер.

— Что ты понимаешь... — ответил он тихо и не смог продолжить...

От этого тихого голоса ей стало невыносимо тяжело.

Глубоко вздохнув, Арчил сел на подножку.

— Что ты знаешь о нас! Через четырнадцать лет! Сегодня. Прок-
лятая ловушка!..

— Не знаю! Может быть...— Она смолкла и продолжала тихо.
Но не в том дело... Машина, медикаменты. Эпидемия на руднике.
И человек... Ведь все же человек он, и в беде! Понимаешь? 20240101010101

— Он покалечен?

— Нет.

— В состоянии подняться?

— Конечно.

Арчил встал, поднялся в кузов. Сбросил домкрат, толстую доску и сам спрыгнул вниз. Порылся под сиденьем, выбрал инструмент, протянул Лене. Подобрал домкрат, пошел к машине Дмитрия.

Влез в кабину, взглянул на приборы, недовольно покачал головой. Из-под сиденья вытащил резиновый шланг. Отыскал канистру, нацедил из бочки бензин, заставив Лену держать канистру, перелил бензин в бак. Завел двигатель.

Зажглась висевшая на борту переносная лампочка. Взяв лампу, обошел машину. Повесил ее на левый борт и, захватив топор, пошел к берегу.

Лена, понуриив голову, стояла прислонившись спиной к борту. Потом в волнении прошлась несколько раз вдоль машины и снова остановилась.

С берега послышался стук топора.

— Рубит! — проговорил Дмитрий.

Оба молчали.

Топор со свистом врезался в древесину.

Арчил бил размеренно, точно, сильно. Наконец дерево, затрещав, грохнулось оземь.

Наступила тишина.

И опять раздавшийся стук топора рассеял ее мысли.

— Ветви рубит! — отметил Дмитрий. — Чем все это кончится?..

— Лена! — позвал Арчил. — У меня в кузове веревка. Принеси!

Лена пошла к машине. Мысли путались, и она никак не могла сосредоточиться ни на одной из них, чтобы понять... понять!..

— Лена, сюда! — закричал в темноте Арчил.

Лена подала веревку. На земле лежал трехметровый кряж, одинаково толстый внизу и вверху. Арчил обвязал его веревкой, оставив два конца, один подал Лене.

— Тяни! — сказал он.

По мерзлой, местами покрытой ледяной коркой почве кряж заскользил сравнительно легко. А на льду, поскрипывая корой, пошел еще быстрее. В темноте белел свежий снежок.

— Отдохнем, — сказал Арчил.

Лена настолько ушла в свои мысли, что не ответила. Арчил принял молчание за согласие и остановился. До машины оставалось несколько шагов. Они молчали:

— Ну-ка, еще разок! — скомандовал Арчил.

Они обошли машину и приволокли ствол прямо к трещине. Арчил взял топор и вырубил во льду длинную канаву. Лена стояла рядом, безучастно глядя на то, что делает Арчил.

Арчил вырубил канаву с таким расчетом, чтобы ствол вплотную лег в нее, он должен был послужить опорой для домкрата.

— Выбери крошки! — бросил ей Арчил, положил топор и пошел к своей машине.

Когда Арчил вернулся, неся еще какой-то инструмент, канавка была очищена от крошек льда.

Арчил поставил домкрат, направив его наклонно к колесу. Когда заработал рычаг, стрела домкрата уперлась в самую ось колеса. Теперь все было готово. Арчил встал, снял полушубок, бросил на лед. Закурил и задумался.

— Ты знаешь, чего он хочет? — повернулась Лена к Дмитрию. — Он поднимет машину и уронит ее!..

Все еще держась за рычаг, Арчил замер. Кровь бросилась ему в лицо. Его заподозрили в такой низости!..

— Что ты сказала?! — закричал он. — А если упадет, если на самом деле сорвется? Тогда что? А ведь может случиться!.. Сколько раз срывалось! Доказывай тогда! Она же первая скажет, что так и хотел!..

На мгновение выглянула луна и спряталась. Двигатели усердно работали, будто вторили друг другу на расстоянии.

— Случись так, и Нина поверит!..

— Она не может ни верить, ни сомневаться.

— Стучил!.. — ехидно заметил Арчил.

— Погибла она в сорок седьмом!.. — тихо сказал Дмитрий. — Авария!.. автомобильная катастрофа!.. Парню исполнился только месяц!.. Мы ехали с ней, она рядом. И вдруг девчонка вылетела из ворот и прямо под колеса!.. Пришлось до отказа выворачивать руль. Врезались в стену. Девочка осталась невредимой, а Нина жила три дня!.. Скончалась от сотрясения.

— Нет, не должно упасть!.. ни за что, нельзя! — Арчил задумался. Потом снял толстые кожаные перчатки, зачерпнул из щели воды и плеснул себе в лицо.

Вода совсем успокоила его. Он вытер лицо и взялся за работу. Плавным сильным движением повел он рычаг. Посыпалась намерзшая на обод глина. Колесо тяжело пошло кверху.

Дмитрий, повернув голову, смотрел на Лену. Она же не сводила пристального взгляда с полушубка Арчила, брошенного на лед.

Арчил остановился.

— Парень жив остался?..

— Жив.

— Где он? — отрывисто спросил Арчил.

— Не знаю, где теперь, — помолчав, сказал Дмитрий. — Меня шесть лет не было! Отбывал наказание. Мальчик жил в детском доме. Когда я освободился, не нашел его там, кто-то забрал, усыновил.

Лена опешила.

Арчил опустил голову и долго сидел, не двигаясь. Когда он поднял лицо, оно было спокойным.

— Сколько зла! — проговорил он тихо. — И живешь, не тужишь!.. Он снова снял лампочку и внимательно осмотрел подпертую домкратом ось. — Не должно сорваться. Поднимется в полном порядке! — Повесил лампочку и взялся за рычаг.

Повернув голову набок, Дмитрий не смотрел на работу Арчила. Медленно поднималась ось колеса, а за ней и задний мост. И вот, наконец, образовалась щель, и Дмитрий смог просунуть между горлом и нависшим над ним железом указательный палец. Еще втиснул его. А через несколько минут вошел второй, средний палец. Кожух отдалялся. Дмитрию стало жарко, он чувствовал, как проступает пот, как сильно бьется сердце.

Лена, затаив дыхание, наблюдала за ним.

Колесо уверенно поднималось кверху. Арчил изо всех сил тянул рычаг, лицо его было красным от волнения.

Дмитрий протиснул еще один палец.

Три пальца!

Он лежал, зажмурившись, рукой стиснув край полушубка. Он весь напрягся, как зверь, готовый к прыжку.

Лена вскочила. Она видела, как Дмитрий, весь в поту, крепко сжав губы, просунул всю ладонь и потом, повернувшись на бок, выскользнул из-под машины.

Он привстал и облокотился на откинутый борт.

— Парень у меня, дома, — вдруг тихо произнес Дмитрий.

Лена замерла. Арчил вздрогнул, потом вяло, непонимающе спросил:

— Какой парень?

— Тринадцати лет. Арчил, твой Арчил. Твой и Нины. Мой мальчик...

Все трое молчали. Вокруг тоже все замерло в ожидании рассвета. Луна ушла за вершины далекого хребта; меркли звезды, рассыпанные по темному небу.

Сколько прошло времени?..

Двигатели по-прежнему негромко перекликались.

— Отдашь парня? — спросил Арчил Дмитрия.

Дмитрий задумался.

— А ты забереешь? — И Арчил увидел мольбу и страх в глазах Дмитрия. — Пусть будет у меня, — вдруг решительно проговорил Дмитрий.

Арчил изумленно смотрел на Дмитрия.

— Шесть лет не было мне покоя, мысль о том, что он мается без отца и матери, сводила меня с ума... шесть лет мы вместе!.. Пусть будет со мной. — Твердость вернулась к Дмитрию.

— Знает ли мальчик, чей он? Правду знает ли?!

— Нет. Не было необходимости. — И попросил: — Не отнимай!

— Не отнимай? Я... отнимаю! — прервал его Арчил. — Это ты отнял. Все отнял!

— Я отнял, все отнял! — перебил его Дмитрий. — Ты хочешь повторить ту же самую ошибку?

Арчил умолк. Он посмотрел на Лену, словно прося у нее защиты.

Лена отвела глаза и, опустив голову, стала смотреть на лед.

— Этот человек всегда говорит правду, и всегда неправ... — воскликнул Арчил. — А мальчик... захочет ли он меня?..

На востоке увеличивалась, расплываясь все шире, светлая полоса. Тьма нехотя отступала перед зарей. Но заря не была голубой, она пришла холодная, свинцового цвета...

— Об этом надо подумать! — сказал Арчил, накинул на плечи полушубок и пошел.

Он шел твердой, гордой поступью. На фоне горящих фар он казался большим, огромным.

Дмитрий и Лена молча глядели вслед идущему. Хлопнула дверца, застучал двигатель. Звук его долго еще слышался в отдалении.

— Я должен уснуть... Полчаса! — Дмитрий, шатаясь, пошел к кабине, с трудом взобрался на высокую подножку и упал ничком на сиденье.

Он спал мертвецким сном.

— Надо быть более спокойной! — произнесла Лена как бы в ответ Дмитрию.

Из работ Уча Джапаридзе

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. ОРАВА

საქართველოს
ხელოვნება

«САМХАРИ»

Григол ЦЕЦХЛАДЗЕ

ПЕРВАЯ ОХОТА

Словно верблюды с белой ношей ваты,
Отряды туч хребет переползли.
Вершины — то белые, то розоваты —
Сверкали в голубеющей дали.

К скалистым кряжам с детства не приучен,
Взбирался я с ружьем по крутизне.
Плясали ветры на угрюмых тучах,
Владенья серн с трудом давались мне...

И вот внезапно я увидел тура.
Была в нем настороженность стрелы.
Стоял он, ноги напряжинив туго,
Стоял, как продолжение скалы.

Он был не как в музее — не парадный.
Он был частицей горной простоты...
Я выстрелил. И не попал. И рад был,
Что не сразил я этой красоты.

ТЫ И ЗВЕЗДЫ

В зеленых звездах черный небосвод.
На нашу лодку море не рассердится...
Тропинкой лунной вдаль мечта плывет.
Все громче, громче бьется мое сердце.

Я наизусть запомнил твой рассказ,
Как ты росла вдвоем с мечтой крылатой.
Как, смелости набравшись, в первый раз
К пилоту знаменитому пришла ты.

Как летчицей ты стала, и полна
Теперь твоя душа теплом и светом,
И как горда тобою вся страна,
И как страной любимой ты согрета...

А звезды распускались, как цветы,
Их свет зеленый глаз твоих касался...
И молча на меня глядела ты,
И я твоей надеждой проникался.

Перевод с грузинского Д. Маркиша

Ордэ ДГЕБУАДЗЕ

Королева утренней зари

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с грузинского М. Эсакия

...Председатель ЦИКа встретил нас стоя у стола. Он внимательно оглядел нас обоих. Молча пожал нам руки и так же молча предложил сесть. Когда мы уселись в глубокие кресла, он подошел к большому, во всю стену, окну и, словно продолжая давно начатый разговор, сказал:

— Очень неприятное дело. Весьма. — Потом резко повернулся на каблуках, будто вдруг припомнив что-то. — Я вас позвал не для того, чтобы обучать, как надо вести следствие или лезть со своими советами. — Он потерев рукой слегка серебрившуюся бородку. — Узнав об этом... инциденте, я созвонился с одним товарищем, из руководителей. Он, знаете, должен бы хорошо разбираться в ваших делах. А он мне говорит: ну что вы бьете тревогу из-за какой-то иконы. Найдет ее милиция — хорошо. А превращать следственные органы в охотников за иконами и рясами вряд ли целесообразно. — Председатель нахмурился и быстро зашагал в угол. Остановился возле круглого столика, налил себе воду. Но не выпил, а так же стремительно обернулся к нам: — Может, и в следственных органах такие настроения? Может, вы собираетесь вести следствие с таким рвением, будто ловите воришку, вытащившего деньги из-за пазухи у мочальницы?..

— Что вы, что вы, товарищ председатель, — вставил слово мой начальник.

— Не обижайтесь, но у меня зародилось такое подозрение. Мне кажется, что теперешние молодые люди могут недооценить происшедшее. Лично я, должен вам сказать, был очень расстроен, когда мне доложили о похищении. Вы знаете, как бережно хранит Советская власть памятники истории. Правда, мне сказали, что украдена икона сравнительно поздней работы. Но ведь там, в Сиони, были иконы шестого века! Что, если грабители зарились на них?!

— Мы тоже так думаем, — подтвердил я.

Продолжение. Начало см. в журнале «Литературная Грузия» № 5.

— Да, мне передали по телефону содержание вашей докладной записки. — Председатель внимательно оглядел меня с ног до головы. — Моему, ваши соображения правильны. Преступники проникли в Сиони не за золотом и серебром.

Я взглянул на своего начальника. Он, видно, был доволен ходом нашего разговора, но с нетерпением ждал момента, когда можно будет сообщить о новых сведениях, полученных от кондуктора.

— Словом, — продолжал председатель, — не нам вас учить. Помните только — вам поручено дело государственной важности. Ни один памятник искусства, представляющий художественную и историческую ценность, не должен быть потерян. Икону надо найти. Все ваши силы, лучших оперативных работников, все знания и опыт посвятите этому заданию. Понятно?

Председатель ждал ответа, но мой начальник почему-то промолчал.

— Трудно? Много еще у вас срочных заданий?

— Нет, не в этом дело. Просто нам не понадобится предпринимать таких усилий, — ответил начальник.

— Почему?

Начальник выпрямился, заговорил громче и уверенней:

— Потому что после того, как вам доложили обо всем по телефону, в деле возникли новые обстоятельства. Новые и, я бы сказал, радостные. Думаю, до вечера все будет выяснено. Один преступник нами уже обнаружен. — Он гордо поднял голову.

Председатель подошел к нам, сел в кресло напротив.

— Расскажите подробно, что за обстоятельства.

Начальник пересказал все, что услышал от меня в машине. Председатель ЦИКа встал, засунул руки в карманы и улыбнулся.

— Если так, беспокойтесь нечего. Только, кажется, оправдывается одно мое подозрение. Знаете, какое? — Он снова подошел к круглому столу, отпил из стакана и вернулся к нам. — Года два назад в нашем представительстве в Москве мне рассказали, что один француз, любитель церковной живописи, заинтересовался нашим древним искусством и выразил желание повидаться со мной. Я, конечно, согласился. В назначенный час в постпредство заявился маленький старичок, очень вежливый и предупредительный. Мы долго беседовали. Оказалось, что он прекрасно разбирается в древней живописи России и Грузии. Он мне сообщил свою теорию о том, что памятники национального искусства должны быть вынесены на мировую арену. Француз поразил меня знанием истории нашей республики. Правду говоря, я стал даже сомневаться в его французском происхождении. «Мы, французские исследователи, — говорил он, — заинтересованы в изучении грузинских памятников старины, потому что эта древняя нация богата превосходными образцами как древнего зодчества, так и церковной живописи». Он с отличным знанием дела говорил о Светицховели, Баграте, Гелати и других гениальных образцах искусства наших предков. А потом — под конец — завел речь о Сионском соборе. Этот иностранец знал многое такое, что не всякий из нас слышал. Он знал, что сооружение Сионского собора было приурочено к перенесению столицы из Мцхета в Тбилиси. Знал, что относится он к первой половине пятого века, эпохе Вахтанга Горгасала. Меня просто поражала точность и глубина его знаний. Он рассказал мне, в каком году и каким из завоевателей был разрушен и осквернен наш Тбилиси, а вместе с ним и этот храм. Потом он стал перечислять все достопримечательности Сиони — прямо как по путеводителю — и отметил, как будто между прочим: «Там, мол, хранится один из наиболее блестящих образцов раннехристианской культовой живописи». — Председатель посмотрел в потолок, словно припоминая в точности слова

француза, и закончил: — Я его спросил, что он имеет в виду, и он ответил: — Марткопская икона Спаса, относящаяся к шестому веку.

Начальник то и дело многозначительно поглядывал на меня. Я понял, что он готов причислить этого француза к подозреваемым лицам. А внутренний голос снова заговорил во мне: «Может быть, это преступление исходит из тех стран, где охотники за ценностями, ставшими национальным достоянием, чувствуют себя спокойно и привольно».

— Кроме этого, мы говорили еще о многих вещах, — продолжал председатель, — но в данном случае все это для вас интереса не представляет. В конце беседы он попросил у меня разрешения приехать для осмотра и изучения памятников грузинской культуры. Я, конечно, пригласил его и обещал всяческое содействие. Однако меня напоследок заставили насторожиться слова француза. В самом конце он мимоходом заметил:

— Слышал я, что народ у вас отвернулся от бога и церкви, не так ли?

— Большинство людей у нас не верит в бога, но никто не мешает верующим посещать церкви, — говорю я.

— Но таких очень немного, не так ли?

— Да, таких меньшинство.

— Значит, церковные иконы не представляют у вас особой ценности.

Я почувал подвох и промолчал.

— В таком случае мы могли бы приобрести кое-какие иконы, которыми у нас многие интересуются...

— Кто это — «мы»? — спрашиваю я. — И вообще, что вас конкретно интересует?

— Мы — это руководители музеев, любители древностей. Что же касается самих предметов древности, то важно принципиальное согласие, а о деталях можно договориться позже.

Ну, естественно, тут я уже не выдержал и говорю ему:

— Историю нашей страны вы изучили довольно хорошо, но вот о ее настоящем не имеете никакого представления. Мы бережем памятники старины — церковные они или светские — как зеницу ока. И не делаем национальное достояние предметом купли-продажи!

Расстались мы с ним холодно, и с тех пор я что-то не слышал, что бы он попытался осуществить свое намерение приехать к нам.

Председатель взволнованно ходил по кабинету. Потом внезапно стал рядом с нами. Начальник быстро поднялся с кресла, я тоже. Председатель крепко пожал нам руки и сказал на прощание:

— Упоминание Марткопской иконы в вашей докладной заставило меня вспомнить эту не очень приятную беседу. Не имеет ли похищение какой-либо связи с этим старым французом — любителем чужого добра? Может так, а может и нет. Во всяком случае, единомышленников у него там немало... Ну, желаю удачи!

Мой рабочий кабинет был открыт настежь. Старший оперуполномоченный Владимир Пиртахия с озабоченным видом ходил из угла в угол.

— Слава богу! Я готов был на стену лезть от нетерпения! — воскликнул он, увидев меня, и вздохнул с облегчением.

Я понял, что он хочет сообщить мне что-то чрезвычайно важное. Повесив на вешалку фуражку и пальто, я сел за свой письменный стол и приготовился слушать. В глубине души меня мучили сомнения: мы там, у председателя ЦИКа, наобещали бог знает что, преступник, по нашим

уверениям, был чуть ли не у нас в руках. А так ли все просто? Вдруг все наши подозрения ошибочны? Вдруг мы идем по ложному следу?

— Что произошло? Отчего было лезть на стену? — спросил я у Пиртахия, который смотрел на меня, словно видел первый раз в жизни. Видно, его удивила моя необычная невнимательность и рассеянность в такой момент. У него было важное донесение, а я молча размышляю о чем-то своем! Было от чего удивиться.

— В цирковом хоре обнаружен четырехпалый мужчина.

Эта короткая фраза сразу вернула меня в рабочую колею. Как будто меня окатили холодной водой, и я тотчас же пришел в себя. Все посторонние, не относящиеся к делу рассуждения отошли в сторону, осталась одна мысль, одно стремление. Перед моими глазами была лишь рука преступника с четырьмя растопыренными пальцами.

— Дальше! — воскликнул я, подбегая к Пиртахию.

— Кондуктор был прав. Он действительно оказался певцом из хора. — Оперуполномоченный сел, достал из кармана коробку папирос и спокойно сказал: — В десять часов они вышли из дома...

— Кто — они? Из какого дома? — прервал я его. Владимир, видно, только сейчас вспомнил, что я ничего не знаю о последних результатах розыска.

— Ах, да! — Он виновато улыбнулся и пояснил: — Я ведь еще не говорил: тот певец со своим дружкой-верзилкой проживают, как мы выяснили, по улице Орджоникидзе, дом 86.

— Вы не ошибаетесь? Это именно те, кого мы ищем?

— Именно те! Мои ребята даже ухитрились обследовать его гардероб. Нашли плащ, тот самый, о котором нам говорили, — двусторонний, с черной подкладкой, блестит, как спинка таракана.

Я не мог больше сдерживать радость и расцеловал своего помощника. Его медово-карие глаза хитро улыбнулись — моя экспансивность поражала его. Пиртахия привстал, собираясь уходить, но я снова усадил его и заставил рассказать все сначала, со всеми подробностями.

Владимир Пиртахия был одним из самых любимых моих сотрудников. Он пришел на следственную работу из армии. Его как-то сразу же все полюбили — этот плотный, крепко сбитый парень отличался дисциплинированностью, энергией и исполнительностью. Я испытал его в деле, когда нам пришлось столкнуться лицом к лицу с вооруженной бандой. Пиртахия оказался в моей группе. Он проявил тогда мужество и хладнокровие, особенно поразительное у новичка в нашем деле. Вскоре после этого задания мне удалось добиться его перевода в мою группу, и с тех пор я привык всегда видеть рядом с собой этого энергичного, остроумного и жизнерадостного человека.

— А что насчет пальца?

— На правой руке не хватает одного пальца.

— Как вам удалось выяснить все это так скоро?

— Ничего особенного! Адрес ребята разузнали в филармонии. Один из них под видом электромонтера зашел в указанный дом — там выключили свет, и он взялся проверить проводку. В комнате, на вешалке, увидел тот самый плащ. Вот и все.

— Молодцы ребята! А дальше?

— Дальше... — Пиртахия рассказал без передышки, как им удалось увидеть четырехпалого и его напарника. Как видно, именно этот, второй преступник, и закрыл задвижку дверей храма и снял икону со стены. Его зовут Сергей Стась, четырехпалого — Борис Саидов. Что касается третьего, который стоял на улице, пока его дружки орудовали в храме, он нигде не показывался.

По словам «электромонтера», Саидов и Стась выглядели совсем юными, покрасневшие глаза свидетельствовали о бессонной ночи. В десять часов они вышли из дому и, пройдя по Вокзальной улице на Плехановский проспект, направились к улице Жюреса. Стась держал в руках маленький чемоданчик, какой носят обычно спортсмены. Чемоданчик обтягивал белый матерчатый чехол, на котором красными нитками был вышит орел с распростертыми крыльями.

— Стась и Саидов вошли в дом номер 114 по Плехановскому проспекту, квартира 4. — Во время своего доклада Пиртахия то и дело заглядывал в папку, где были собраны отчеты всех оперработников, ведших слежку. — Два дружка оставались в этом доме недолго. Когда вышли, чемодана с ними уже не было. Один из наших сотрудников незаметно приблизился к подозреваемым настолько, что смог расслышать их слова. — Пиртахия достал из папки листок бумажки и стал читать:

— По московскому времени? — спросил Стась.

— Да, в шесть часов по московскому времени. Только близко ко мне не приходи, — ответил Саидов.

Они зашли на почту. На втором этаже Саидов передал в окошко заранее заполненный телеграфный бланк.

— Текст? — спросил я нетерпеливо. Владимир достал из папки другой листок.

«Харьков Главпочтамт До востребования

Бернарду Кавриге

Выехала двадцать третьего Встречай

Надежда»

— Выйдя из почты, они вернулись домой, — завершил свой доклад Владимир, завязал шнурочки на папке и положил ее мне на стол.

— Все? — спросил я, но даже не стал дожидаться ответа. Все было ясно. Сейчас надо продумать все детали услышанного и наметить план действий. Что мог означать, например, орел на чехле чемодана? Я задумался.

Пиртахия долго ждал, не прерывая моих мыслей. Увидев, что я с облегчением вздохнул, он указал на папку:

— Там описание их внешности, особых примет...

— Установили наблюдение за домом 114 по проспекту Плеханова? Узнали, кто живет в четвертой квартире?

— Будьте спокойны, все сделано.

Я раскрыл папку и стал читать описание внешних примет подозреваемых:

«Борис Саидов. Среднего роста. Плотный. Круглое смуглое лицо. Коротко подстриженные, черные, как уголь, усы. Черные беспокойные глаза. Тонкий удлинённый нос. Губы полные, слегка раздвоенные посередине. Волосы — курчавые, спадают на лоб до бровей. Говорит густым низким голосом. По возрасту — около 30 лет. Одет в черный костюм, черное драповое пальто, белую сорочку, под пальто — красное в белую горошину кашне. На голове — черная кепка. С правой руки не снимает коричневую кожаную перчатку — должно быть, потому, что на этой руке не хватает среднего пальца.

Сергей Стась. Высокий. Слегка сутулится. Плечи и грудная клетка узкие. Длинное лицо с густыми усами, прикрывающими тонкую нижнюю губу. Глаза — большие, голубые. Нос — орлиный. Говорит тихим тонким голосом. В противоположность Борису Саидову, который оставляет впечатление смелого, решительного человека, Стась отличается чрезмерная осторожность, пугливость, несловоохотливость. Часто оглядывается по сторонам, всматривается в прохожих. По возрасту — примерно ровес-

ник Саидова. Одет так же, с той разницей, что на голове у него синяя кепка, сорочка — синяя, на шее черное кашне».

— Мне интересно твое мнение — попали мы на след подлинных преступников или нет? — спросил я.

Пиртахия удивленно посмотрел на меня и, не задумываясь, ответил:

— Конечно. Они от нас не уйдут. Да и икона тоже.

— Ты так думаешь?

— Я в этом уверен. Мне чуть подсказывает, что икона в том маленьком чемоданчике, который они таскают с собой. А орел на чехле — условный знак для встречи на Харьковском вокзале с Бернардом Кавригой.

— Значит, Берnard и Надежда не знакомы друг с другом?

— Мне кажется, не должны быть. Иначе зачем эти елочные украшения на чемодане?

— На чемодане с иконой богородицы? — переспросил я.

— Точно, — решительно отрезал Пиртахия.

У нас это было своеобразным методом: подтверждение своих предположений и их всесторонняя проверка путем подобного взаимного «допроса». Я снова прошелся мысленно по всей цепи логических заключений и в конце сказал:

— Коли так, надо торопиться! Как только наша мнимая «Надежда», — я убежден, что это вымышленное имя, так же как и Берnard Каврига, — покажется на улице с чемоданом, ее надо задержать. А потом — и тех двоих!

Владимир улыбнулся:

— Хочется поскорее разделаться с этим делом? Хорошо, если бы так, но...

— Что еще?

— Мы имеем дело с бандой профессиональных преступников и, как выясняется, — с широко разветвленной. Не лучше ли пройти по следу до конца, узнать, куда он ведет, может быть даже — проследить этот след и за пределами нашей страны? Ведь нашему «доморощенному» бандиту икона вообще-то без надобности! Последуем по ниточке за Надеждой до Харькова, а дальше нас поведет таинственный Каврига. Клубок надо распутать.

— Скажи-ка мне, мой Шерлок Холмс, кто, по-твоему, эта Надежда?

— Думаю, что скорее всего — та самая женщина, которая так горячо замаливала в храме свои грехи.

Я изо всей силы ударил Владимира по плечу и воскликнул:

— Значит, я прав, дружище!

Владимир, поморщившись, потер плечо и, не скрывая удивления, спросил:

— В чем? И почему — ты?..

— Я проверил на тебе ход своих мыслей. Мы оба ошибаться не можем.

— Я бы сказал осторожнее, — поправил мою восторженную формулировку Пиртахия: — Возможность такой двойной ошибки маловероятна.

Схватив папку с надписью «Дело о похищении иконы богородицы из Сионского собора», я направился к двери.

— Куда ты? — спросил оперуполномоченный.

— Доложу начальнику. А ты разыщи Антису. Пусть к шести часам будет на вокзале возле московского поезда и опознает ту женщину. Конечно, если только это та самая, — добавил я.

— А вдруг они заметят монахиню на вокзале?

— Это уже твоя забота. Наряди ее получше, в модное платье. И поручи кому-нибудь из наших все время быть рядом с ней.

— Монахиням, кажется, по обету нельзя надевать мирское платье? — продолжал сомневаться Пиртахия.

— Вижу, ты стал разбираться в монашеских законах! Уговори, убедил, объясни. Скажи, что это необходимо для вызволения богородицы из рук неверных, что это не грех... Словом, делай, что хочешь, но приказ выполни. — Я пошел к кабинету начальника, а Пиртахия, вздохнув, направилась к гардеробу.

...До отхода поезда остается минут сорок. Я и Пиртахия прогуливаемся по перрону. На Владимире — синий костюм, модное светлокориңневое пальто и серая шляпа. Я одет более строго — по возрасту! — черный костюм, черное пальто, черная кепка. Мы отправляемся в Харьков, вслед за орлом с распростертыми крыльями. Начальник поезда, которого мы посвятили в курс дела, обещался устроить меня в одно купе с «Надеждой». С нее нельзя спускать глаз ни на минуту. К тому же неплохо познакомиться с ней, узнать, что это за человек.

Сообщение о нашей операции уже передали в Харьков. Там нас должны встречать на вокзале товарищи, которые возьмут на себя дальнейшую заботу о «Надежде». Они узнают нас с Владимиром по красным перчаткам. В Тбилиси остальные участники нашей группы установят постоянную слежку за Стасем и Саидовым. Однако до моего приказа их должны были оставить на свободе...

Уголкем глаза я заметил, что в многолюдной толпе на перроне появилась Антиса. В нарядном узком платье она с трудом переставляла ноги, как стреноженная лошадь. Ей явно непривычен был весь этот наряд — туфли на высоких каблуках, дорогой полубубок, шляпка с павлиньим пером... Монахиня выглядела смущенной и несчастной. Рядом с ней шагала наш сотрудник Катамадзе, человек пожилой и солидный. Я улыбунулся, увидев, что в толстом стеганом пальто и меховой черной папаше из нашего гардероба он чувствовал себя не лучше монахини. Достойная пара прошествовала мимо нас и стала чуть поодаль. Пока все шло по намеченному плану.

Ко мне подошел работник нашего сектора, поздоровался и громко сказал:

— Будьте добры, передайте, пожалуйста, это моему брату. Тут я посылаю немного денег...

Он протянул мне запечатанный конверт, в котором, как я знал, должны были быть уточненные сведения о «Надежде». Ребята моей группы спешно собирали все, что можно, чтобы успеть до нашего отъезда.

«А вот и они», — подал мне знак стоявший в стороне Пиртахия, показывая глазами на двух мужчин, которые молча шли рядом по перрону. Я сразу узнал по точным описаниям наших работников Саидова и Стася.

«Пора бы и даме появиться», — подумал я. Как раз в это время, как будто услышав на расстоянии мои мысли, Пиртахия отвернул рукав пальто и посмотрел на часы. До отхода поезда оставалось пятнадцать минут.

И так же одновременно мы увидели, как из двери вокзального ресторана на перрон вышла женщина с большим чемоданом в одной руке и маленьким спортивным чемоданчиком — в другой. Белый чехол, красный орел, — отметило сознание, — она.

Я видел, как Антиса торопливо направилась к ней и, проходя мимо, еле заметно кивнула головой. Женщина не обратила на монахиню никакого внимания. Она направилась прямо к международному вагону, быст-

ро поднялась и лишь тогда обернулась к стоящим на перроне кам. Саидов удовлетворенно улыбнулся, но женщина так же, не произнеся ни слова, не подав ни одного знака, скрылась в вагоне...

Я поспешил вдогонку за Антисой — в перронной суете моя торопливость не могла вызвать подозрений. Монахиня глянула на меня покрасневшими глазами и снова кивнула головой. Да, это она.

Когда я поднялся в вагон, Пиртахия уже стоял в коридоре и с беззаботным видом смотрел на перрон. Я остановился неподалеку от него и вскрыл конверт, пересланный мне из угрозыска. Вот что я прочел:

«Женщина, известная нам под именем «Надежда», на самом деле Раиса Миндиашвили. Близкие называют ее также Еленой. Ее отец — Федор Ильич Миндиашвили — рос и воспитывался у известного дрессировщика лошадей Никитина. Он перенял искусство своего учителя. Лет десять назад он стал выступать на арене цирка самостоятельно. Но вскоре заболел воспалением легких и скончался в Свердловске. Елена осталась без отца в возрасте шестнадцати лет. И тогда же ее мать — Ирина Прокофьевна Рехвиашвили — выдала девушку замуж за некоего Петра Таманова. Елена прожила с Тамановым пять лет, пока однажды он не исчез бесследно. С тех пор в течение пяти лет Раиса-Елена с матерью жили в Тбилиси. Ни мать, ни дочь нигде не работают, однако живут в достатке и нужды не испытывают».

По этой записке видно было, что сведения собирали второпях, не успели их систематизировать, проанализировать. Но для меня и этого было достаточно.

В тесном коридоре показался начальник поезда. Протискиваясь мимо меня, он дал мне знак следовать за собой. Мы зашли в купе, где стояла у окна Елена и, не отрываясь, глядела на перрон. Она даже не оглянулась. Я забросил свой чемодан на верхнюю полку, повесил пальто и шапку на вешалку. Усевшись в уголок возле двери, закурил папиросу. Но женщина не обращала на меня никакого внимания.

Поезд дрогнул, дернулся и медленно отошел от вокзала. Я вышел из купе и стал напротив открытой двери, наблюдая за женщиной. Постепенно набирая скорость, поезд приближался к Дидубе, но Елена все стояла неподвижно, прижавшись лбом к оконной раме. Скорый поезд, не останавливаясь, простучал по скрещению рельс на станции Дидубе и несколько раз отрывисто прогудел. Елена обернулась, словно ожидала этого сигнала.

На нижней скамье лежали два чемодана, снизу — большой, сверху — маленький, с орлом на чехле.

Я с интересом стал всматриваться в лицо женщины, но тотчас же заставил себя отвернуться, чтобы она не почувствовала моего пристального внимания. Но очень трудно оказалось оторвать взгляд от ее огромных синих глаз. Перехватив мой взгляд, она скромно потупилась, опустила ресницы. Теперь уже я разглядывал ее без стеснения, стараясь запомнить каждую черту. Черные волосы густой волной ниспадали на лоб, окаймляя белое, чуть удлиненное лицо.

Не подымая глаз, она отерла ладонью щеку, потом решительным движением скинула пальто и небрежно бросила на чемоданы. Моему взору открылся высокий стройный стан, белую шею прикрывал тяжелый узел косы.

Я зашел в купе и сел на скамеечку возле окна. Женщина стала уstraиваться на нижней полке.

В дверь нашего купе заглянул Пиртахия — беззаботный, улыбающийся, в общем — простецкий парень, душа нараспашку.

— Ого, князь, однако вы устроились с удобствами, — пробросил он

и засмеялся своей шутке. Я искренне обрадовался его появлению — молчание становилось тягостным, а я все не мог найти повода для разговора. Владимир же отлично чувствовал себя в своей новой роли и вел себя естественно и непринужденно.

Елена недовольно взглянула на непрошенного гостя. Но Владимир, не обращая никакого внимания на ее недовольство, вошел в купе и похозяйски расположился на полке. Елена демонстративно отвернулась и стала смотреть в окно.

— Я не виноват, что происхожу от князей! — ответил я и стал придумывать, как бы более или менее уместно упомянуть о фамилии Миндиашвили, которую я решил взять на это время. Однако и здесь Владимир вполне естественно подыграл мне:

— Уж в этом-то деле вам со мной не советую тягаться, дорогой. Я написал книгу о генеалогии грузинских фамилий...

— Неужели? — совершенно искренне удивился я. Меня каждый раз поражала способность Пиртахия находить какие-то неожиданные и остроумные ходы. Услышав, что имеет дело с представителем столь редкой научной специальности, наша попутчица несомненно должна была заинтересоваться разговором.

— Итак, историю какой фамилии вы желаете услышать? — тоном заправского лектора спросил Пиртахия.

— Расскажите о своей фамилии — Цхакая.

— Мой покойный дед утверждал, что мы дворяне. Но ни один документ не может подтвердить этого. Сколько я ни искал, нигде не нашел, чтобы кто-либо из царей жаловал моим предкам это звание. Могу рассказать, если хотите, откуда возникло это убеждение у дедушки.

— Пожалуйста, — дорога дальняя, — согласился я, устраиваясь поудобнее.

Елена, как мне показалось, с любопытством прислушивалась к нашей беседе. Как видно, она примирилась с непрошеным вторжением незваного гостя.

— Итак, мы начинаем! — Владимир уселся рядом с женщиной. — В ту эпоху, когда сотни чающих удостоиться дворянства прибегали к различнейшим способам добиться своей цели, мой дед Мангария поступил просто и остроумно. Он представил документ, подтверждающий его дворянское звание. Это было письмо мегрельского правителя Левана Пятого к имеретинскому царю. Леван писал: «Прошу переслать подаренного вами породистого мула через предъявителя сего, дворянина Цхакая». Письмо было скреплено подписью и печатью правителя.

— И все?

— И все. Мой дед утверждал: если бы Цхакая не были дворянами — правитель не мог бы написать этого. И подал прошение.

— Как же сохранилась эта пустячная записка столько времени? — удивился я.

— Ну, это уже не наше дело, — хитро улыбнулся Пиртахия. — Но, между нами говоря, не так трудно было обвести царя вокруг пальца. Документик-то, — Владимир с таинственным видом зашептал, — составлен был у нас же в селе писарем Соломоном Ашордиа.

Я от души рассмеялся. Елена повернулась к нам, не сдерживая улыбки. Она свободно вступила в разговор:

— Так вы, значит, дворянин ашордиевского происхождения? — Женщина улыбнулась.

— Точно! — коротко ответил Владимир и снова повернулся ко мне. Женщина, очевидно, не привыкла, чтобы к ее красоте проявлялось такое

равнодушие, и с любопытством посмотрела на Владимира. Я же, делая вид, что ничуть не интересуюсь происходящим, закурил папироску и, между прочим, спросил:

— Теперь послушаем рассказ о моих предках.

— Ваш предок Миндиа спустился с гор, спасаясь от своего господина Звиада, и пристроился в долине к какому-то князьку. Новый хозяин взял его к себе конюхом. Миндиа, в страхе перед прежним господином, до смерти не открыл своей настоящей фамилии. И потому весь род получил прозвище по своему основателю — Миндиашвили. Так говорит предание...

Я краем глаза наблюдал за Еленой. Услышав фамилию Миндиашвили, она широко открытыми глазами уставилась на меня, словно хотела что-то спросить. Но в последний момент сдержалась, глубоко вздохнула и тихо проговорила:

— Миндиашвили...

— Да, это моя фамилия, — сказал я и, засмеявшись, добавил: — Наш ученый утверждает, будто мой предок — беглый крестьянин, конюх! — Недоверчиво махнув рукой, я вышел из купе, словно вспомнив, что невежливо курить при даме...

По-моему, всю эту сцену мы с Владимиром разыграли очень удачно. Фамилию мы упомянули просто так, кстати, внимание женщины привлекли и даже разговорились с ней, причем по ее инициативе. Я слышал, как из купе доносился веселый голос Владимира и смех Елены — он продолжал развлекать ее веселыми историями, которых у него в запасе было множество. Потом мы с ним пошли в вагон-ресторан поужинать. В общем, я вернулся к себе уже часам к двенадцати.

Я осторожно отодвинул тяжелую дверь купе. Под потолком тускло синел ночник. Женщина уже лежала. Несмотря на полутьму и на то, что ее лицо скрывала густая тень от верхней полки, я увидел: она не спала, глаза ее были широко открыты. Большой чемодан был закинут наверх, на багажную полку. А чемодан с орлом Елена положила под голову.

Я стал раздеваться. Елена кашлянула. Я удивленно взглянул на нее, словно только сейчас заметив, что она не спала.

— Я разбудил вас? — встревоженно спросил я.

— Нет, нет, я не спала. Ждала вас. Много выпили?

— Одну каплю. Я вообще не большой поклонник этого дела, — ответил я, развязывая галстук. — Наверно, вы боялись заснуть при открытых дверях, — сказал я, хотя в глубине души был уверен: единственно, что ей мешало сейчас спать, — это моя фамилия.

— Нет, нет, что вы! Я просто ждала вас... Хотела спросить: вы откуда, из каких Миндиашвили? — Елена улыбнулась. Но я не мог понять, что означала эта улыбка: искреннюю радость или же женщина маскировала ею пробудившееся подозрение. На всякий случай я предпочел уклониться от ответа.

— И только из-за этого вы не спали до полуночи? — расхохотался я с видом человека, разгадавшего, что над ним подшучивают.

— Не удивляйтесь, ради бога, — забеспокоилась Елена. Она прислонилась головой к стенке купе. Рукой она стягивала на шее ворот полосатой темно-вишневой пижамы, которая так красиво контрастировала в полутьме с ее белым лицом. — Я очень интересуюсь всеми, кто носит эту фамилию.

— Чем заслужил род Миндиашвили ваше благосклонное внимание? — с полушутливым поклоном спросил я.

— Я сама — Миндиашвили, — ответила она, словно хотела ска-

зять: «Теперь-то вы понимаете, почему я интересовалась ждала и не засыпала».

— Миндиашвили? — поразился я.

— Вот видите — мы однофамильцы, может быть, даже и родственники...

Я включил настольную лампу. Женщина зажмурилась от внезапного света.

— Вы из какого села? Как звали отца? — расспрашивал я с видимым нетерпением.

— Может быть, вы слышали когда-нибудь о таком добром и честном человеке по имени Федор Ильич Миндиашвили?

Я решил, что пришло время воспользоваться полученными мною сведениями:

— Федор Ильич? Дрессировщик лошадей? Тот, что умер в Свердловске?!

Елена села на своей полке, укутавшись в одеяло. Она молчала и не шевелилась. Я подсел к ней и продолжал:

— Так значит, вы дочка Ирины Прокофьевны?

— Вы знали отца и мать? — тихо проговорила Елена с таким чувством, что я, на мгновение позабыв о следственном задании, искренне пожалел ее.

— Знал?! Ну, конечно, знал. Ваш отец был очень близок нашей семье. Когда он работал ассистентом у Никитина, мы жили в Москве... Он часто заезжал к нам. Иногда вместе с Ириной Прокофьевной. Если мне не изменяет память, даже вы бывали у нас совсем еще маленькой девочкой...

— Значит, мы родственники...

— Наши отцы — я помню это совершенно точно — были двоюродными братьями, — убежденно сказал я.

— Боже мой! — тихо воскликнула женщина. Лицо ее светилось радостью, но уже через мгновение туман набежал на него и только улыбка оставалась на губах. Вот уже краска отлила и от губ. Освещенная светом ночника, Елена казалась бледной, как привидение.

— Как мама? Она еще жива? Где вы сейчас живете? — забросал я ее вопросами.

— Ничего... Мама хорошо... Мы живем в Тбилиси. Одни, совсем одни. Без друзей, без родственников. — Елена отвечала отрывисто, рассеянно, думая о чем-то другом. Она снова легла на подушку, так осторожно, будто боялась потревожить свежую рану. — Эх, если бы мы все время были вместе, не расставались тогда... — Она хотела еще что-то добавить, но так и не сказала ничего. После долгого молчания она снова взглянула на меня: — Прости, но я так и не знаю, как тебя зовут...

Первая часть задуманного мною плана блестяще удалась. Она признала меня родственником и даже перешла на «ты».

— А я до сих пор помню, как мой отец говорил, что у Федора красавица-дочка Елена, — усмехнулся я.

— Ты запомнил мое имя... — голос женщины звучал тоскливо и грустно. Даже радостная встреча с родственником — а я не сомневался, что она окончательно признала меня родственником — не заставила ее забыть о чем-то, что беспокоило и тревожило ее постоянно.

В ту ночь мы проговорили до утра.

Я представил ей как юриконсульт «Тбилторга» и сказал, что направляюсь в Харьков на суд с нашим кредитором, «Харьковторгом», с которым у нас возникло конфликтное дело. Я рассказал новой «родствен-

нице» о своей жизни, упомянул о таких подробностях, о которых говорят только с близкими людьми.

Елена тоже прониклась ко мне доверием. Она поведала о своем горьком житье-бытье. Я не сомневался в искренности ее рассказа до того момента, пока она не сказала, что ее муж Петро Таманов умер.

— И вот теперь мы с мамой совсем одни, никого у нас нет из близких... Эх, были бы мы знакомы раньше, — она замолчала, повернувшись к окну.

— Когда умер Таманов?

— Пять лет назад, — ответила она поколебавшись и, очевидно, чтобы скрыть смущение, сама спросила: — А ты женат?

— Женат, — ответил я. — Сколько лет было твоему мужу, когда он умер?

— Двадцать пять.

— Двадцать пять!.. Такой молодой... От чего же он умер?

— Эх, если б он умер от чего-нибудь! Его убили. — Она вздохнула горько и повернулась лицом к стене.

— Убили? — воскликнул я удивленно. — Кто? Почему?

— Прошу не спрашивай меня ни о чем. Только лучше бы и меня убили вместе с ним!

Паровоз отрывисто загудел, — видно, мы подъезжали к какой-то станции.

Перебирая в памяти все услышанное, я признавался себе в том, что и впрямь стал воспринимать эту женщину как близкую. Ее горести по-настоящему трогали меня. Наверно, та нотка искреннего страдания, которая слышалась в ее голосе, заставила меня увидеть в ней человека, глубоко страдающего и еще не совсем погибшего.

За сегодняшние сутки нам удалось сделать больше, чем можно было ожидать. Если так пойдет дальше... Я молча завернулся в одеяло и уткнулся лицом в подушку.

...На следующее утро я первым делом зашел в купе проводника и на всякий случай выписал себе удостоверение личности и командировочный бланк на имя Сандро Георгиевича Миндиашвили.

Когда я вернулся в свое купе, Раиса уже поднялась. Она встретила меня радостно, как близкого и дорогого родственника. Попросив снять с багажной полки ее чемодан, она достала и разложила на столике домашнее печенье, мед, масло и пригласила меня разделить с ней завтрак.

Раиса казалась веселой и беззаботной, но я все же чувствовал, что в глубине души она тщательно прячет от посторонних глаз свое горе.

Я решил не расспрашивать больше ее о муже или семье, чтобы убедиться, что вчерашний разговор не представлял для меня особого интереса и я попросту забыл о нем. Не задавал вопросов и о цели ее поездки.

Пиртахия постучался к нам, когда дело шло уже к полудню, и пригласил в вагон-ресторан. Узнав, что мы оказались с Раисой родственниками и уже позавтракали, так сказать, «по-домашнему», он совершенно серьезно разобиделся.

— Если бы не я, вы так и пропутешествовали бы до самого Харькова, не сказав друг другу ни слова. Я, можно сказать, породнил вас, а вы отметили это событие без меня! — Он нахмурился и взялся за ручку двери, чтобы уйти. Я задержал его, силком усадил, начал успокаивать.

Мнимый «Цхакая», которому в нашей инсценировке досталась роль члена Верховного суда, постепенно позволил себя уломать. Только с одним условием: чтобы хоть я, если уж Раиса так наотрез отказывается, составил ему компанию и пошел в вагон-ресторан. Мне пришлось согласиться...

94436930

...За столиком ресторана мы, наконец, смогли обо всем переговорить. сверить свои наблюдения, наметить совместный план действий. Решили, что прежде всего надо постараться осмотреть чемодан Раисы. Потому что — кто знает? — может грабители оказались хитрее и предусмотрительней, чем мы думали, и сообщница понадобилась им лишь для того, чтобы запутать след.

— Почему бы не подстраховаться на всякий случай, — сказал оперуполномоченный.

— Не зря старики говорили: потеряв топор, прежде всего поищи его у себя за поясом, — согласился я. План действий составить было не сложно. Я предложил:

— Когда мы вернемся, ты притворись, что у тебя схватило живот. Отравился, допустим, или еще что... Я побегу за врачом, принесу лекарство, в общем — все, что в таких случаях полагается. Потом тебе станет лучше. Но когда мы с Раисой пойдем обедать, ты, конечно, вынужден будешь остаться в купе. Только помни: общешься чемодан так, чтобы ни одна вещь с места не сдвинулась!

Владимир смотрел прямо перед собой с таким видом, словно все, что я говорил, было ему известно давным-давно и он заранее со всем согласен. Со стороны никто не мог бы догадаться, что наш разговор имеет хоть сколько-нибудь серьезное значение.

...Все исполнилось как нельзя лучше. Я и Раиса долго сидели в ресторане. Традиционная медлительность и нерасторопность официантки на этот раз не сердили меня. Раиса старалась казаться беззаботной и благодушной, но я видел, что она нервничает и даже не всегда может скрыть это. То замрет, глядя в одну точку и не видя ничего кругом, то задумается о чем-то своем и не ответит на вопрос, то бестолково тычет вилкой в тарелку. Я сначала делал вид, что не замечал ее возбужденного состояния. Но потом все же спросил:

— Тебя что-то беспокоит, волнует?

— Нет, нет, что ты. Просто...

— Что — просто?

— В Харькове меня должен встретить жених.

— И ты так нервничаешь от одной перспективы встречи с любимым человеком?

— Эх, если бы это была любовь... Этот человек нравился моей матери, и я не могла отказать ей. Но сейчас я твердо решила порвать с ним раз и навсегда.

— Для этого ты едешь в Харьков?

— Он не давал мне покоя, просил: приезжай, мол, хоть на день, дважды присылал деньги на дорогу...

Раиса лгала мне. Она не поднимала глаз, губы ее пересохли, щеки пылали. Все это радовало меня: значит, по натуре она не испорченный человек, значит совесть мучит ее. Кто знает, какие обстоятельства — страх или нужда — принудили ее совершить злополучный шаг.

— Ты долго думаешь пробыть в Харькове? — спросил я.

— Может быть, завтра же придется вернуться назад.

Когда мы открыли дверь купе, Пиртахия, запрокинув голову, глотал какие-то капли.

— Опять лекарство? — спросила Раиса.

— Опять, — мрачно ответил он. — Какой-то черт забрался ко мне в желудок и вертится там, словно кинжал. Горит и горит. — Уполномоченный скорчил гримасу, словно от невыносимой боли, и покачал головой. Увидев его расстроенное лицо, я понял, что ему не удалось обнаружить икону в чемоданах.

Случилось то, чего мы опасались, что мы допускали лишь как маловероятное предположение. Холодный пот залил мне виски. Пришлось прислониться к стене.

— Эти капли не помогли мне. Придется обратиться к какому-нибудь иному лекарству, — сказал Владимир. Тайный смысл его слов вернул мне надежду. Я молча вышел в коридор.

Немного погодя ко мне присоединился Пиртахия. Став у соседнего окна и глядя на пробежавшие мимо телеграфные столбы, он еле слышно прошептал:

— В чемоданах ничего нет. Предполагаю, что икона под чехлом маленького чемоданчика, но прощупать ничего не мог.

— Предполагают гадалки, — сердито ответил я. — Наши работники должны знать.

Владимир обиженно посмотрел на меня.

— Чехол снять я не мог — она обязательно заметила бы это.

Почувствовав, что действительно был несправедлив к нему, я примирительно спросил:

— Почему ты думаешь, что она там, под чехлом?

— Крышка чемодана показалась мне толще обычной.

По коридору протискивался какой-то толстяк. Я кивнул Владимиру и зашел в свое купе. Раиса дремала, полулежа на полке. Осторожно взобравшись наверх, я лег и отдался мыслям. Надо было снова пройтись по всей цепочке известных нам фактов, снова взвесить и проанализировать каждую мелочь, чтобы убедиться, что мы идем по верному следу и никакой ошибки не совершали. Положение осложнялось.

5

Мы подъехали к Харьковскому вокзалу в два часа ночи.

Весь последний вечер Раиса заметно нервничала, беспокоилась, лихорадочно поеживалась. Пиртахия постоянно вертелся поблизости.

Когда поезд замедлил ход, Раиса мне сказала:

— Сегодня в восемь часов вечера я буду ждать тебя возле памятника Шевченко. Я скажу тебе точно, когда решу вернуться в Тбилиси. И еще кое-что хочу рассказать. Только об одном умоляю тебя — не выходи на перрон вместе со мной! Он так ревнив...

— Ясно, — коротко проговорил я и взял свой чемодан, — ровно в восемь у памятника.

Поезд дернулся и стал.

Встречающихся было совсем не много. Я и оперуполномоченный направились к деревянному киоску, откуда доносился, перекрывая запах угля и дыма, привлекательный аромат горячих пирожков. В руках мы держали красные перчатки и поигрывали ими. Мимо нас прошел какой-то носильщик и улыбнулся как старым знакомым. Он подбежал к тому вагону, из которого мы только что вышли, и стал внимательно разглядывать приехавших. Увидев Раису с зачехленным чемоданом, он решительно схватился за ее вещи, но женщина так же решительно отстранила его. Носильщик не отставал, не желая терять заработок. Раиса что-то проговорила, как видно наотрез отказываясь от его услуг и отвернувшись. Тогда носильщик достал из кармана белый платок и приложил ко лбу.

Я и Пиртахия следили за этой сценой, не отрывая глаз: мы знали, что «носильщик» — наш харьковский коллега и платком он сигнализировал своим товарищам, чтобы они взяли Раису под наблюдение.

Носильщик отошел от освещенного вагона и сразу же растворился во тьме. Раиса стояла возле ступенек и растерянно оглядывалась вокруг.

Народу становилось все меньше и меньше. Когда на перроне уже никого не оставалось, моя «кузина» сердито схватила чемоданы и направилась к выходу. Дождавшись, пока она подойдет поближе, я выступил из теньки рожочного киоска и удивленно спросил:

— Как, ты одна?

— Да, меня не встретили, видно с ними что-то случилось... — Женщина замолкла, испугавшись, чтобы случайно оброненное слово не выдало ее тайны. — Должно быть, мой жених заболел или, может, затерялась телеграмма.

«Должно быть так, милая Раиса, — подумал я, — не то, конечно же, тебя бы встретили — либо один преступник, либо другой».

— Ничего, мы тебя проводим.

— Но я не знаю его адреса... То есть... Он только что поменял квартиру...

«Не знать адреса своего жениха — это уж слишком», — пронеслось у меня в голове, и я взглянул на Владимира.

Женщина продолжала вглядываться в лицо каждого, кто появлялся на перроне, и казалось, не слыхала ни одного слова из того, что мы говорили.

— Тогда пойдем вместе с нами, — решил я. — Сегодня отдохнем в гостинице. А с утра примитесь за поиски — или ты его разыщешь, или он тебя, наконец! — Я схватил в свободную руку ее большой чемодан и зашагал к выходу.

— Пойдем, — обреченно согласилась женщина и словно тень последовала за нами.

...Мы заняли две комнаты на втором этаже в гостинице «Интурист». В одном номере устроилась Раиса, в другом — я с Пиртахия.

«В маленьком чемодане икона не обнаружена».

«Раису никто не встречал».

«Может Стась и Саидов «раскололи» нас на тбилисском вокзале и сообщили в Харьков об опасности?»

«А вдруг и наши тбилисские «клиенты», почуяв угрозу, сумели скрыться?»

«Но если здешние члены банды «засыпались», тогда, естественно, встреча не могла состояться».

«Маловероятно, чтобы так вдруг попались бы все сразу и некому было бы прийти на вокзал за иконой...»

Сотни головоломных вопросов не давали мне покоя. Я поднялся с постели.

— Что случилось? — спросил Пиртахия.

— Нельзя ждать утра, надо идти.

— Куда?

— В областное отделение угрозыска. Надо переговорить с Тбилиси. Если у них все в порядке, тогда еще ничего, но если они упустили Стася и Саидова... — Я накинул пальто, сорвал с вешалки шапку. Когда я сбегал по лестнице, услышал звук захлопнувшейся двери. Вслед за мной, поскрипывая новыми туфлями, спешил Пиртахия.

...Дежурный отделения немедленно соединил нас с Тбилиси. Я позвонил на дом к начальнику секретного сектора.

— Наши «друзья» чувствуют себя преспокойно, — сразу же проснувшись, сообщил он, — совсем недавно ребята проводили их на улицу Орджоникидзе, чтобы по пути с ними ничего не случилось!

Я облегченно вздохнул, словно скинул с плеч тяжелый мешок. Но сразу же возникли новые опасения:

«Может, Раиса и не думала увозить икону богородицы?»

«Может, все очень просто: в нее влюблен какой-нибудь хороший, честный парень, а мы...»

Тем временем дежурный по моей просьбе созвонился с адресным бюро. Сведения, полученные оттуда, оказались неожиданными для меня: в Харькове действительно оказался Бернард Каврига, но он был... семидесятипятилетним педагогом-пенсионером, который, конечно, в этот час спокойно спал в своей постели, не помышляя ни о какой невесте. Где уж влюбляться в столь почтенном возрасте!

Тогда я попросил дежурного — исполнительного и вежливого молодого украинца — соединить меня с начальником отделения. К счастью, он уже оказался в своем рабочем кабинете, не то пришлось бы будить его ни свет ни заря.

...Высокий светловолосый человек средних лет радушно заспешил нам навстречу, как только мы открыли дверь его кабинета.

«Михаил Петрович», — по-домашнему представился он.

Я подробно рассказал обо всех обстоятельствах нашего дела и о тех осложнениях, которые возникли в последний момент. Михаил Петрович внимательно слушал, нервно потирая лицо. Я давно обратил внимание, что человек нашей профессии не может спокойно слышать подобные истории. В таких случаях он уподобляется горячему скакуну, мимо которого стремительно пронесся табун.

Когда я упомянул Бернарда Кавригу, начальник отделения хитро сощурил глаза и мягкая улыбка скользнула у него по губам. Но он не прерывал меня, пока я не закончил.

— Все ясно, друзья. Вы прекрасно поработали, но, к сожалению, — он сочувственно покачал головой, — к сожалению, вашего Бернарда уже нету...

— То есть как нету?

— Он и его дружок некто Галан убиты в перестрелке с нашими работниками в Киево-Печерской лавре. — Он посмотрел на нас с таким выражением, словно хотел сказать: «Нравится вам это, друзья, или нет, но это так».

Новость не обрадовала меня. След терялся, цепочка грозила оборваться.

— Двое убито... Живыми никого не взяли?

— Никого. Третьему удалось скрыться.

— Кто этот третий?

— Не знаем. — Начальник с сожалением пожал плечами.

— А с какой целью проникли они в лавру?

— Цель, мне кажется, была та же, что и в Тбилиси, — охота за древними иконами. Вы ведь знаете, лавра — старейший памятник православной религии, относится к одиннадцатому столетию.

— Вы уверены, что один из убитых — Каврига?

— Мы обнаружили у него три паспорта. Один — на имя Бернарда Самуиловича Кавриги. Так что, этот человек с тремя фамилиями, должно быть, вас и интересовал.

Продолжение следует

СТИХИ КУРДСКИХ ПОЭТОВ

В Советской Грузии дружной семьей живут представители разных национальностей. Бок о бок трудятся они на заводах и фабриках, на колхозных полях и высокогорных пастбищах, в различных областях литературы и искусства.

В этом номере журнала мы предоставляем слово курдским поэтам, живущим в нашей республике.

Джалиле АДЖО

РАССТАВАНИЕ

Перевод с курдского Т. Степанова

Зима расстелит белые ковры,
Закроет окна белой буркой вьюги.
Деревья — словно белые костры,
Нагих ветвей немеющие руки,
И снежных вихрей тонкая кудель...
Веретено — над высями Кавказа:
Соперничает белая метель
С упорством и отвагой скалолаза.
Спешит к Тбилиси,
В турий рог трубит...
Я на пути у той метели встану.
Пусть снежный вихрь подхватит и домчит
Меня к тебе —
В пути я не устану.
Расстались мы. Как трудно одному!..
Но я вернусь — ты должен мне поверить.
У белой вьюги крылья отниму,
Приду к тебе,
В наш дом открою двери,
Морщины гор рукой разглажу я.
Казбек! Скажи: ты чем-то озабочен?
Ты издали к себе манил меня —
В горах пути опасней, но короче.
И я пришел.
Так здравствуй, дорогой!
Нас не разделят дни и расстоянья...
Вот так зима сменяется весной,
И вдруг конец приходит расставанью.

Азизе ИСКО

ВСЕГО ДОРОЖЕ

Перевод с курдского Г. Павловской

Далеких предков мужество и сила,
Живые краски утренней зари,
Новорожденного нетерпеливый крик —
Все мне в Отчизне дорого и мило.

Так дорог дом, где годы детства шли,
И все, во что твой труд с любовью вложен.
Но каждый метр исхоженной земли,
Но горсть родной земли — всего дороже.

В успехах Родины — мой собственный успех,
Заботы Родины — мои заботы тоже.
Мир, завоеванный в борьбе,
Свобода Родины — вот что всего дороже.

ПЕСНЯ СВОБОДЫ

Перевод с курдского Т. Степанова

Песню мой саз посылает в полет...
Песне любые открыты дороги.
Курд эту песню о счастье поет —
Сбросил он ношу беды и тревоги.
Плечи расправил, мечтой окрылен.
Радости сердце распахнуто настезь.
Черное прошлое...
Быль это? Сон?
Там, за хребтами, бушует ненастье,
Там кочевала с отцами беда,
Там над отцами нагайки свистели...
Вечно скитались — в дожди, в холода,
Ветры над нами отходную пели.
Длилась веками крошечная ночь.
Да, мы не ждали такого рассвета!
Мысли о прошлом из памяти — прочь!
Солнце велело забыть нам об этом!
Только о будущем! Путь наш далек.
Рядом народы идут — побратимы.
И разливается горный поток
Радости нашей неуправимо.
Песню мой саз посылает в полет...
Песне любые открыты дороги.
Курд эту песню о счастье поет —
Сбросил он ношу беды и тревоги.

Бахчое ИСНО

ГРУЗИНКЕ-УЧИТЕЛЬНИЦЕ

Перевод с курдского Г. Павловской

Весенним солнцем заливало мир,
Врывался в окна ветерок веселый.
Ты занималась с курдскими детьми
В просторном классе новой школы.

Счастливых глаз с тебя я не сводил —
Я никому так благодарен не был!
Учи их, не жалея труда и сил —
Они так долго были немые!

Пусть честь борца, сердец священный жар
Они хранят на всех дорогах жизни.

Пусть пронесут, как Иво и Заар¹,
Через века свою любовь к Отчизне.

Учи их, друг. Их счастье впереди.
Расширь их мир под синим, ясным небом.
Обогати их речь, язык обогати —
Они так долго были немые!

Шкоლე ГАСАН

ПОЕТ МОИ САЗ

Перевод с курдского Т. Степанова

Поет мой звучный саз,
И сердце вторит сазу.
Цветет, цветет мой сад.
Цветы внимают сказу.
Зеленых рек исток —
Тенистая аллея...

Здесь каждый лепесток
Моей рукой взлелеян.
Поет мой звучный саз.
И стих рукой изваяя;
Ты, Родина, — мой сад,
И я в саду — хозяин!

Тогар БРОЕВ

МЭМО

Вступление к поэме

Перевод с курдского Г. Онаняна

Я помню: полнеба пылало закатом,
И вечер к земле утомленно приник.
Присев у палатки на склоне покатом,
Преданье поведал мне курд-проводник.

Вершины лучи золотые, как пики,
Под вечер устали держать на плечах,
И только высокие снежные пики
Еще розовели в последних лучах.

Закат отсверкал опереньем фазаньим —
В горах он игрою оттенков богат...
Я был околдован старинным сказаньем,
Прекрасным и грустным, как этот закат.

Где в свете зари облака златокудры,
Где горы на тучи похожи вдали,
Там издавна жили отважные курды —
Бесстрашные дети суровой земли.

Туманом повиты Немрутские горы,
Вершины — на солнце, ущелья — в тени...

¹ Иво и Заар (Иванэ и Захар) — братья курды, участвовавшие в освободительной борьбе грузинского народа с внешними врагами (XII в.).

Орлиные дали, родные просторы
Увидишь повсюду, куда ни взгляни.

Туманы ползут по вершинам и безднам,
Везде громоздится гора за горой...
Там жил среди курдов в краю поднебесном
Мэмо — закаленный охотник-герой.

Джардое АСАД

ГОВОРЯТ, ЧТО РОЗЫ ПРЕКРАСНЫ...

Перевод с курдского Г. Павловской

Говорят, что розы прекрасны, —
Я бы с ними тебя не сравнил:
Разве ветер осенний властно
Лепестков не срывает с них?

Говорят, что прекрасно море,
Но вода в нем горька, как слеза.
Я хотел бы, чтоб слезы горя
Не дрожали в твоих глазах.

Я б чинару сравнил с тобою,
Хоть уверен, что ты стройней.
Нет! Я видел, как с острой пилою
Дровосек приближался к ней.

Пусть луну воспевают поэты, —
Не сравниться с тобой и луна:
Ты — источник любви и света,
А она холодна и бледна.

Гибкой лентой, струей серебристой
С гор сбегает хрустальный родник.
Только с ним, животворным и чистым,
Я осмелюсь тебя сравнить!

Флиментий ГОГИАВА

Встретимся у проходной

РАССКАЗ

Перевод с грузинского К. Коринтели

1

Нас в классе двадцать: девять мальчиков и одиннадцать девочек. В этом году мы, наконец, расстаемся со школой. Все мы — и девочки и мальчики — учимся с равным успехом. Некоторые девчонки сильны в литературе, другие — в математике. Мальчишки тоже. У девчонок одна круглая отличница, и у нас — один. Так что хватать им перед нами нечем. Только не думайте, что этот отличник — я.

* * *

Грузинский язык преподает нам Караман Джангвеладзе — он пожилой, всегда подтянутый и очень милый. Из-под косматых бровей строго смотрят черные глаза.

Когда Караман сердится, они загораются каким-то особым огнем; он встряхивает головой, и его обычно аккуратно причесанная голова становится похожей на львиную гриву. Пять лет уже учит он нас. И мы за это время отлично изучили его харак-

тер. Боюсь, что того же нельзя сказать о предмете, который он преподает.

Когда Караман сердится — он тихонько постукивает средним пальцем по столу. Это постукивание действует магически. Класс замирает. А у Карамана начинает дрожать нижняя губа. Его усталое, грустное лицо краснеет, суровый взгляд его черных глаз проникает в самую душу. Караман вызывает к доске того, кто первый нарушил дисциплину, и тот обычно ничего не знает. «Будешь еще? — Караман вытаскивает свою потрепанную записную книжку. — Поставить двойку или спросить тебя завтра? — Он пристально смотрит на ученика. И если замечает хоть подобие раскаяния, говорит: — Ну, ладно уж, садись, спрошу завтра, подготовься».

Я думаю, Караман напрасно так мягок с нами.

* * *

Как-то раз Караман нас предупредил: «Завтра — контрольная. Подго-

товьтесь хорошенько, будете писать автобиографию».

Кто-то заметил:

— Подумаешь! Родились, выросли, и вот учимся!

Я был того же мнения. Но раздумывать не было времени — стояла чудесная погода. До обеда я проторчал на пляже.

А вечером отправился в кино. Вернулся домой поздно, полный впечатлений, в ушах звучала веселая песенка.

На другой день я пришел в школу в приподнятом настроении. Предстоящая контрольная казалась мне пустяком. Слава богу, это тебе не биография какого-нибудь писателя! Там одни даты чего стоят! А я? Что успел сделать я в жизни?!

Я шел в школу с одной только авторучкой. Другими учебными принадлежностями я уже давно не обременяю свои руки. Тетрадками меня снабжают девочки (правда, не без давления с моей стороны!), а книги... — «Забыл», — говорю я в крайнем случае.

Тетрадку я конфисковал у Маквалы, ее тетради счастливые — тройка обеспечена.

Вошел Караман. В чудесном настроении. Ласково поздоровался с нами, написал на доске число. Как птицы крыльями, зашелестели тетради.

...Я родился в 194... году. Мой отец инженер, работает директором консервной фабрики. Мама кончила биологический факультет, работала в школе до тех пор, пока не родилась я.

Мама... Она и сейчас считает меня маленьким... Она безошибочно угадывает, что меня тревожит. Аккуратно снабжает меня деньгами, и среди ребят я считаюсь в этом отношении человеком солидным.

К деньгам, которые отец дает мне на туфли, она добавляет еще столько же и покупает самые модные. Помню, в шестом классе мне сшили костюм из дорогой шерсти. Отец тогда страшно сердился на маму.

— Ребенок должен быть одет красиво, — возражала мать.

— Ребенка надо одевать так, чтоб он был похож на ребенка! Ученическая форма — вот что ему нужно! А на бостон пусть сам зарабатывает!

— Эх, когда еще это будет! — вздохнула мать.

— Когда? В пятнадцать лет я уже сам зарабатывал! Днем работал у станка, вечером сидел за книгами.

— Ты рос сиротой, а у нашего сына, слава богу, есть родители. Успеет помучиться, когда нас не станет.

Моя дорогая мама!

Она упросила шофера, и он теперь, тайком от отца, каждое утро возит меня в школу. Не дай бог, отец узнает об этом! Но шофер человек осторожный — он останавливает машину за углом, высаживает меня и тогда уже едет за отцом. Иногда по дороге встречаются мои товарищи, я хочу пригласить их в машину, но наш шофер говорит, что им полезно ходить пешком.

Вот и вчера. Лил проливной дождь. Мы едем, и вдруг вижу — Маквала идет по тротуару с зонтом в руках. Ну, на этот раз я был настойчивее, уговорил шофера, и он остановил машину около Маквалы. Я открыл дверцу и пригласил Маквалу. Она очень смутилась. Она раскраснелась от быстрой ходьбы и была красивая, как никогда. Я даже растерялся, увидев ее такой.

Маквала моя ровесница. Она родилась в феврале, а я — в апреле. В день моего рождения я хотел было закатить настоящий кутеж, но мой отец!.. Он даже не дал нам вина!

Нет, отец, по-моему, чересчур уж строг. Кто-то, на мою беду, внушил ему, что сына нужно растить в черном теле, чтобы из него вышел человек.

Отец следует этому совету. Но сердце у него доброе: долго сердиться он не умеет.

Как-то раз у нас были гости, и когда пили за мое здоровье, отец сказал:

— Расти, сынок... Мне ничего не жаль для тебя, ты должен учиться, помни. В твоем возрасте о такой жизни, как твоя, я и не мечтал, а учился лучше тебя. Ну-ка, расскажи — каковы твои успехи!

Я готов был провалиться сквозь землю. Но тут на выручку пришла мама.

— Оставь в покое ребенка! Видишь, мальчик смущается.

— Я хотел сказать только, что сын не радуется своими успехами. Лучше б он ударил меня тогда!

Да, оказывается, написать автобиографию не так легко. Вот-вот

кончится урок, а я еще ничего не написал.

Во дворе нашего дома стоит сарайчик. Мы складываем туда дрова. Там же хранятся инструменты моего отца — напильники, клещи, ножницы для резания жести, молотки, пилы — память о времени, когда отец был слесарем. Помню, еще в девятом классе я обнаружил в сарае кусок стали и смастерил из него отличный ножик. Все мальчишки мне завидовали. В сарае я нашел и свой заводной автомобиль. Он валялся среди всякого хлама. Я провозился с ним целых два дня, но мои труды увенчались успехом: автомобиль воскрес, забегал. Зато эти два дня мне дорого обошлись — по грузинскому и по истории я получил двойки. Исправить их стоило большого труда.

А «железный мальчик»! Это целая история! Когда я показал «железного мальчика» директору школы, он похвалил меня и сказал: «Человек из тебя выйдет!»

Дай бог! Я тоже этого хочу.

С «железным мальчиком» я возился два месяца — затупил все напильники, ковал, точил без конца, и наконец из рук моих вышло то, что я задумал.

— Молодец, сынок! — обрадовался отец. — Руки, ноги, голова, глаза, губы, щеки, уши — все, все на своем месте, настоящий человек! Молодец!

И отец поставил «железного мальчика» на свой письменный стол.

Товарищи стали часто приходиться ко мне, в мою «мастерскую». Кто разогревал металл, кто обтачивал его напильником. Работы на всех хватало.

Однажды мы решили сделать паровоз. Но как назло я нечаянно хватил себя молотком по указательному пальцу левой руки. Пошла кровь. От боли у меня искры из глаз посыпались. Мальчишки перепугались, побежали к маме. Поднялся переполох, вызвали врача. Мама плакала навзрыд.

— Хватит тебе причитать, успокойся! — прикрикнул на нее отец. — Сколько раз со мной такое случилось и, как видишь, я не умер.

— А вдруг у него начнется заражение?

— Посмотри, — отец показал ей

свой изуродованный палец. — И ни-
какого заражения не было.

— Да ты ж тогда был взрослым
мужчина, а он совсем ребенок!

— Мне тогда было пятнадцать лет!

— Но ты работал на заводе! А что ему нужно в этом проклятом сарае? Не видать теперь ему этого сарая, как своих ушей!

Неделю спустя, как только мне сняли повязку, я отправился в сарай, но на дверях его висел огромный замок. Я влез на крышу и проник в сарай с чердака. Мой «станок» был на месте, но инструменты исчезли. Мама сдержала слово!

Я умолял ее дать мне хоть некоторые инструменты, но она была непреклонна. Отец, как ни странно, поддерживал ее.

— Ты сначала свои двойки исправь!

Да, я знаю, что книга — источник знаний, — это мне твердят с семи лет. И вот передо мной учебник литературы. Что такое рифма? Что такое метафора?.. Я учу, старательно учу, но в голову ничего не лезет!

2

Как-то раз наш учитель по физике повел весь класс на завод — на экскурсию. Мы ходили по цехам, разглядывали машины. Я заметил там одного парня примерно моих лет. Он вытачивал болты. С первого взгляда он чем-то мне очень понравился. Парень почувствовал, что я присматриваюсь к нему.

— В каком ты классе? — спросил он меня.

— Кончаю в этом году.

— А я в позапрошлом окончил! И сразу — сюда!

— Доволен?

— Не жалуюсь.

Мы разговорились. Он был моего роста, но коренастый, крепкий, как молодой бычок. Звали его Автандилом.

— Идешь на медаль? — поинтересовался он. Мне страшно хотелось соврать, прихвастнуть, но я сдержался.

— Тогда трудно будет тебе поступить в вуз! — В голосе Автандила было столько доброты и участия, что я сразу проникся к нему симпатией. — Ты, значит, как и я. Я по письму

не вытянул на четверку, а на тройках теперь далеко не уедешь... Думал, что все уже кончено. Начал я работать здесь, учился на слесаря. И что думаешь? Получил разряд, а в прошлом году поступил в политехнический. Правда, пришлось попотеть!

С завода я пошел домой. Улицы были оживлены, кончился рабочий день. Я пошел по аллее, ведущей к морю. Здесь всегда прохладно, густая листва задерживает солнечные лучи. Я люблю эту улицу.

Я думал о том, что видел сегодня на заводе. По правде говоря, меня не тронула речь директора завода, но рассказ Автандила заставил меня задуматься.

Вечером к нам пришел Гоги, мой двоюродный брат. Я люблю Гоги, он хороший мальчик. Отец купил ему мотороллер. Мне отец тоже обещает, но ставит невероятное условие:

— Принеси мне табель отличника, тогда куплю!

Значит, не видать мне мотороллера!

На второй день после экскурсии я заболел. В бреду я все время говорил о мотороллере. Вечером пришел с работы отец.

— Ну, как твой герой? — спросил он мать.

— Как? Лекарство не пьет...

— Почему?

Мать решила, что настал удобный момент:

— Он бредит и все говорит — мотороллер, мотороллер! Купи ему мотороллер, доставь удовольствие ребенку!

— Ну, это ты брось! И так разбаловали мальчишку!

Отец заставил меня выпить лекарство. Горькую микстуру я проглотил так, словно это был сладчайший напиток — сам отец поднес ложку к моим губам.

3

В третьей четверти по физике мне поставили двойку. Я никак не ожидал такой жестокости. И мне было стыдно перед Маквалой. С тех пор, как мы избрали ее секретарем комсомольского бюро класса, она меня просто извела. Ругала на каждом собрании. В последний раз я просил ее ничего не говорить об этой несчастной двойке. Обещал исправить. Но

она лишь взглянула на меня сердито. А когда начали говорить об успеваемости, обратилась ко мне.

— Кевлишвили! Ну-ка, расскажи классу, как получилось, что у тебя в четверти двойка по физике! Объясни!

Оправдываться не имело смысла. Я опустил голову. Все устались на меня.

— В начале четвертой четверти я исправлю эту двойку, — едва слышно пролепетал я.

Собрание, наконец, кончилось. Но дома было еще хуже. Мама плакала целый день. Отцу она ничего не сказала. Но, к несчастью, на этом свете ничего не скроешь! Оказывается, директор звонил отцу на работу. Он пришел разъяренный. Таким я его никогда не видел.

— Покажи отметки твоего сыночка! — обратился он к матери. Мама дрожащей рукой протянула ему табель.

— Двойка! — грозно пророкотал отцовский бас. — По грузинскому тройка, по русскому тройка, по английскому — четверка. — Он усмехнулся. — Неужели ты английский знаешь лучше грузинского? — Я молчал. — По алгебре тройка, — продолжал отец. — А что такое тройка? Чуть лучше двойки. Взгляни на себя — учиться надо, а у тебя в голове — мода! Я тебе покажу моду! — Он вытащил из ящика свою бритву и протянул мне. Я не понимал, к чему он клонит. — Что ты усталился на меня? Ну-ка, живо, сбрей свои усы!

Через несколько минут от моих чудесных усов и следа не осталось.

Все каникулы я просидел дома! При отце я раскрывал учебники, делал вид, что занимаюсь. Но как только он уходил, я бросал книги и принимался за своего «железного мальчишка». Я хотел добиться большей выразительности его черт. Автандил подарил мне замечательный напильник, и я с увлечением работал.

Многие ребята с нашей улицы работали на производстве. Чего только они не мастерили: и ножики, и молотки, и топоры, и детали для машин. Я всем сердцем завидовал им.

Один раз я поделился с матерью своими мыслями. Сказал ей, что с удовольствием перешел бы в ремесленное училище. Мама подняла та-

кой крик, что я решил больше никогда не делиться с ней. Маме сделалось дурно. У нее начался сердечный приступ. Вызвали врача. Правда, врач, узнав причину маминого приступа, принял мою сторону.

— Пусть мальчик идет туда, куда его тянет. Дело спорится только тогда, когда его любишь.

— Неужели мой единственный сын будет простым рабочим! Ни за что! Отец его едва избавился от молотка и напильника!

После этого разговора мама каждую неделю приходила в школу, узнавала мои отметки. Если я получал двойку, она не давала мне покоя до тех пор, пока я ее не исправлю. Я уже распрощался со своей мечтой. Но стоило мне вспомнить Автандила, как становилось легче на душе.

Раз мы с мамой пошли в кино. В фойе было очень много народу. Мы стояли в уголке у огромного зеркала. Я поднял глаза — в зеркале отражалось бледное безусое лицо. Да, вид у меня не геройский!

И вдруг я увидел Автандила. Он входил в фойе с какой-то девушкой. Они улыбались, о чем-то оживленно разговаривая.

Автандил увидел меня.

— Ты один?

— Нет, с матерью.

Я познакомил его с мамой. Автандил представил меня девушке как своего друга. Она протянула мне руку со снисходительной улыбкой. «Подумаешь, кривляка, — подумал я. — Ну и кривляйся! Все равно Маквала в тысячу раз лучше тебя».

Автандил, подтянутый, вежливый, веселый, очень понравился маме. Когда мы вернулись домой, она в разговоре с отцом рассказала об этой встрече.

А отец строго посмотрел на меня, потом перевел взгляд на маму и назидательно сказал:

— Я не удивляюсь тому, что он хороший, — парень работает!

* * *

Началась великая страда — экзамены. Сегодня первый день. Волнуюсь ужасно. Мама выходит из дому вместе со мной.

— Ты куда, мама? — удивляюсь я.

— В школу!

— Нет, мама! Не надо! Зачем тебе в школу?

Но она, конечно, сделала по-своему.

Сегодня — грузинский письменный. Я не боюсь: ведь не даром целую неделю я, как проклятый, сидел над книгами, тетрадами, составлял шпаргалки.

Маквала молодец. Она знает наизусть все стихи. Я — ни одного. Не могу запомнить!

В субботу я вышел пройтись. Звал Маквалу, но она наотрез отказалась: «Не могу, — говорит, — заниматься».

Пошел один. Около парка я встретил Автандила с товарищами.

— Ну, как твои дела, боишься экзаменов? — спросил он меня.

— Эх, если б страх помогал! — засмеялся я. Автандил познакомил меня с ребятами, а сам ушел куда-то. Через несколько минут он появился на «Москвиче». Это была его собственная машина!

Мы поехали за город.

Правда, я знаю Автандила недавно, но меня удивило, что он ничего не сказал мне о «Москвиче»!

Мы чудесно провели время. Мне ребята не разрешили потратить ни копейки, сказали, что когда заработаю, тогда их угощу.

И в тот вечер я твердо решил пойти на завод.

Ох, разве время сейчас думать об этом! Нужно выбирать тему.

На доске написаны названия тем. Их три. Что за напасть! У меня нет ни одной шпаргалки! Что теперь делать? Я решил писать «Патриотизм в творчестве Важа Пшавела». Огляделся. Каждый занят своим делом. Передо мной лежит белый лист со штампом, и надо писать. А я не знаю что! Время идет. Я напрягаю память, но все напрасно. Неделю назад я просил Маквалу написать мне шпаргалку по этой самой теме. Но она возмущенно взглянула на меня и сказала:

— Если хочешь, расскажу!

Я был в отчаянии. И вдруг на мою парту шлепнулась узкая лента бумаги, сложенная гармошкой. Я схватил ее, прочел название. Моя тема! Оглянулся. С задней парты мне улыбался Зураб. Выручил, друг, спаси-

бо! Теперь только бы переписать без ошибок!

Я начал писать. Вернее — переписывать. Но вдруг мысль о том, что кто-нибудь из комиссии заметит шаргалку, до смерти испугала меня. Я писал, то и дело оглядываясь по сторонам. Буквы ложились вкривь и вкось, но это меня не беспокоило — главное, не наделать ошибок, верно расставить знаки!

Первым из класса вышел я. В коридоре на меня накнулись мамыши. Но моя мама прорвала их круг, обняла меня, поцеловала в горящие от волнения щеки. Мать Маквалы участливо спросила: «Написал, сынок?». Вслед за мной вышла Маквала. Потом еще две девочки.

— Что же с моим мальчиком, почему он не выходит! — волновалась мать Зураба.

Меня бросило в жар. Вдруг шаргалка Зураба не годится! Что мне делать?

4

И вот экзамены позади. В моем аттестате скромно потушили головы тройки, четверки стоят смелее, и лишь кое-где красуются гордые пятерки. Но их, конечно, мало. Всего три: по поведению, по географии и по Конституции.

Вчера вечером я навсегда распрощался со школой. Аттестат я свернул трубочкой и завернул в газету.

Поднявшись по лестнице, я услышал голос отца и почувствовал, что не могу открыть дверь. Я присел на ступеньку и решил дожидаться, пока отец уснет. Но потом подумал: в конце концов я принес аттестат зрелости, это что-нибудь да значит! Теперь я человек самостоятельный и могу жить, как хочу! Я смело толкнул дверь. Мама выбежала в переднюю — видно, давно ждала меня, обняла, взяла мой аттестат, бережно развернула его.

— Мой мальчик!

А отец, едва взглянув на аттестат, уничтожающе заметил:

— Ты воображаешь, что с такими отметками попадешь в институт?

Я предпочел не вдаваться в объяснения и незаметно выскользнул из комнаты.

А у Маквалы сегодня торжество — она окончила школу на пятерки. Я знаю, она будет рада мне — ведь

мы проучились с ней столько лет! Она хорошая, добрая, скромная! Как она переживала за меня, когда я не знал урока! Пожалуй, больше, чем я сам.

Мне хотелось пойти к ней. Но тут вспомнил, что ее мать меня вообще терпеть не может, а теперь совсем заест.

— Маквала тебе не товарищ, оставь ее в покое! — как-то раз заявила мне ее мать. Я весь дрожал от возмущения. Маквала тогда три дня со мной не разговаривала. Она избегала меня, видимо, ей было стыдно за мать... Но дружба наша победила. Маквала, наконец, улыбнулась мне. Да, она молодец. Теперь перед ней открыты все двери, а я...

С этими мыслями я и уснул. Разбудили меня мамины шаги. Она тихонько присела на край кровати и погладила меня по голове.

— Не переживай, мой мальчик, не обращай внимания на папины разговоры. Я поеду с тобой в Тбилиси. Дядя там всех на ноги подымет, устрой тебя в институт. Не волнуйся!

Я крепко обнял маму.

— Почему ты не пошел к Маквале? — спросила она ласково. — Девочка три раза тебе звонила! Ничего, мой дорогой, завтра можешь пригласить кого хочешь. Отца я уже уговорила. Ну спи, спи, моя радость!

* * *

Мама укладывает вещи, суетится. А меня эта поездка совсем не радует. Я не надеюсь на себя. Сколько раз я порывался сказать об этом маме. Но она, догадываясь, о чем я хочу говорить, закрывала мне рукой рот. Но вчера я все же сказал:

— Мама, зачем мы едем в Тбилиси? Ведь я все равно не сдам.

— Что ты говоришь?! Замолчи! — крикнула мама.

И передала мои слова отцу. Я думал, он рассвирепеет, а он сказал, когда мы остались одни:

— Не своди мать с ума. Поезжай, испытай свои силы. Не сдашь, — возвращайся и начинай работать. Тогда уж она ничего не сможет сказать.

5

И вот мы сидим в купе тбилисского поезда. Нас четверо: я, мама, мать Маквалы и какой-то рыжебородый

мужчина, который едет в Самтредиа. Когда он вошел, мать Маквалы демонстративно отвернулась, моя мать стала смотреть в окно, а я вышел в коридор. В купе наступила неловкая тишина. Рыжий взобрался на верхнюю полку. Я вошел в купе. Мать Маквалы трещала без умолку:

— Моя Маквала так вышивает, что смотреть любо. Вообще, руки у нее золотые, рукодельница она редкая! Вот это платье она мне сшила.

— Кто ее научил? — поинтересовалась мама.

— Конечно, я! Женщина должна все уметь: и стряпать, и шить, и вышивать. Она такие обеды готовит, что пальчики оближете. А твой парень хороший хозяин? — неожиданно спросила она маму.

Мама ответила не сразу и довольно неопределенно:

— У него в руках любое дело спорится.

Кажется, мама впервые за всю жизнь сказала неправду. Что я дома делаю? Ровно ничего! Изредка колю дрова, да и то мама запретила — еще ногу, говорит, поранишь!

Мне очень хотелось узнать, почему Маквала больше не приходит ко мне, но спросить об этом было стыдно. А ее мать рта не закрывала до самого Хашури. В Хашури поезд стоял долго, и она задремала.

...Поезд подошел к Тбилиси. Я с трудом выволок на платформу громоздкий, тяжелый чемодан. Нас встретила жена дяди. Здоровенный шофер подхватил проклятый чемодан словно перышко. И дядин «ЗИМ» помчал нас по улицам Тбилиси.

Дядя поздравил меня с окончанием школы, пожелал успехов; и я как-то воспрял духом.

На утро он притащил в мою комнату маленький столик, поставил его у окна и заботливо сказал:

— Ну, теперь занимайся, работай, словом, — готовься. Здесь тебе никто мешать не станет.

По правде говоря, все это мне не очень-то понравилось. Значит, он не всесилен, хоть и заместитель министра. А что я могу выучить за две недели!

Вечером, когда мы с дядей играли в шахматы, раздался звонок. Дядя глянул на ручные часы и с улыбкой сказал мне:

— Пришел твой благодетель, отпри ему двери!

Вошел маленький, сухонький человечек. Протянул мне жилистую руку с тонкими, словно спицы, пальцами. У него были аккуратно подстриженные усики, густые брови и под ними — черные, пронзительные глаза, на левой щеке — большая родинка, нос с горбинкой, на голове большая лысина.

— Вот, милый Шио, об этом юноше говорил я тебе! — сказал ему дядя.

Шио какое-то мгновение сверлил меня взглядом. Потом сделал постное лицо.

— Что ж, я — маленький человек! Если по моему предмету он ответит на три, я поставлю ему четыре; ответит на четыре — ставлю пять. Это не такой большой грех! А больше я ничего не смогу сделать.

— А по другим предметам? — не выдержала мама.

— По другим предметам?! Если мальчик не знает ничего, ему никто не сможет помочь. — Он сокрушенно развел руками и покачал головой.

На маму мой «благодетель» произвел неприятное впечатление. Едва он вышел за дверь, мама заставила дядю звонить к какому-то профессору. Они долго говорили о том, о сем, наконец, дядя закинул удочку:

— Знаешь, мой племянник, сын сестры, поступает в институт... Нет, что ты, если бы так, я бы никого не просил... Да... Ну да, конечно...

Дядя недовольно взглянул на меня — почему, мол, я не отличник. Он в сердцах швырнул трубку на рычаг. Потом сказал маме:

— Что мой сынок, что твой — обоих связать одной веревкой и выбросить в море! Эх ты, парень, не совестно тебе? Учился бы по-человечески, не приходилось бы теперь унижаться! Да в конце концов чем я могу помочь, если ты ничего не знаешь? — И дядя, раздраженный, ушел в спальню.

У мамы глаза наполнились слезами, она поднесла к носу платочек... Я закрыл глаза и почему-то в памяти моей всплыло лицо Автандила. Он ласково улыбался мне.

— Не надо, мама, прошу тебя... Совсем я не хочу института... Поступлю на завод, буду работать, а потом сам подготовлюсь и сдам на за-

очный. И буду инженером, вот увидишь!

Незаметно промелькнули две недели. Завтра первый экзамен. Мама места себе не находит. Я не спал всю ночь. Волнуемся оба.

Утром мама подняла меня в шесть часов. В девять надо быть на экзамене. Мы пошли по набережной к институту. Мама попросила меня — выгляни в окно, я буду знать, где тебя экзаменуют.

В коридорах, на лестницах — толчея. Вот и одиннадцатая аудитория. Там за длинным столом — экзаменационная комиссия. Дядино товарища я нигде не встретил. Видимо, он в комиссии.

Я не волновался: заранее знаю, нет вопроса, на который бы я ответил на пять.

И вот я что-то мямлю. Толстый профессор огорченно развел руками.

— Что ж, молодой человек, я весьма уважаю вашего дядю, но не могу! Не могу оценить ваши знания ни на пять, ни на четыре. — И он отвернулся. У меня потемнело в глазах. Тройка для меня была губительна. Я едва добрал до дверей.

Домой я пришел очень поздно.

После моего провала мы прожили в Тбилиси еще неделю. За это время мама немного пришла в себя, настроение ее улучшилось. Она подолгу шепталась с моей теткой — дядиной женой, та ее в чем-то убеждала, мама соглашалась.

Дядя заказал нам билеты на воскресенье. Вечером, перед отъездом, мама всплакнула было, но быстро успокоилась. Мы уселись в вагон. Поезд тронулся.

Утром мы были дома. Отец ни слова не сказал мне, только внимательно оглядел нас обоих. Я не выдержал его взгляда, юркнул в свою комнату.

...Неужели все кончено, и для ме-

ня закрыты все пути? Неужели?.. Нет! Я знаю, что делать. Решение было принято: иду на завод. И я почувствовал облегчение. И нетерпение — хотелось поскорее взяться за дело. Я бросился к телефону, набрал нужный номер, вызвал Автандила. Сейчас он был самым близким мне человеком. Все мои товарищи разъехались, Маквале, если она и здесь, на глаза стыдно показаться — она-то уже зачислена на металлургический факультет.

В трубке зазвучал знакомый голос: «Привет, друг! Рад тебя видеть. Поговорим обо всем, только после работы. Где встретимся? Ладно, есть! Я подойду к проходной, да, в шесть часов. Не опаздывай! Ну, есть!».

Автандил появился ровно в шесть. Я чистосердечно рассказал о своем позорном провале. Он искренне посочувствовал мне, успокоил и ободрил.

На третий день я уже стоял за станком рядом с Автандилом.

Он обещал в течение двух месяцев сделать из меня слесаря какого-то разряда — не помню уж какого.

Мама была не очень рада моей работе, но отец сказал:

— Теперь я верю, что из него выйдет человек!

Отношение ко мне дома изменилось. Отец стал мягче. Мама относилась ко мне, как ко взрослому мужчине. А когда я принес ей первую зарплату, она расплакалась. А потом засмеялась, обняла меня и поцеловала.

В тот же день принес зарплату и отец. Мама с сияющим лицом протянула ему мои деньги.

— А это зарплата нашего сына, — сказала она.

Отец улыбнулся.

— Что ж... хорошо. По такому поводу не грех распить бутылочку! Как ты думаешь? — обратился отец ко мне, как к равному.

Константин ГАМСАХУРДИА

Дереник Демирчян

Два классика армянской литературы — Аветик Исаакян и Дереник Демирчян своим творчеством помогали крепить нерушимые узы братства между армянами и грузинами — так же, как Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели, да и мы, современные писатели, не отстаем от них: залог тому — две тысячи лет крепкой дружбы наших народов.

Жестоко просчитались те злопыхатели и болтуны, которые пытались не раз омрачить историческую дружбу наших народов, вернее говоря, историческое их братство, скрепленное кровью и борьбой против общего врага.

В 1932 году Дереник Демирчян и другие армянские писатели пригласили меня в Ереван.

Никогда не забыть мне той теплоты, с которой отнеслись ко мне друзья-армяне.

Дереник каждое утро приходил ко мне в гостиницу, мы много ездили с ним по Армении и никак не могли наговориться о славном прошлом наших народов, об их грядущем. Незабываемые дни провел я на земле армянской.

В 1942 году, в годину испытаний, когда фашистские канибалы рвались на Кавказ, я снова был в Ереване и перед армянскими писателями, среди которых были Аветик Исаакян, Дереник Демирчян и другие, произнес следующие слова:

«Я люблю Армению за то, что наши крепости и храмы похожи друг на друга; похожи друг на друга и наши древнейшие алфавиты, наши горы и реки, наши люди, даже окладистые бороды наших царей и католиковосов.

Еще и за то люблю я Армению, что

мы с вами были и есть форпосты древнейшей цивилизации.

Доспехи наших предков, правда, поизносились в нескончаемых войнах против завоевателей, но мы считаем себя потомками отважных предков и никому не дадим в обиду ни наш язык, ни землю нашу.

Мы с вами должны сплотиться и общими силами бороться против всяческих происков империализма.

Враги наши напрасно стараются — отныне мы никому не позволим посеять рознь между нашими народами.

Со смотровых башен наших крепостей и колоколен храмов глядит на нас двухтысячелетняя история. Так будем же, братья, до последнего нашего вздоха сражаться храбро и непримиримо, так же, как воевали наши славные предки».

Нет больше с нами двух наших верных друзей — Аветика Исаакяна и Дереника Демирчяна. Но мы, их братья по крови и духу, живы и до самой смерти будем стоять на страже наших народов, нашей культуры.

Голословные заверения в братской дружбе еще далеко не все, главное — дело, воплощенное в творчестве.

Не так давно я очень внимательно перечел первый том замечательного романа Дереника Демирчяна «Вардананк», изданный недавно на грузинском языке и превосходно иллюстрированный.

К сожалению, армянского языка я не знаю, но даже в посредственном переводе прозаического произведения видны когти могучего многоопытного льва.

Действие «Вардананка», этого большого полотна, разворачивается на фоне истории Армении V века.

Пятый век!

В эту эпоху ни у одного европейского народа, кроме Италии, не было такой славной истории, исполненной борьбы, трагизма и героизма.

Вардан Мамиконян, народный герой Армении и храбрый полководец, выступает на историческую арену.

Вардана окружают изменники и согластатаи. Его судьба удивительно напоминает удел наших Георгия I, Баграта III и Баграта IV, Давида Строителя и царя Свимиона.

Благодаря нашим героям, мы и армяне сохранили, хоть и в руинах, родные земли наши; благодаря их делам уцелела для потомства немалая доля нашей древнейшей и блестящей литературы, зодчества и живописи.

И, разумеется, не одна нация может позабывать таким памятникам, такой истории, как наша.

Известно, что Персия в те времена наводила ужас даже на такую могущественную державу, как Византийская империя.

Ареной столкновений двух этих китов нередко становились Армения, Албания, Иверия и Колхида.

Огромным мужеством и отвагой должны были обладать наши народы, чтобы в открытых боях или с помощью дипломатических уловок отстаять свою свободу и независимость.

Не только грузинские и армянские летописцы, — сами персидские и византийские историки свидетельствуют о том, как беззаветно сражались наши народы, защищая свою государственность и культуру.

Дереник Демирчян в своем «Вардананке» с большим мастерством изобразил борьбу за свободу и христианскую веру. С эпической убедительностью показана эта самоотверженная борьба.

В центре романа образ народного вождя спасета Вардана Мамиконяна. Вардан не одинок, его поддерживают многие смелые нахарары.

Превосходно изображен съезд армянских лидеров в Эчмиадзине по случаю ультимативной грамоты персов. В этот трудный час они никак не могут прийти к соглашению. И тогда произносит свое слово спасет Вардан.

«— Оставьте споры, Владыка, и вы, государи нахарары! — сказал он спокойно, но властным голосом. — В час, когда мы всем народом стоим перед вопросом жизни или смерти, нет ни сильных, ни слабых мира сего. Ответ держать нужно всем народом... Завершим дело, встанем на защиту родной страны, а за старые споры можно и после при-

няться!.. Нам необходимо единение — единение нахарарства, духовенства, народа! Необходимо всенародно записаться в воины отчизны!»

Выразительны образы брата Вардана — Вагана, дегей марзпана Вацага и его супруги, которые требуют, чтобы отец семейства — человек двуличный, нерешительный и трусливый — оставался верен христианской религии.

Поборниками реакционного паганизма в V веке были цари Персии. Насадить огнепоклонство персы пытались и в Армении, и в Грузии, и в некоторых других странах. Разумеется, это была крайне реакционная тенденция.

Армянский народ, получив ультиматум царя Азкерта, оказался перед лицом тяжелых испытаний.

Спасет Вардан и армянские князья снаряжают посольство к царю Грузии Мирдату.

Вардан напутствует своего посла таким наказом:

«— Будешь говорить со всеми спокойно. Старайся убедить, но не спорь. Грузинский народ — брат наш. Что опасно для нас, опасно и для них: они знают. Объясняй это повсюду, говори о том, что мы все так думаем, что мы надеемся видеть их рядом с собой в борьбе против тирана... Ну, с богом, доброго пути! Вот письма: это царю, а это — питиашху Ашгуше».

Грузинский царь Мирдат принял у себя во дворце послов Вардана. Посол вручил царю грамоту, которая начинается так:

«Царю Иверии от спасета армян Вардана Мамиконяна привет великий!

Государь, насколько ведомо мне, и в Иверию послал царь персов Азкерт повеление отречься от веры христианской и принять огнепоклонство. Хорошо зная многоопытность твою и полагаясь на великую мудрость твою, я уверен, что ты хорошо понимаешь, к чему приведет наши страны принятие такого повеления. Мы, армяне, отвергли требование царя и составили ответное послание. Если ныне и ты, государь, вместе с народом твоим решишь отвергнуть это злокозненное требование, то просим без промедлений поставить нас в известность о решении вашем, ибо грозен час и промедление гибелью всем нам грозит.

Спасет армян Вардан».

Грузинский царь, поразмыслив, так сказал армянскому послу:

«— ...Не впервые персидская змея свертывается в кольцо и ложится нам на грудь! Вон персидский гарнизон засел в Тбилиси, на полдороге между Мцхетой и Цуртави... Шагу нельзя нам сделать. О каком мире может идти речь... Ну, что же, ответ мы напишем!.. Молю Господа, чтобы даровал он нам разум и ука-

зал путь к единодушию! Армяне — братья нам. Их борьба — наша борьба».

Вскоре грузинский царь вручил послу Вардана письмо для спасета. Царь сообщил Вардану: мы, грузины, готовы сопротивляться указу Азкерта рядом с армянами и поможем им всеми доступными средствами.

* * *

Одержала верх тирания персов. Вновь нависла над свободолюбивыми народами угроза опустошительных войн и истребления. Тогда католикос армянский, спасет Вардан и нахарары во имя спасения родного народа решили отправиться к царю Азкерта.

С эпическим спокойствием и мастерством описывает Дереник Демирчян поездку этих самоотверженных рыцарей ко двору персидского царя. Великолепно написаны портреты царя Азкерта и его вазириров-палачей.

Вардан и его приверженцы твердо стояли на своем — не желали менять веру. Сцена, запечатлевшая их мужество и непреклонность, — одна из самых сильных в романе.

Закованных армянских нахараров в окружении стражи вывели из дворца. Несметная толпа кишела на дворцовой площади. Посреди площади стоял «полк бессмертных» со слонами, под ноги которых предполагалось, согласно велению Азкерта, бросить нахараров.

«В предвкушении кровавого развлечения толпа бурно заволновалась, когда показали обреченные. Однако, увидев, что их проводят мимо слонов и ведут дальше, она в ярости взревела:

— Слонам!.. Под ноги слонам! Расстоптать!..»

Свидетелями этой трагедии оказались воины армянской конницы, которые служили в Персии наемниками.

Вместе с армянами-нахарарами в темницу бросили грузинских и албанских вельмож. В романе рассказано, как спаслись они от верной гибели под ногами слонов. Обреченным героям на сей раз помогла азиатская дипломатия.

Еще в старину тоже хорошо знали: в отношениях между государствами нередко приходится идти на компромиссы. Вот почему мудрый спасет Вардан Мамиконян на время уступил свои позиции, посоветовав своим сподвижникам для виду переменить веру.

Исполнена драматизма сцена, когда сыновей Васака — Бабука и Нерсина

оставляют заложниками во дворце Азкерта.

Освобожденные армянские, албанские и грузинские рыцари собрались в путь, к себе на родину. Персидский царь Азкерт поднял руку и сказал:

«— Доверяю вам семьсот жрецов и воинский отряд! Повелеваю с их помощью в кратчайший срок закончить обращение армян в закон маздаизма и сейчас же возвратиться с войском, чтобы продолжать войну с кушанами».

Прежде чем эта трагедия вступила в свой заключительный этап, нескольким армянским воинам и священникам удалось бежать в Армению. Когда же армянские нахарары во главе с Варданом Мамиконяном отправились в путь, спасета волновали такие думы: «Как встретит его армянский народ? Перебежавшие из Персии воины и священники уже разнесли, наверно, зловещую весть... Пожаром пылает вся страна...»

Вардан представил себе этот пожар: обезумевшая мать, жена, сын и тысячи людей пронесли перед его мысленным взором... Со глгчим упреком глядели они на него и спрашивали, качая головой:

— Это и есть ваш обет?»

Так заканчивается первая книга эпопеи Дереника Демирчяна.

* * *

Дереник Демирчян — уроженец Ахалкалаки. Любя Грузию, ее народ и культуру, писатель изучил грузинский язык. Внимание к тому или иному языку, несомненно, свидетельствует о любви к народу, на нем говорящему. Наши ученые хорошо это знали. Вот почему так много сил положили на изучение языка наших братьев армян академики Нико Марр, Иванэ Джавахишвили, Корнелий Кекелидзе, Акакий Шанидзе, Симон Джанашиа, Арнольд Чикобава, Илья Абуладзе и др.

Дереник Демирчян не был похож на тех, кто только и делал, что иурли фирмам дружбе народов на банкетах.

Незадолго до смерти Дереник Демирчян опубликовал известную свою статью о братстве армян и грузин.

«Я люблю Грузию бескорыстной, родственной любовью. На прекрасной земле этой страны я сделал первые свои шаги. Здесь провел годы детства и юность, здесь же и произошло мое патристическое крещение».

И это не пустые слова. Большой писатель с большим талантом укрепил эту любовь своей эпопеей «Вардананк».

О долге, о чести и человеческом достоинстве

Это было, пожалуй, более двенадцати лет тому назад, я тогда служил в армии, и вот однажды к нам, в Дом офицеров, приехали в гости грузинские писатели. Я пошел на эту встречу с другом, командиром прославленного в боях мотострелкового полка, горячим поклонником искусства и литературы, тонким знатоком поэзии.

Подполковник был тогда еще очень молод, лет двадцати восьми, не больше, но о таких, как он, говорят: человек десять жизней прожил. И каких! Четыре года этот молодой человек воевал и, как говорится, прошел по минувшей войне вдоль и поперек, буквально, сквозь огонь и воду прошел, и я не боюсь громких слов, тысячи раз он, не дрогнув, глядел в глаза смерти, умирал и на радость друзьям не умер, воскресал из мертвых и на страх врагам — снова в строй, снова — в бой и так до самого последнего шага к поверженным стенам фашистского рейхстага.

И вот мы сидим в зале Дома офицеров, и подполковник, чуть подавшись вперед, полузакрыв глаза, вслушивается в музыку грузинского стиха и, хотя не знает языка, ни о чем не спрашивает соседей, словно слушает сердцем, потому что подлинная поэзия, даже на неизвестном языке, все равно — поэзия.

Неожиданно подполковник повернулся ко мне и тихо спросил:

— Кто эта женщина за столом президиума?

— Писательница Тина Донжашвили. — Я понимаю, что писательница. Но видишь, сколько у нее боевых наград. Может, знаешь, кем она была на войне?

— Тина Георгиевна хирург, военный врач, — сказал я.

— Так и думал. Я все время смотрю на ее руки. Видишь, какие они у нее тонкие, подвижные, нервные и чуткие. Смотрю я на них и вспоминаю. Хочешь верь, хочешь не верь, но это чистая правда. В сорок третьем, вот такие же руки, точно вот такие, меня грешного разобрали на части, отремонтировали и собрали. Понимаешь? Я уже думал, что тот фашистский снаряд меня вконец доконал. А вот вмешались те чудесные руки, и, как видишь, жив и здоров. Понимаешь теперь?

— Понимаю.

— А о чем она сейчас пишет?

— Точно не знаю, но кажется не о войне.

— Что ж, это ее право, — задумчиво проговорил подполковник. — Но кроме прав, у каждого из нас есть еще и обязанности. И ты скажи писательнице, хочешь от моего имени, пусть о военных хирургах напишет. О женщинах в белых халатах. О том, как они воевали за наши жизни. Должна она об этом написать, обязана. И вот увидишь, обязательно напишет. Никуда ей от этого не уйти. Так ей и скажи, — он помолчал немного и добавил с улыбкой: — Я бы и сам о них написал, да бог не дал таланта. А без таланта о таком нельзя писать. Грешно.

Не помню сейчас, передал ли я тогда Тине Георгиевне этот наказ подполковника. Кажется, не передал. Впрочем, это и не важно. Потому что я тоже, как и мой друг подполковник, знал и верил: Тина Донжашвили обязательно напишет о своих фронтовых подругах. Знал, что она должна, обязана написать о них по долгу сердца, по долгу художника и гражданина.

Шли годы. Читатели тепло и сердечно приняли большой, серьезный и очень инте-

ресный роман Донжашвили о грузинской колхозной деревне «Над Алазанью». Мне он тоже понравился. Я читал роман и видел, как зреет мастерство писателя, как глубоко проникает в жизнь острое перо художника, чем-то похожее на скальпель хирурга, но признаюсь, не переставал думать: «Когда же будет встреча с теми, о ком Тина Донжашвили не может не написать? Когда же?».

И вот эта встреча состоялась. Сразу скажу: радость встреча, волнующая до глубины души. И другой она не могла быть.

Передо мной новая книга повестей и рассказов Тины Донжашвили, выпущенная издательством «Заря Востока». Скромное, простое название «Мой друг».

Это книга о долге, о чести и человеческом достоинстве. Мужественная, сильная книга, о людях сильных и мужественных. Такую мог написать только настоящий художник и настоящий воин.

В повестях «Мой друг» и «Возвращение» Тина Донжашвили очень сердечно, с большой любовью и уважением рассказала о своих фронтовых подругах, но мне думается, что в известной мере повести эти есть доверительный и предельно искренний рассказ художника о неповторимом времени своем и о самом себе. Правда, я не берусь судить, насколько новая книга Донжашвили автобиографична в буквальном смысле этого слова, да и нет никакой необходимости в таком суждении, когда речь идет о художественном произведении. Но зато могу сказать с уверенностью — не будь за плечами у писательницы боевой биографии воина и гражданина, не будь у нее за плечами трудного, незабываемого опыта военных лет, не было бы и этой книги. Такая книга не может быть плодом только художественной фантазии, такие книги пишут лишь кровью сердца, всей жизнью своей.

Героини повестей Донжашвили — военный хирург Кетеван («Мой друг») и военный хирург Нелли («Возвращение») привлекают нас цельностью характера, своим большим душевным богатством, целеустремленностью и тем высоким чувством гражданского долга, той безукоризненной моральной чистотой, которая присуща лучшим представителям поколения победителей фашизма, поколения строителей коммунизма.

Неимоверные страдания, неисчислимые трудности преодолевают эти женщины, и диву даешься, как это они смогли все перенести, преодолеть, и не просто преодолеть, а выйти из всех испытаний жизни и борьбы с честью, с достоинством. И невольно возникает вопрос: откуда такая неодолимая моральная сила в этих хрупких, таких обычных, на первый взгляд, женщинах? Откуда они ее черпают? Из какого неиссякаемого источника? Окуда они ее берут?

Ответ, безусловно, один, и это единствен-

но верный ответ: в советском социалистическом строе нашей жизни черпают эти женщины ту неодолимую силу, которая позволила им несгибаемо и победно пройти через смертоносный огонь войны. Но вы ведь как будто все исчерпывающий ответ все же будет неполным, если не сказать, что своеобразие и новаторскую неповторимость этим женским образом придают и те национальные черты, которые так ярко, точно и убедительно выявил в них художник. Да, Кетеван и Нелли советские женщины, и борются они, и сражаются они за идеалы, общие для всего советского народа, и вместе с тем им присущи черты, свойственные именно грузинским женщинам; это те свойства национального характера, которые порождены всем укладом национальной грузинской жизни, всем опытом многовековой борьбы грузинского народа за свою землю и свободу.

Сила, которая присуща Кетеван и Нелли, становится еще более понятной, когда мы вслед за военными повестями Донжашвили начинаем читать ее прекрасную повесть «В горах». Образ хевсурки Наталы — одно из лучших созданий писательницы. Я вижу эту женщину-горянку с изумительно гордой и красивой душой, как живую. В ней столько человеческого достоинства, такая великая доброта и гордость, такая любовь к людям и к жизни, такое природное чувство справедливости и правды, что хочется низко поклониться этой женщине-воительнице и матери воина.

Художник как бы переносит нас в заброшенную горную деревушку, к очагу в землянке Наталы, и мы, словно наяву, слышим голос этой женщины, «эти удивительные слова, то ласковые, то суровые», обращенные к линиям старой рубахе сына, ушедшего на войну с фашистами.

«...Умереть бы твоей матери за тебя, Звиад, где ты теперь, в какой стороне, э-э-э, кол мой? Что, если ранен ты, и нет меня возле, чтоб унять твою боль. Что, если зовешь меня, но оглохла твоя мать и не слышит ничего, и не знает, где тебя искать... Сущит меня тоска по тебе, свет очей моих, солнце ты мое ясное, жизнь ты моя. День и ночь сердце мое молит и бога, и Давтвису, и всех святых, чтобы скорее ты вернулась с победой, чтоб взглянула я в твои очи, ярче которых не сыскать и звезд на небе... Но пуще всего, хочу я знать, скажи мне, сокол мой, не забыл ли ты, что ты Звиад из дома Заликаури? Не испугался ли ты огнедышащего дьявола, что напал на нас коварнее Чингис-Хана? Не дрогнул ли ты перед презренным разбойником, не пригнулось ли оружие в руках твоих? Смотри же, сын мой, не допусти в себя страха, накрепко запри сердце свое перед ним и будь мужественным, каким знают тебя жители Давтвиси, будь чистым, как родники в наших горах, вернись с песней победной, чтобы с радостью встретила тебя твоя солнцеликая Майя... Ты ведь знаешь, Звиад, что»

только о таком сыне я тоскую и только такого могу ждать. И еще ты знаешь, что женщинам нашего рода не к лицу вопли и стенания, только тихо, украдкой, когда одна я с тобой, молюсь я и плачу, и заклинаю тебя быть достойным имени и рода своего. Будь отважным, не дай врагу посмеяться над матерью, вскормившей тебя...»

Так вот он где, богатырский источник национального своеобразия, которое так ярко проявляется в образах замечательных советских женщин—воинов-грузинок Кетеван и Нелли. И это не только бесспорное, но и весьма поучительное художественное достижение Донжашвили. Более того, насколько мне известно, в грузинской советской литературе таких художественных образов, как Кетеван и Нелли, еще не было. Создание таких образов явление несомненно новаторское, оно, как я уверен, обогащает советскую грузинскую прозу и всю нашу советскую художественную литературу о днях минувшей Великой Отечественной войны.

Я уже говорил о том, как глубоко взволновала и искренне обрадовала меня новая книга Тины Донжашвили. Но это не значит, конечно, что я не нашел в ней никаких недостатков. К сожалению, нашел. Так, мне показалось, что первая часть повести «Мой друг» написана несколько энергичней, что ли, чем вторая. Пульс второй части повести, на мой взгляд, чуть-чуть ослаблен. Затем я мог бы указать на некоторые ошибки военного характера. Возможно, что ошибки эти связаны с неточным переводом военных терминов. Так, например, на стр. 57 мы читаем: «Массированный фашистский десант внезапно обрушился на советские войска, действующие на Крымском полуострове». В этом случае слово «десант» неуместно. Осенью 1941 года, а именно это время описывает автор, немцы десантных действий против советских войск, оборонявших по-

зиции у Перекопа и у Сиваша, не предпринимали. Видимо, речь в этом случае идет не о десанте, а о массированном ударе. Но это разные вещи. Так же неточно употребляются в повести «Мой друг» и некоторые другие термины. На стр. 70 мы читаем, что противник все свои силы перебросил на «Севастопольский фронт». Севастопольско-го фронта в этом смысле не было.

Повторяю, что все это, вероятнее всего, неточности, допущенные при переводе, хотя тут же должен сказать, что новая книга Донжашвили переведена не только добросовестно, но и очень бережно, с большой любовью. Особенно хочется отметить блестящий перевод повести «В горах», выполненный Б. Руниным. Это настоящая писательская, талантливая, художественная работа.

Эти мои заметки ни в какой мере не претендуют на развернутый, глубокий анализ всех достоинств и недостатков новой книги Донжашвили. Я не писал критическую статью, поскольку уверен, что профессиональные критики еще скажут свое слово о ней. Эти заметки просто мой дружеский отклик на новую, хорошую, очень хорошую книгу товарища по перу, товарища по оружию, и я, как мог, как чувствую, выразил свою искреннюю радость по поводу творческого успеха фронтовика-однопольчанина. Крымский фронт и для меня родной фронт. И вот поскольку это не статья и не рецензия, я, как видите, отказался от традиционного для этого жанра пересказа содержания. Да и не стоит пересказывать художественные произведения. Любой пересказ, как бы он ни был хорош, все равно обедняет их. Лучше сами прочитайте эту добрую, честную, мужественную книгу. Обязательно прочитайте ее, товарищи, и я убежден, что она вам доставит такую же светлую, гордую и чистую радость, какую она доставила мне.

Л. ХАТИАШВИЛИ

Монография о драматургии Леси Украинки

Имя Леси Украинки широко известно в Грузии. Если до революции Лесю Украинку знал только небольшой круг передовой грузинской интеллигенции, то теперь ее имя знакомо и дорого всем трудящимся Грузии, а ее произведения, благодаря переводам на грузинский язык, стали достоянием грузинского народа.

Грузинскому читателю знакомо и имя О. К. Бабышкина — автора книги «Драматургия Леси Украинки», выпущенной на украинском языке в этом году в Киеве Государственным издательством искусства и музыкальной литературы. Олег Кондратьевич Бабышкин — частый гость нашей республики, ему принадлежит изданная в 1953 году издательством «Заря Востока» книга «Леся Украинка в Грузии», переведенная затем на грузинский язык.

Исследователь творчества и биографии великой украинской поэтессы О. К. Бабышкин в своей новой книге рассматривает драматургию Леси Украинки как ярчайшее проявление ее поэтического таланта.

Книга состоит из 7 разделов, в которых драматические произведения разбираются в хронологическом порядке, начиная с первых драм «Голубая роза» и «Прощание», написанных прозой (в отличие от других драматических произведений автора); они классифицируются по идейному замыслу, отражающему идейно-политические устремления их автора и его рост. Об этом говорят и названия разделов.

Так, драмы «Одержимая», «Кассандра», «Вавилонский плен» и «На руинах» объединены в раздел «Драматургия преддверия революции»; драмы «Осенняя сказка», «Три минуты», «В катакомбах», «В дому работы, в стране неволи», «Айша и Моххамед» входят в раздел «Драматургия багрянца красных знамен»; «Руфин и Присцилла», «На поле крови», «Иоганна, жена Хуса», «В пуще», «Боярыня» объединены под названием «Великие распустья» и, наконец, драма-феерия «Лесная песня», «Адвокат Мартиан», «Каменный хозяин»,

«Оргия», «Триптих» относятся к циклу «Драматургия великих надежд».

Подробно анализируя идейные и художественные особенности каждой драмы, О. К. Бабышкин указывает не только на их достоинства, но и на недостатки, на влияние и отличие от созвучных им произведений западной и русской литературы. Детально исследуя не только тексты произведений, но и личную переписку поэтессы, автор монографии стремится показать также ее творческие и идейные устремления, становление ее революционных взглядов. Интересно указание на то, что «пребывание в Грузии в период 1903—1907 гг. не могло не отразиться на творчестве Леси Украинки, на ее отношении к освободительной борьбе народов России против самодержавия. Именно в Грузии были созданы наиболее революционные драматические поэмы Леси Украинки («Осенняя сказка» и др.), в которых она открыто заявила о своем стремлении стать певцом восставшего пролетариата» (стр. 97).

Особый интерес представляет раздел, посвященный вопросам творческого метода Леси Украинки и стиля ее драматических произведений. Автор книги указывает, что поэтессе, открыто служившей своими произведениями новым революционным целям, «было уже тесно в рамках творческого метода критического реализма» и что творческий метод Леси Украинки определяется «как реалистический по своему существу, перенятый романтизмом революционным порывом в социалистическое будущее, как переходный от «романтического реализма» к реализму социалистическому» (стр. 347).

В книге, представляющей собой серьезное исследование, дается глубокий анализ драматического наследия Леси Украинки, раскрывается идейно-художественное своеобразие ее творчества, определяется место ее в драматургии, в отечественной литературе, поднимаются вопросы метода и стиля драматурга, прослеживается история сценического воплощения ее драм.

В. ЗИНИНА

„Ровесник гор“

Я взял перо.
Остановись, мгновенье!
Крестьянский парень, выросший в селе,
Я взял перо...

Эти строки принадлежат осетинскому поэту Ване Цховребову, сборник стихов которого «Ровесник гор» выпущен недавно издательством Союза писателей Грузии «Заря Востока».

Вано Цховребов — наш современник, поэт, живущий интересами и чаяниями своего народа. Стихи Цховребова — это стихи сегодняшнего дня.)

Сборник открывается стихотворением, обращенным к В. И. Ленину.

Он греет нас отцовским взглядом
Прищуренных, проникновенных глаз.
Он — в песнях, в поисках, в труде
упорном,
На стройке, на полях, в любом селенье
горном,
И в сердце каждого из нас.

(«Здесь жил Ильич»)

Стихи Цховребова открывают перед нами целый мир глубоких раздумий, чувств и настроений. Перед читателем проходят картины как будто знакомые, но озаренные свежестью поэтического восприятия.

Вот устремляется вверх по канатной дороге маленький вагончик. Казалось бы, что в этом особенного? Но поэт видит, как становится радостно людям,

Как будто
дорога ведет на Луну!

(«Тбилиси»)

Молчат суровые горы с уходящими ввысь снежными вершинами, катит волны беспоконная Лиахви, далеко в горах чабан поет песню...

Все просто и обычно. Но поэту удается опозитизировать даже повседневные мелочи, и это помогает читателю увидеть скрытую от него поэзию жизни...

Вано Цховребов воссоздает цельный реалистический облик Советской Осетии. Ее суровый, величественный пейзаж становится фоном повествования о том, как изменяется этот край, как люди строят новую жизнь.

Интерес к человеческому труду, стоящему за любой вещью, чрезвычайно характерен для многих стихов Вано Цховребова.

В безводные степи Самгории пришла вода. Поэт славит бурильщика, частица труда которого вложена в общее дело, чтобы оделась в сады засушливая Самгорская степь:

Бурли, вода, в реке, в трубе,
Бери, вода, разбег,
Недаром подарил тебе
Дыханье человек.

(«Бери, вода, разбег»)

Поэт любуется девушкой, ловко и искусно собирающей чайный лист.

Человек-труженик всегда в центре поэтического видения Вано Цховребова. Поэт ощущает себя частицей всего трудового народа и с уверенностью утверждает:

Человек — сильнее всего,
Человек — дороже всего.

(«Человек»)

В стихотворении «На ТУ-104» поэт спрашивает:

Кто же я — человек или бог?
Ведь на эти вот горы когда-то
человек и подняться не мог,
а теперь —
сверху смотрит крылато!

Вано Цховребов обращается к самым различным темам, видя в жизни постоянный и неисчерпаемый источник поэзии.

Поэт родился и вырос в Осетии — «стране высоких гор, живописной величественной природы и резких поэтических контрастов». Много восторженных строк посвятили этому краю Коста Хетагуров, Ц. Гадиев, А. Гулуев. И Вано Цховребов чувствует себя неотъемлемым от природы родной Осетии:

Песня моя — чабана свирель.
Глаза мои — капли высотных озер.
Долина Лиавхи — моя колыбель.
Мое долголетие — бессмертие гор.

(«Кавказ»)

Стихи из сборника «Ровесник гор» лиричны, глубоко содержательны.

Тема дружбы народов — одна из основных в творчестве Вано Цховребова. В уста великого Горгасала поэт вложил глубокую истину: «Дружба — самый верный меч».

Именно дружба наших народов помогла отстоять Советскую землю в суровые военные годы. Тема Великой Отечественной войны во весь голос звучит во многих произведениях поэта.

В целом ряде стихотворений, в поэмах «Мой брат», «После войны», «Сын Осетии»

Вано Цховребов воспевает героическую борьбу советских людей. На полях битвы бок о бок сражались русские и украинцы, украинцы и армяне, казахи и осетины. Многие осетины пали на поле битвы, сражаясь за русские степи:

Тебя земля донская,
Как мать, взяла в свои объятия,
И русский ветерок, лаская,
Тебе твердит:
«Мы братья, братья».

(«Сын Осетии»)

Вано Цховребову чуждо равнодушие. Вопросы войны и мира, судьбы людей, будни нашей страны, — все это не проходит мимо поэтического видения автора. И не хочется особенно заострять внимание на том, что в сборнике встречаются и недостаточно доработанные рифмы, а некоторые стихи грешат излишней риторичностью, и детальное образное изображение в них подменяется рассказом в общих словах («Водитель», «Знаю я: только раз в году...», «Встреча»).

К сожалению, при переводе частично утрачен национальный колорит, своеобразие ритма, переводчики подчас не проявляют достаточной требовательности к слову, в силу чего от стиха к стиху переходят «кочующие образы»: снежные скалы, голубое небо, знойное солнце.

В целом книга «Ровесник гор» знакомит нас с прошлым и настоящим Советской Осетии, показывает поэта, всегда увлеченного временем, человека большого, сильного и «счастливого своей влюбленностью в жизнь, смысл которой — деяние».

Марк РИВКИН

Большая химия

РЕПОРТАЖ

Сто лет назад люди еще не знали, что такое пластмасса. Они уже давно варили сталь и добывали нефть, из розового масла делали прекрасные духи. Но никому тогда, конечно, не приходило в голову, что пройдет всего один век и человек найдет прекрасные заменители металла, оденется в «газовое» платье, и что из черной смолистой нефти можно получить не только керосин, но и... духи.

Современная химия научилась получать искусственным путем множество материалов, способных заменять различные металлы, шерсть, бетон, древесину и даже живую человеческую ткань. Двадцатый век немислим без всего этого.

Вот почему Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют такое огромное внимание ускоренному развитию химической промышленности.

Пять лет назад, в мае 1958 года, Пленум ЦК КПСС наметил грандиозную программу ускоренного развития химической промышленности. Путь к созданию в нашей стране «Большой химии» открыт. И сейчас уже можно говорить о серьезных достижениях в этой области. За последнее время вступили в строй десятки крупнейших заводов и целых комбинатов, производящих пластические массы, искусственное волокно, каучук и минеральные удобрения. А десятки еще строятся или вот-вот дадут нашей стране свою первую продукцию.

Об одном из таких заводов и пойдет наш рассказ.

Но вначале уместно будет сказать несколько слов о капролактаме. Капролактан — это сырье, которое используется на фабриках искусственного волокна для производства капрона. И сырье не добывающееся. Его тоже производят. А так как нужда в высококачественном капроне очень велика и процесс производства капролактама сам по себе довольно сложен, то для этого требуются свои собственные предприятия.

Таким предприятием и является Руставское производство капролактама.

* * *

Я приехал в Рустави пасмурным весенним утром. Нынче весна была ранняя, но капризная. И дождь, и солнце... А сейчас ветер. Сильный и порывистый, он рвет одежду и свистит в подъездах. На улицах пустынно. Редкие прохожие кутаются в плащи и спешат сесть в автобус. Автобусов здесь много. Три раза в день, под стать трехсменной работе местных предприятий, они бывают переполнены. Остальное время пустуют. Рустави — рабочий город.

И тоже сажусь в автобус. В руках у меня фотоаппарат.

— Вам до конца? — спрашивает кондуктор.

— До конца. А как вы догадались?

საგრებო
საბჭოთა
გამომცემლობა

Я мог бы ехать и на металлургический.

— Сейчас на металлургический мало ездят. Сейчас больше ездят на АТЗ.

АТЗ — это азотно-туковый завод. Минут через двадцать мы будем там. А пока автобус едет через весь город. Мы проезжаем мимо большого парка, стадиона и широкой улицей добираться до управления металлургического завода, здание которого украшает большую площадь.

За городом автобус изрядно трясет. Справа сквозь пыльные стекла медленно проплывают руставские мартены и домна. Небо над ними от дыма иссиня-черное. А внизу снуют паровозы с полными и пустыми платформами, и от их пронзительных гудков невольно вздрагиваешь.

В автобусе едут парни в рабочих спецовках. Они шумно переговариваются между собой, перебрасываются шутками. Выходим вместе. Они идут прямо к проходной, я — в заводоуправление.

По утрам здесь многолюдно. У кабинетов стоят очереди. Но самая большая — возле отдела кадров.

— Говорят, на капролактам уже не принимают, — взволнованно шепчет худенькая девушка. — А мне бы кем угодно, только на капролактам.

Очередь и у газетного киоска. Разворачивая газеты, здесь первым делом ищут в статьях и фотографиях знакомые фамилии и лица. Пресса балует капролактамщиков. И понятно. Руставское производство капролактама — стройка особо важная.

В комитете комсомола тоже много народу. За длинным столом, составляющим с секретарским букву «Т», сидели девушки и щелкали на счетах. Непрерывно звонил телефон. А люди все подходили и подходили...

— У нас сейчас такая горячка, — рассказывает Нугзар Кобахидзе, бывший слесарь ремонтно-механического цеха АТЗ, а ныне секретарь заводского комитета комсомола. — Вот-вот будем пускать на капролактаме цеха... А еще у каждого свои личные заботы. Кому общежитие понадобилось, кто на капролактам просится.

Завод похож на маленький городок. Прямые асфальтированные улицы, стройные цветущие деревья, многоэтажные здания. Сразу за проходной — небольшая площадь. От нее расходятся в разные стороны несколько аллей.

У обочин аллей — могучие эстакады трубопроводов. Труб здесь столько, что, кажется, хватило бы на большой город. Они узкие и широкие, и есть даже в два обхвата. Позже мне объяснили, что по ним подаются пар,

горючие газы, используемые как топливо, и различные химические продукты, которыми обмениваются цеха. На химическом предприятии не бывает отходов. То, что является отходом для одного цеха, зачастую с успехом используется в другом как исходный продукт.

Прощаясь, Нугзар Кобахидзе объяснил мне, как нужно добираться до цехов капролактама. Теперь я уже шел по центральной аллее и, кажется, начал привыкать к резкому аммиачному запаху, который неисклюшенно человека здесь преследует буквально на каждом шагу. Раздался грохот в цехе разделения, а вокруг все эта трубная эстакада шипела, и кое-где прорывались клубы белого пара.

Здесь во весь фронт развернулась «Большая химия». Везде, куда ни глянешь, — огромные плакаты. Из них можно узнать буквально все: и что уже сделано, и что остается сделать, и когда будет грузинский капролактам. Я внимательно все прочитываю и постепенно все больше вхожу в курс дела.

Вокруг кипит работа. На каждом углу сверкают холодные вспышки электросварки, из корпусов вывозится строительный мусор.

Руставское производство капролактама выросло на базе азотно-тукового завода. Всего полтора года назад на его территории был заложен фундамент новых цехов. И вот уже недалек тот день, когда руставские химики отработают Родине:

— Есть грузинский капролактам!

По дороге навстречу идут молодые рабочие. На них серые брезентовые куртки, подпоясанные широкими ремнями, и плоские, похожие на перевёрнутые тарелки, защитные шлемы. Это монтажники. Кто-то из них запевает знакомую песню: «А мы монтажники, высотники...» И мне тоже хочется петь вместе с ними. Ведь именно такие люди, тысячи таких людей, шагая с песней по жизни, строят новые города, электростанции, заводы. Вот и эти парни кончили здесь работу и теперь собираются в Сибирь...

А на АТЗ сейчас «предстартовое» настроение. Последние монтажники покидают строительные площадки. Замерли в ожидании цеха. Идет наладка агрегатов.

«Наладчик — помни! Каждая потерянная минута отодвигает день пуска», — напоминают плакаты. И люди трудятся не покладая рук, днем и ночью. Используется каждая минута, но сроки предельно сжаты, и часто эксплуатационникам приходится помогать наладчикам.

Эксплуатационник. Обычно с этим

словом связано довольно определенное понятие. Но сейчас на Руставском производстве (капролактама эксплуатационник — это одновременно монтажник, и слесарь-наладчик, и даже просто разнорабочий.

Но придет время, и на стройке останутся одни эксплуатационники. Они зажгут в печах голубые газовые огни и капролактама потечет широкой белой рекой.

Лаборатория цеха (циклогексанола. Не застав ее начальника, спрашиваю у лаборантки:

— Как найти Бацавицкого?

— Инженера-механика, что ли? Спросите внизу, там вам покажут.

Внизу меня отвели в маленькую прокуренную комнату неподалеку от машинного зала. За столом сидел молодой человек и дымил сигаретой. Пластмассовая пепельница была доверху заполнена окурками. Иногда он снимал трубку и звонил куда-то по телефону.

— Как мне разыскать Бацавицкого?

— Проходите, садитесь. Он скоро придет.

Я сажусь на высокий некрашеный табурет. Некоторое время мы молчим. Я украдкой разглядываю лицо молодого человека. Усталое и порядком заросшее, оно мне чем-то симпатично.

Он все звонит по телефону, о чем-то спрашивается. И к нему звонят. Потом вошла женщина.

— Отари, я достала насосы. Ты мне не дашь рабочих, хотя бы двух.

Мой сосед усмеивается.

— Рабочих у меня нет, Алла. Ты же знаешь, что все они давно распределены. Я сам целое утро таскал эти насосы.

— Да, да, я понимаю. Придется попросить кого-нибудь из монтажников, — говорит женщина и уходит. А он оборачивается ко мне.

— Вот вчера намудрили монтажники — вместо одних насосов поставили другие. Сегодня будут снимать, потом опять ставить. А время идет...

— Боря, это к тебе, — говорит Отари вошедшему Бацавицкому (как я узнал позже, Отар Каландаришвили — начальник цеха анола).

Бацавицкий мне сразу понравился. Большие, ясные глаза, высокий лоб. Он весь спортивного покроя — мускулист, подтянут. Скорее боксер, чем инженер.

На нем серая грубошерстная куртка. Такие я видел здесь на многих. Обычная спецовка, которую носят химики. Но ему она особенно к лицу.

— Борис, подпиши наряды, — просит его монтажник. — А то кассирша уйдет. И ребятам деньги нужны.

— Какие наряды?

— Да вот, на дополнительные работы.

— Вы что ж это нарочно не те агрегаты ставите, которые нужны? Потом демонтаж, потом снова ставите.

— Вина не наша. Какие нам дают, такие и ставим. А деньги не из своего кармана платишь.

— Из своего, — пробасил Борис. — Из своего, понял? А то что не наша вина — так все это вранье. У тебя есть проект, схемы. Дали ненужный насос — не ставь. На худой конец приди и спроси. А тебе — лишь бы с плеч долой. Поставил и баста.

— Вот, пожалуйста. Поставлено 10 насосов «20-НДС». Конечно, эти насосы нам не нужны. А поставили. Почему? Молчишь? А демонтаж подсчитал тютельница в тютельница. Столько-то рублей, столько-то копеек. Не подпишу. Проверю, тогда видно будет.

Здесь же в цехе циклогексанола я познакомился и с Эльвирой Иашвили — начальником лаборатории. Родилась Эльвира в Тбилиси, но детство ее прошло в Сибири, куда отправилась она с матерью в первые годы войны, когда получили известие о смерти отца. А институт окончила в Одессе два года назад.

— В общем, как видите, ничего интересного, — смеется девушка. — Лучше о них, — она кивает на одну из своих лаборанток. — Вчера прихожу и читаю в дежурном журнале: «Хотела сделать анализ — не смогла подобрать пробку». Смешно, правда? Но это ничего, скоро всему научатся. Двое у меня прямо из гастронома. Бывшие продавщицы. Толковые девушки. Захотели стать химиками. Понятно, сейчас самое важное — химия, это — передовая.

— А вы тоже шли на передовую?

— Не знаю. У меня все получилось само собой. Химию я люблю с детства. Правда, мне очень помогло, что по окончании школы у меня был отличный аттестат зрелости, золотая медаль.

— А когда окончили институт?

— Когда окончила, послали на научную работу во Владимир. Туда было всего два места. Направили меня и одного парня — у нас были отличные дипломы и такие же характеристики. Все считали нас счастливыми. Можно было сделать, как говорится, хорошую карьеру. Но, знаете, это не по мне. И потом вдруг страшно потянуло на родину. Да и вообще, в Рустави все мне больше по душе. Когда делаешь все своими руками и видишь плоды своего труда, — это совсем не то, что сидеть и писать диссертацию.

В тот день мы еще долго говорили

с Эльвирой. Девушка она симпатичная и веселая, охотно говорит о театре, кино и книгах. Но химия для нее — главное. И о чем бы ни заходила речь, всегда все сводилось к работе, будущей и настоящей, ко всем трудностям руставских химиков.

Когда Эльвира впервые пришла на завод, цехом анола называли серую недостроенную коробку, в которой хозяйничал ветер, а лабораторией — пустую комнату на втором этаже. Правда, комната была большая и светлая, но из стен торчали необрезанные железные балки, а полы были завалены строительным мусором.

Балки сами срезали автогенном, мусор выносили ведрами, а потом мыли, чистили, красили. А вот теперь мы сидим в большой лаборатории с тончайшими приборами. Все это дело рук таких вот полных энергии и неподдельного энтузиазма людей, как эта девушка.

* * *

На город опускается вечер. Улицы полны огней. Светятся окна домов. У маргенов несут свою вахту грузинские металлурги, а на АТЗ трудится третья смена. Те, кто работал утром, сейчас отдыхают.

Мы тоже сидим в одной из комнат общежития химиков и пьем чай. Мы — это Бацавицкий, Халид Алиев и я. У Халида совсем детское, всегда улыбающееся лицо. Если б не борода, ему можно было бы дать лет 16, не больше. Но Халиду уже 23. За плечами школа, институт, производственная практика. Теперь Халид инженер. Кроме того, он хороший парень и отлично заваривает чай по-азербайджански.

Бацавицкому это не в диковинку. Всю свою жизнь он провел в Баку, учился вместе с Халидом в Институте нефти и химии, а два года назад оба они получили направление в Рустави. Теперь и живут вместе. Комната у них небольшая, холостяцкая.

В углу на столике — электроплитка, чайник и кухонная утварь. Здесь Халид заваривает свой чай — фирменное «блюдо» комнаты 56. И вот мы пьем этот чай, и ребята рассказывают мне о своем житье-бытье. На жизнь свою они не сетуют. Общежитие новое, благоустроенное. Везде чисто, тепло. Правда, с водой туговато, но и это скоро наладят. А рядом клуб, кинотеатр. Только о развлечениях сейчас говорить не приходится. С утра до ночи на заводе. Даже почитать некогда. Вот пустят капролактамы, тогда жизнь войдет в нормальную колею.

— Только теперь мы и почувствовали себя инженерами, — говорит Халид. — Когда работаешь самостоятельно — это совсем другое дело.

Да, сейчас можно развернуться во всю. И не беда, если ты столкнулся с трудностью или чего-то не знаешь. На помощь всегда придут друзья. А друзей у Борнса и Халида очень много.

В цехе анола я повстречал бывших студентов ГПИ, а ныне начальников смен Нугзара Дзnelадзе и Наргизу Гвалия. Оба они закончили институт в 1962 году, учились в одной группе, теперь работают в одном цехе. Отличные ребята. Вместе с Халидом трудятся их однокашники Нугзар Гиоргобани и Атанас Чаганова, а в цехе капролактама-сырца несет свою вахту сменный мастер Георгий Николаишвили.

Обо всех не расскажешь. Их очень много на производстве капролактама, этих сильных, упрямых парней и девушек в грубых шерстяных спецовках. Все они очень молоды и у всех одна биография: школа, институт, практика, АТЗ.

И все же мне бы хотелось рассказать еще об одном эксплуатационнике, судьбе которого, мне кажется, может позавидовать каждый. Это Георгий Гоголадзе — главный технорук производства капролактама. Должность высокая. А ведь у него производственной практики всего-то немногим более четырех лет. Пройти за четыре года путь от простого аппаратчика до главного технорука производства — это не так уж просто.

Георгий окончил ГПИ в 1958 году. Руставский азотнотуковый завод стал для него родным домом. Здесь он впервые узнал производство, здесь же и вырос как инженер.

— С Гоголадзе всегда легко, — сказал мне Халид Алиев, — когда я приехал сюда, он был уже начальником цеха анола. Ей-богу, без него было бы нам худо. Толковый парень, во всем разбирается. Помнится, еще на практике в Дзержинске одна очень знающая женщина — технорук цеха ректификации Иванова, как-то сказала: «Просто не верится. Я вот уже пятнадцать лет работаю в химии и все время приходится чему-то подучиваться, а практикант Гоголадзе все знает».

Георгий Гоголадзе ходит в такой же грубой спецовке, как и все мои прежние знакомые. У него большой лоб, умные пронизательные глаза. Познакомившись, мы быстро находим общий язык, вместе идем по цехам.

В цехе анола заканчивались последние приготовления к приему водорода. Вот здесь, в этих огромных цилиндрических печах высотой с трехэтажный дом, увитых разноцветными трубами, будет происходить гидрирование фенола и превращение его в анол. Процесс этот требует большого давления,

которое создадут мощные компрессоры, установленные в машинном зале.

— Между прочим, это самый взрывоопасный цех во всем производстве, — замечает Гоголадзе. — Ведь известно, что водород, соединяясь с воздухом, всегда создает взрывоопасную смесь. Малейшая течь может привести к осложнениям. Эксплуатационники здесь должны быть особенно осторожны.

Из цеха гидрирования анол по трубам потечет в цех ректификации. Здесь путем многократного испарения и конденсации достигается необходимая чистота этого полупродукта. Эти процессы и протекают в высоких сооружениях, называемых ректификационными колоннами, достигающих иногда тридцати метров. Внутри они заполнены специальными перегородками, так называемыми «тарелками». Количество подобных тарелок в каждой колонне доходит до шестидесяти. После очистки полученный продукт подается в другой цех, где в специальных печах при температурах порядка 600—800°C образуется анол. Он снова очищается, проходит целый каскад превращений и поступает в цех получения капролактама. Это огромное помещение высотой с пяти-шестиэтажное здание. Множество различных аппаратов, насосов производят внушительное впечатление. Именно в них и происходит окончательное превращение анола с помощью сернистого газа и аммиака в капролактамы.

Осмотр цеха капролактама заканчивается, Гоголадзе оказался отличным гидом. Теперь мы идем с ним по асфальтированной дорожке к выходу, но продолжаем говорить все о том же — о капролактаме, о будущем АТЗ.

Как известно, существует несколько способов получения капролактама. Один из них — фенольный — до сих пор разрабатывался слабо, на заводе, находящемся в Дзержинске. Это хорошее предприятие с великолепными специалистами, но оборудование на нем старое, и цеха не полностью механизированы.

Руставский азотно-туковый завод станет одним из совершеннейших химических предприятий Советского Союза. Полная автоматизация всех технологических процессов, обеспеченная новейшим отечественным оборудованием, — станет достоянием грузинских химиков.

И действительно, в каждом цехе меня преследовало ощущение, что чудесная «машина времени» перенесла меня на несколько лет вперед. На стенах — куда ни глянешь — множество

приборов и ни одного человека вокруг. Кругом удивительная, прямо больничная, чистота. А где-то невдалеке за огромными щитами управления сидят инженеры. Мигают сотни разнотипных лампочек, раздаются звонки. Отсюда подаются команды на все агрегаты. Здесь господствует электроника.

— Мы будем выпускать десятки тысяч тонн капролактама в год, — рассказывает Георгий Гоголадзе. — Однако в Грузии пока нет собственных предприятий, способных перерабатывать нашу продукцию. Первое время грузинский капролактама придется отправлять в другие республики. Но в Рустави по соседству с АТЗ уже строится большой завод синтетического волокна. Предполагается, что он и будет перерабатывать основную часть нашей продукции. Остальной же капролактама пойдет на Ереванский шинный завод и на производство ширпотреба.

Сейчас на заводе много специалистов из Дзержинска.

— Это наши друзья, — говорит Георгий. — Мы у них учились, а теперь они помогут нам осваивать новейшее оборудование.

О дзержинских химиках я слышал не только от главного технолога производства капролактама. Более трехсот молодых руставцев в течение полугода, а некоторые и больше, трудились бок о бок со своими учителями из приволжского города. Они многому научились у этих людей и теперь с радостью вспоминают то недавнее время, когда были вместе.

Но грузинские химики были тогда учениками. А теперь они сами стоят у «штурвалов» большого химического производства и чувствуют себя его полноправными хозяевами.

Последний раз я приезжал в Рустави, когда пускали цех анола. В системе уже были поданы водород, очищенная вода, азот и пар. Осталось одно — перекачать фенол из склада в корпус циклогексанола-сырца. И вдруг... отключил насос.

Работа остановилась. Пуск срывался.

Но люди не растерялись. Лучшие слесари цеха Михаил Мшвидобадзе, Владимир Фоменко, Сергей Карапетян и Михаил Додашвили трудились всю ночь напролет. Насос был заменен. А утром в напряженной тишине раздался радостный возглас:

— Есть грузинский анол!

Ираклий АБАШИДЗЕ

Первое знакомство с Европой

В буржуазную странуходишь, как в огромный музей, в котором выставлены всевозможные экспонаты старого общественного уклада. Смотришь на них с удивлением, заносишь увиденное в записную книжку, запоминаешь, запечатлеваешь на пленке и подчас ловишь себя на мысли, что это не действительность, а представление, вот-вот опустится занавес, вся эта условность исчезнет и спектакль окончится. Ведь не может же быть, чтобы он длился до утра, невозможно, чтобы это происходило наяву.

И в самом деле, разве может серьезно называться армией состоящая из 80 или 100 арлекинов военная часть Ватикана; всерьез торопиться куда-то в фешенебельном Ролс-Ройсе домашняя собачка; по заслугам принадлежать генералу, стяжавшему сомнительную славу во второй мировой войне, громадный океанский корабль; разве возможно, чтобы у входа в Собор Парижской богородицы продавались нелепые порнографические открытки или чтобы входили на цыпочках в полутемный зал султанского дворца — бывший гарем.

И рядом со всеми этими нелепостями — бессмертные творения великих художников, зодчих, работы которых вам знакомы по репродукциям, а сейчас увиденны своими глазами.

Я постараюсь поделиться впечатлениями от кратковременного пребывания в странах Европы, конечно, если читатель не набил себе еще оскомины чтением путевых заметок наших туристов.

Маршрут нашей поездки таков: Ленинград, Стокгольм, Роттердам, Гаага, Амстердам, Лувр, Париж, Версаль, Неаполь, Рим, Помпея, Сорренто, Пирей, Афины, Стамбул и затем Варна, Констанца, Одесса. Девять морей и океанов, десять тысяч километров. Что и говорить, все увиденное с первого взгляда, случайно или умышленно, нельзя передать в одном очерке. Поэтому буду говорить о том, что наиболее сильно запечатлелось в памяти.

* * *

С первого же дня нам повезло — погода стояла хорошая, море было спокойным. Деревья вдоль ленинградских улиц отливали янтарем. На сухой асфальт и камни с еле уловимым шорохом падали желтые листья, казалось, прощально тикали считанные минуты северной осени. Теплым солнечным днем подходила к своему концу полеповская «золотая осень». Наверное, именно такой погодой были навеяны Пушкину слова: «Роняет лес багряный свой убор».

В ожидании теплохода мы сидели у памятника Петру Первому. Рядом с нами попеременно садились на лавочки юноши с девушками. Для них, вопреки законам природы, сейчас начиналась весна.

А наши мысли были устремлены за море — к «надменному соседу». Медный всадник постепенно вплывал в надвигающиеся сумерки, и вскоре наступила ночь.

Через два дня мы уже стояли у мону-мента Карла Великого в стокгольмском королевском парке. Лицо Карла обращено на восток, а обнаженный меч словно зовет соотечественников в поход. Смотрел я на это каменное изваяние и невольно на память приходили слова нашего мудрого поэта Николоза Бараташвили:

Завоеватели чужих краев
Не отвыкают от кровавых схваток.
Они, и полвселенной поборов,
Мечтают, как бы захватить остаток.
Что им земля, когда богатыри,
Они землю завтра станут сами.

С нескрываемым почтением говорят местные жители о Карле Великом, о его походах и победах. Им так гордятся, словно он покинул этот мир, не имея своего Ватерлоо.

Еще не приблизившись к Скандинавскому полуострову, мы увидели сотни крохотных островков, разбросанных в море. Ими буквально усыпана вся береговая часть Швеции. Эти островки заняты под курорты для стокгольмской аристократии и представителей торгового мира. Часто одно здание с прилегающим кустарником занимает весь островок.

Богатые дачные строения, как правило, здесь окрашены в кирпичный цвет. В обнесенных голубыми заборами дворах валяются кровати, столы.

Пустующие дачи, как и везде, грустят. Иногда такие дома построены на манер средневековых замков-крепостей. В них, надо полагать, современные «рыцари» — капиталисты проводят летние дни с дамой своего сердца.

Теплоход плывет осторожно, лавируя между островами, обходя их стороной, петляя, и вдруг останавливается у самого берега.

Мы заходим в тихую, защищенную природой от морских бурь и ветров гавань. Стокгольм. Устремленные в небо заводские трубы извергают черный дым. Он стелется по земле, закрывая от нас половину города. Вторая половина смотрит на нас любопытными окнами-глазами многоэтажных зданий, сверкающими на солнце куполами церквей, мостом, взлетевшим в небо, как радуга.

Теплоход заходит в порт по природному каналу, с обеих сторон которого на протяжении нескольких километров рассыпано великое множество верфей и причалов.

Как и всякий древний город, Стокгольм делится на старые и новые районы, и, опять-таки как и везде, лицо страны, ее характер, ее душу хранит старая часть. Новые районы городов, в конце концов, все на один лад.

В старой части Стокгольма еще сохранились церкви позднего средневе-

ковья и жилые постройки XVII, а порой и XVI веков. Двух-трехэтажные дома, узкие окна. Так и кажется, что жизнь здесь течет спокойно, мирно. Но в тот же миг раздается страшный рев реактивного самолета, словно напоминающий этим древним районам о том, что сейчас двадцатый век.

В старой части города стоит и королевский дворец — стокгольмский «Иса-ни».

Улицы здесь так узки, что современная легковая машина буквально с трудом продирается меж домов. А на поворотах ей приходится совсем плохо — застревает, пыхтит, как дикий кабан. Впрочем, машины сюда забредают очень редко, и улицы полны людей. Каждый, кто впервые попал в незнакомую страну или город, естественно, стремится увидеть своими глазами все те места, которые помнит по книгам. Вот и мне захотелось повидать первым делом «великую площадь» Стокгольма. Ею оказался маленький пятачок, наподобие кисловодского.

К площади ведет на редкость узкая улица, стиснутая длинными и высокими стенами. На ней с трудом расходятся два человека. Площадь эта — исторический центр города. Она как бы объединяет два мира — старый и новый Стокгольм. Мир нищеты, ветхих домишек и мир роскоши, небоскребов, реклам.

Новая часть города, — сейчас она главная, — свидетельствует о том, что Швеция в годы как одной, так и другой мировой войн, не сидела сложа руки, а капиталисты сумели воспользоваться ими в своих интересах. Кто проливает кровь, а кто богатее!

Швеция богатая страна. Это видно с первого же взгляда. Убранство некоторых площадей поражает роскошью. В городах других европейских стран вряд ли встретишь такие широкие бесконечные улицы, новые многоэтажные здания из белого камня, новые кварталы, новые универмаги, кричащие о богатстве банковских домов.

Улицы Стокгольма полны магазинами, оборудованными на новейший лад.

Надо сказать, что здесь царит особая чистота и тишина — городской транспорт совершенно бесшумен.

«Веллин бью» — так называется новый квартал, наподобие нашего Вакс. Здесь все предельно продуманно, я бы даже сказал утилитарно. Как видно, квартал этот принадлежит буржуазным семьям, разбогатевшим на второй мировой войне. Сейчас этот район, так сказать, в моде, и квартиры ценятся очень высоко.

Здесь, за границей, квартирная плата забирает добрую треть всей зарплаты служащих. Ну а о том, чтобы жить в роскошном аристократическом кварта-

ле, трудящиеся не могут даже мечтать. Это по карману только крупной буржуазии.

Швеция — страна коммерсантов, «деловых людей». Это накладывает свой отпечаток и на здешнюю архитектуру, которая носит сугубо утилитарный характер.

С «Веллин бю» соседствует квартал посольств, где кривизной и высотой выделяется здание американского посольства.

У многих зданий в Стокгольме причудливые формы, за которые их почему-то называют «архитектурой будущего». Часто громадные мраморные корпуса стоят на высоких опорах прочного камня, напоминая домики в Имеретии. Вызвано это, по-видимому, тем, что здесь болотистая местность.

Все американское пользуется в Швеции особенным почетом. Даже королевская охрана, которая во всех остальных странах сохраняет традиционное одеяние, носит здесь американскую форму.

Забегая вперед, надо сказать, что цепкие пальцы американского капитала запущены в карманы всех европейских стран, и это ощущается на каждом шагу.

Для искусства в Швеции, как видно, не нашлось «свободного» времени. Начиная свою историю с позднего средневековья, эта страна, не теряя ни минуты, занялась более практичным и важным делом — торговлей.

Шведский музей называется национальным только потому, что стоит на шведской земле. В остальном же он представляет собой эклектическую коллекцию художественных произведений многих стран. В экспонируемых здесь картинах очень редко можно уловить национальный дух шведского народа. Показателен и тот факт, что родоначальником шведской живописи считается немецкий художник. Некоторые полотна шведских художников XIX и XX веков могли бы привлечь внимание зрителя, но и на них явственно ощущается влияние французских импрессионистов. Поэтому, как и всякое подражание, они оставляют впечатление провинциальных.

Так, например, «Драма» Дардема, изображающая, как юноша убивает свою возлюбленную (хотя это трудно увидеть на полотне), или произведения Изаксона, Вильгемсона, Эрихсона не могут идти в сравнение с полотнами Клода Моне и Ренуара, выставленными здесь же.

В оперном театре мы слушали «Кармен». Спектакль интересен пожалуй лишь простотой постановки и легкостью декораций. В остальном... Впрочем, советского зрителя трудно чем-либо удивить. Но вот декорации, мне кажется, хотя я не большой знаток театра, нам не мешало бы облегчить. Ведь иной раз в наших постановках сцена скорее напоминает

художественную выставку, чем спектакль. Новой постановкой у нас зачастую называют смену одних декораций другими, причем еще более тяжелыми. Но это — между прочим.

Центральные улицы Стокгольма при ночном освещении — просто загляденье. Множество цветных реклам зазывают, приглашают покупателя, однако даже в самых роскошных магазинах редко увидишь кого-нибудь. Как видно, несмотря на общее богатство страны, покупательная способность ее жителей даже со средней зарплатой низкая. Накопленные за две последние войны богатства, судя по всему, распределились не на равные части.

В Швеции, как и во многих капиталистических странах, соотношение цен на товары довольно странное, а порой и вовсе не понятное. На галстуки, шляпы, электроприборы — цены высокие. Электробритва новой марки в Стокгольме стоит столько же, сколько 3-4 пары женских туфель. Очень дороги вечные ручки, трудящимся они недоступны. Чрезвычайно высоки цены на билеты в театры или кино, на выставки или в музеи. Особенно не походишь.

Ярмарки продовольственных товаров расположены на обочине дороги. Они удивительно чисты, опрятны и, на мой взгляд, достойны подражания.

Стокгольм — город не только образцового порядка, но и строгости нравов. Этим он выгодно отличается от многих европейских городов. Здесь вы не увидите обычных для Парижа сцен, хотя наряды и прически горожан очень смахивают на парижские. Шведы, и мужчины, и женщины, красивый народ — высокие, статные. Солнце здесь нежное, ласкающее, и цвета одежды шведы подбирают себе нежные, ласкающие — бледно-голубые, бледнорозовые, сиреневые.

В полдень мы покинули ярко освещенный, но безлюдный Стокгольм и поплыли дальше. Позади оставалась богатая провинция Европы.

Одно из преимуществ путешествия вокруг Европы в том, что всего за несколько недель, правда, бегло, знакомишься с многими странами, имеешь возможность сравнивать их жизнь.

В свою очередь, все это сравниваешь со своей страной, ее великими идеалами и достижениями — еще и еще раз убеждаешься в превосходстве социалистической системы.

В тихий, по-особенному спокойный вечер мы подошли к Килью — северному Порт-Сауду.

Над красным, окутанным дымом заводских труб, портом висела на персидский лад пятнистая луна.

Киль — заштатный город с бросающейся в глаза нищетой. Он словно опровергает Стокгольм.

Трудно передать волнение, которое охватывает при встрече в чужих морях с советским кораблем. Вначале слышишь протяжный гудок и видишь где-то на горизонте расплывчатую точку, хватаешься за бинокль. Точка увеличивается, обретает четкие очертания и, наконец, ты не веришь своим глазам — вся команда высыпала на палубу. Впечатление такое, будто корабль остановился, уступая дорогу нашему. Мы машем руками, кричим, передаем привет Родине. Через несколько минут радио на теплоходе объявляет: «Экипаж танкера желает пассажирам «Победы» счастливого плавания и скорого возвращения на Родину. Капитан Плягин».

Наш приезд в Нидерланды совпал с празднованием 350-летия великого Рембрандта. По решению Всемирного Совета Мира юбилей широко отмечался во всех странах. Ну, а Голландии, как говорится, сам бог велел. Здесь все дышало преклонением и любовью к Рембрандту. И наше восторженное отношение к творениям этого бессмертного голландца слилось с настроением здешних жителей.

Роттердам — крупнейший мировой порт, расположенный на северном рукаве дельты Рейна, — встретил нас устремленными вывсь, словно Эйфелева башня, подъемными кранами. Скользя по рельсам, они перетаскивают огромными хоботами разные грузы.

Яркие, красочные рекламы приглашают вас в кинотеатр, акционерное общество, гостиницу, ресторана, магазин. А когда-то здесь жили и работали Эразм Роттердамский, Спиноза, Рембрандт, слагались легенды о весельчаке Тиле Уленшигеле.

Но вернемся к выставке Рембрандта. Она расположена в музее Бойманса в Роттердаме. Масса народу толпится перед входом. Однако порядок соблюдается образцовый. Все — и приезжие, и местные жители — стоят в очереди.

Насколько мне известно, роттердамцы впервые увидели на этой выставке почти полное собрание шедевров гениального художника. Ведь полотна Рембрандта разбросаны по музеям многих стран.

Сюда привезли из Дрезденской галереи портрет Саскии — первой любви художника. Когда смотришь на эту картину, невольно напеваешь про себя имеретинскую песню «Маленькая, любимая». А рядом висит «Автопортрет с Саскией на коленях» — гордость и украшение Дрезденской галереи. Может, этой картины художник хотел выразить ту же идею, что и наш поэт Гурамишвили, — человек рожден для счастья. Да, но сколько лет жизни написано на роду этому счастью? Приблизительно

столько же, сколько счастливых дней было в жизни Гурамишвили или этого голландца с Саскией. Лицо Рембрандта светится счастьем, на нем нет еще тени трагизма.

С большим интересом посетители осматривают картины, привезенные из ленинградского «Эрмитажа».

Выставка могла быть полнее, но одно из лучших произведений Рембрандта «Ночной дозор» не удалось экспонировать на ней. Великое творение, как и великого творца, очень часто судьба не милует. «Ночной дозор» долгое время висел в пивнушке, причем хозяин обрезал картину по краям, соразмерно стене, на которую ее повесил. Сейчас она хранится в Голландском национальном музее.

Куда бы мы потом не попадали, путешествуя по Голландии, каждый раз возникало ощущение, что мы в музее Рембрандта. Там его дом, там деревня, там монумент, а там — могила.

И каждый раз, вспоминая Рембрандта, думаешь о неиссякаемой энергии, трудолюбии его народа. Голландцы работали в себе эти чудесные качества, находясь в постоянной борьбе с жестокой природой. Недаром в народе говорится: «Бог создал море, а голландцы — берега». И эти «созданные своими руками» берега они тщательно охраняют от моря. Дамбы высотой в 15 метров, длиной в сотни километров и шириной около 100 метров крепостной стеной отгораживают берег от моря. Их можно сравнить с Великой Китайской стеной. Дивисься грандиозности сооружения, терпению строителей. Ведь дамбы построены из камня и дерева, железа и панцирных плит.

В наш приезд море было спокойно, но легко представить себе, что творится здесь во время шторма. Видимо, голландцам все же не удалось пока что обуздать стихию. Борьба между морем и человеком не окончена. Невольно приходит на память страшные дни наводнения в 1953 году. Тогда море вышло из повиновения и захлестнуло волнами даже улицы Роттердама. И только получив выкуп — жизни 1.700 человек, — утихомирилось.

С целью предупреждения таких катастроф в Голландии осуществляется смелый, я бы даже сказал, дерзкий план установления дамб между островами. Конечно, это влетит в копейку, но что подделаешь?

На одном старинном гербе Голландии изображен прикованный к волнам лев, а внизу надпись: «Бороться и побеждать».

Голландцы мужественно борются с морем, отвоевывая у него сушу пядь за пядью. Будто говорят ему: «Отступишь, зверь».

Верно, никто так хорошо не знает

цену земле, как голландцы, наверно, нигде не любят и не уважают ее так, как в Голландии. Землю здесь действительно лелеют, ласкают, за ней ухаживают. Ну, а она? Она платит щедро.

Из Роттердама мы едем в Гаагу. Автобус мчится по широкой насыпи, протянутой через зеленые поля. В самый разгар осени здесь буйно растет трава и, утопая в ней по колено, нас приветствуют фермеры. В Голландии из семи дней шесть непрерывно идет дождь, а сегодня погода ясная, теплая. Мы шутили, что это советским туристам посвятила природа солнечный день.

Мы едем по широкой асфальтовой дороге и не можем оторвать глаз от чудес, рассыпанных так щедро природой.

Нас окружают зеленые пастбища, нарядные сады, увешанные жемчугами виноградники (сорта винограда здесь, наверно, только столовые). И безбрежные плантации тюльпанов. Цветы... цветы... цветы.

Маленькие дворы с приземистыми домишками, нарядно одетыми в широколистый плющ. И вдруг — ветряные мельницы. Вот так чудо. Что они здесь делают? Оказывается, когда-то эти мельницы производили дренаж мокрой, как имеретинский сыр, почвы. Сейчас на смену им пришло электричество. А ветряные мельницы стоят и ждут. Может, рыцаря из Ламанча.

Вся Голландия изрезана дренажными каналами, куда «выжимается» вода из земли. На участках, где она ниже уровня моря, каналы сделаны на высокой насыпи, куда «выжатую» из земли воду качают специальные машины. Вот во что обходится здесь крестьянину каждый клочок земли.

Однако плоды, добытые столькими трудами и потом, достаются не крестьянину. Капиталисты выжимают все соки из голландских тружеников.

Многие из них вынуждены покинуть любимую родину и искать заработок на чужбине; они переселяются в Австралию или Канаду.

Голландия — страна высокоразвитого сельского хозяйства — вывозит свои продукты в европейские страны. В основном она живет за счет экспорта. Я только здесь узнал, что местные жители почти не видят масла, они употребляют маргарин. Это, конечно, не касается обитателей роскошных особняков, владельцев заводов и фабрик. Это касается бедных фермеров, которые с зарей выходят в поле.

Гаага — город голландских богачей. Мечта каждого миллионера поселиться здесь. Но оказывается (о, боже!), это удается далеко не всем — нет места. Те, кому удалось урвать участок земли при распределении, украсили ее цветами, газонами, беседками... Вот возвышается за оградой замок, покрытый ис-

кусственным дерном. Представляете искусственный дерн! Каждый по своему с ума сходит. Этот город дачного типа весь утопает в зеленых насаждениях, и вы мчитесь по его чистым улицам, словно по аллеям ботанического сада. Многие еще помнят знаменитый Гаагский лес. Его больше не существует — вырубил гитлеровцы во время войны. Но и по пятам видно, какие огромные деревья-великаны украшали его. Теперь здесь зеленеет молодняк — его берегут, как зеницу ока, и он дружно тянет к небу свои острые маковки.

По улицам Амстердама, так же как и по улицам Роттердама, непрерывным потоком мчатся велосипеды. Создается впечатление, будто все население страны от мала до велика вертит ногами велосипедные педали. Парами, не прерывая тихой беседы, катят юноши и девушки, в одиночку и целыми стайками едут старики и дети. Едут в школы и институты, возвращаются с рынка, деловито спешат на работу.

Мы плывем по всемирно прославленному каналу Амстердама на удобных комфортабельных катерах. И перед нашими глазами опять стоит гениальный живописец. Вот дом с красными ставнями возле моста — здесь жил и творил Рембрандт. Окна дома поглядывают сверху на канал, и кажется, что оттуда вот-вот выглянет рембрандтовская Гендрикке или маленький Титус. Там же, по левую руку, видим мы могилу великого художника.

С обеих сторон окованных гранитом каналов тянутся большие торговые дома, стремительно проносятся димузины, суетится народ. Это деловой Амстердам. Дальше, в переплетении каналов, на старых, отслуживших свой век катерах селятся бедняки, безработные. Они напоминают неведомых речных птиц, которые приткнулись к берегу в поисках обьедков со стола хищника. На маленьких палубах копошатся дети бедняков. В Амстердаме так живут несколько десятков тысяч человек, — бесстрастно сообщают нам.

Берега каналов и поныне украшают памятники старой голландской архитектуры: жилые дома шестнадцатого, семнадцатого, восемнадцатого столетий, правительственные здания, банки. Многие, как и в Стокгольме, хорошо сохранились, без следа каких-либо повреждений.

Глядя на вековые строения и кирпичные стены, кажется, что в Голландии человек живет как бы в шестнадцатом веке. Но когда мчишься вдоль реки Маас по проложенной под водой дороге почти полукторакилометровой длины, не забываешь, не можешь забыть, что ты в XX веке. Едешь и думаешь: человек, который воздвиг дамбы Голландии, величественные мосты над Кильским ка-

налом, подземные дворцы Московского метро, грандиозную плотину Братской ГЭС, поистине может творить чудеса.

Мы продолжаем поездку по Амстердамскому каналу, проплываем под тяжелым, выложенным из массивного камня мостом, но сколько еще надо пройти каналов и мостов, чтобы увидеть весь этот чудесный город. Напомню, что в Амстердаме семьдесят каналов и более четырехсот мостов — вдвое больше, чем в Венеции.

К великому сожалению, мы не смогли во время пребывания в Голландии побывать на острове Тексель, где покоятся грузинские воины, погибшие здесь в неравной и героической борьбе.

И снова Рембрандт.

Мы стоим перед его высоким памятником. На пьедестале среди розовых кустов и зеленой травы суетятся дрозды. Невысокие деревья усыпаны райскими яблочками. Художник стоит, глубоко задумавшись, с кистью в руке, с мантией, накинутой на плечи. Мне показалось, что он с недовольством глядит на архитектурный ансамбль, который теперь окружает памятник. Представьте себе, какого рода образцами архитектурного искусства могут быть здания, столпившиеся вокруг: рестораны «Палермо» и «Трокадеро», кафе «Кроон», бар «Негреско», отели «Атланта» и «Монако», большое черное здание «Амстердамского банка».

Поздно ночью мы вновь возвращаемся по Гаагской дороге из Амстердама в Роттердам.

Ночная Гаага. Сверкающий огнями город совершенно пустынен. Прохожих на улице меньше, чем манекенов в магазинных витринах.

Наша машина свернула в старинный европейский район. Узкие улочки, низкие, старые дома. Вот здесь, в этом доме, жил Барух Спиноза. На окнах комнаты, где жил замечательный мыслитель, по-прежнему висят белые занавески.

А теперь мы спешим на наш теплоход. Завтра он возьмет курс на Францию

* * *

Когда показались берега Франции, сердце у меня забилось сильнее. Не знаю, как другие, но я, думая о Европе, вспоминаю прежде всего Францию.

Как только мы прошли Ламанш, поздняя осень Северного моря сменилась теплыми днями Атлантики. Пассажиры высыпали на палубу в летней одежде.

Прекрасным октябрьским вечером наш корабль вошел в Гаврский порт.

И я подумал: не пользовался ли Нико Николадзе при планировке порта Поти

в качестве образца Гаврским портом? Те же два полукружия волнорезов, вынесенных далеко в море, камень и бетон, стеной огораживающие морской залив. Может быть, гаваней такого типа множество по всему миру, но лично я, путешествуя вокруг Европы, другой подобной не встречал.

В Гаврском порту мы задержались надолго. Здесь корабли не имеют возможности причалить непосредственно к берегу и спустить трап для высадки пассажиров прямо на пристань. С берега на теплоход перекинули длинный мост, словно беря нас на бордаж. По этому мосту, минуя пристань порта, мы прошли прямо в залы и к выходу в город.

В порту нас поджидал специальный поезд, который в десять часов вечера отправился в Париж.

* * *

Париж... Париж...

После подчеркнутой чистоты Стокгольма и Нидерландских городов парижские улицы показались грязными. Но мне тогда сразу же подумалось, что та необыкновенная чистота как бы лишала улицу жизни, как чрезмерно приглаженный язык лишает жизни художественное произведение.

Мы остановились в гостинице «Бретань» на улице Риволи.

Побросав свои вещи, сразу сбежали вниз, чтобы полюбоваться ночным Парижем.

Первое впечатление, говорят сами французы, — обманчиво. И правда: нам показалось вначале, что город уже спит. Но Елисейские поля встретили нас головокружительным движением. Эта немоверно широкая магистраль освещена была, казалось, лучами невидимых прожекторов. Она сверкала, блестела, переливалась под светом тысяч электролампочек и фар бесчисленных автомобилей. Добавьте еще ошеломляющую рекламу огромных магазинов, богатейших фирм, новейших кинотеатров. Эта реклама делала картину ночной улицы сказочной и неповторимой.

Да, Елисейские поля с площади Согласия — зрелище прекрасное и захватывающее. На площади Согласия стоит украшенная иероглифами египетская колонна, вокруг нее — скульптуры, символизирующие крупнейшие французские города. Во время второй мировой войны, когда гитлеровцы захватили Страсбург, парижане украсили скульптуру этого города трауром в знак всенародного горя и сочувствия. В дальнейшем, кажется, французы уже не успевали даже этого — страна стремительно катилась к военной катастрофе.

Наша страна тогда еще не была вовлечена в войну. Я хорошо помню, как все мы переживали национальную трагедию французского народа. Легко представить, как велика должна была быть душевная скорбь самих французов, которые собственными глазами видели траур на скульптурах площади Согласия.

Хочется пройти по всему городу, все повидать, все разглядеть. Но куда пойдешь, когда уже четыре часа ночи.

Немного отдохнув в гостинице, мы встречаем парижское утро.

* * *

Я хочу попросить извинения у читателей за то, что мне вряд ли удастся упорядочить все свои чувства и впечатления от этих дней, придать им хотя бы мало-мальски художественно организованную форму. Остается одно: покорно следовать за тем, что происходило. Сядем же в машину и отправимся вдоль улиц этого непрерывно движущегося потока стекла и металла.

Утром парижане спешат на работу, используя все средства передвижения, которые подвернулись под руку: автомобиль, мотоцикл, автобус, моторные и безмоторные велосипеды; но множество людей идет пешком, неся завернутые в белую бумагу завтраки.

К рынкам пробираются грузовые машины с мясом, овощами и прочей снедью, деловито снуют трехколесные мотоциклы и велосипеды, легковые автомобили с грузом на крышах.

На улицах попадаются машины всех марок и возрастов. Рядом с блестящими «Бьюиками» грохочут старенькие «Форды». Подобного не встретишь, например, ни в Швеции, ни в Голландии. С первого взгляда видно, что парижские улицы перегружены транспортом сверх всякой меры.

Известно, что роль парижского метро в разрешении транспортной проблемы весьма незначительна. В то же время стоит взглянуть на Сену, чтобы убедиться, что эта чудесная водная артерия почти совершенно не используется. Несколько лет назад французское правительство заказало в Голландии небольшую речную флотилию для Сены, но тракторные и автомобильные короли из числа французских «двухсот семей» приложили все силы, чтобы правительство аннулировало этот заказ. И они добились своего.

На главных улицах над магазинами, а особенно — над кафе и ресторанами опущены матерчатые навесы. Под ними с утра за маленькими столиками пьют кофе, пиво, вино, едят сладости. Редко увидишь за таким столиком группу людей. Сидят парами или в одиночку и,

как видно, такое времяпрепровождение доставляет им истинное удовольствие.

На улице вам сразу же бросится в глаза одежда парижан. По всей вероятности Париж до сих пор является законодателем мод в современной Европе. Но к этому теперь добавились и, если так можно выразиться, соответствующая обработка человеческого тела, фигуры. Очевидно, мопассановским парижанкам приходится в наши дни придерживаться строгой диеты, в результате чего они становятся такими стройными и изящными, что кажутся парящими над землей. Если молодых француженок подобная эфемерность действительно красит, то дамы в летах, а тем более в преклонном возрасте оставляют довольно неприятное впечатление.

* * *

Мы на кладбище Пер-Лашез. Теперь там, как нам рассказывали, почти никого не хоронят, — во-первых потому, что кладбище расположено в самом центре города и не может расширяться до бесконечности, а во-вторых, из-за баснословно высоких цен на землю.

Стена коммунаров, место, где их расстреляли, выглядит сейчас так же беспризорно и неприглядно, как и тогда, восемьдесят с лишним лет тому назад. К сожалению, за все эти годы во Франции не было ни одного правительства, которое взяло бы на себя инициативу установить памятник борцам за свободу французского народа. А между тем здесь же, в двух шагах, высится памятник какому-то проходивцу.

Французский народ сумел отвести достойное место для братской могилы погибших бойцов Сопротивления. Могила увенчана черным мраморным памятником. Стоя перед ним, невольно хочется воскликнуть «ура» в честь славных героев, пожертвовавших жизнью ради славы и величия своей родины, подобно миллионам мужественных сынов моей страны. Между могилами коммунаров и павших героев Сопротивления парижане похоронили замечательных сынов французского народа — Анри Барбюса и Вайяна Кутюрье. Это — знаменательно и символично.

...Под сводом Триумфальной арки, на могиле Неизвестному солдату по-прежнему горит неугасимый огонь. Жители Парижа поставили рядом с этой могилой еще одну — в память жертв второй мировой войны, а потом — и погибшим в Индокитае. Не знаю, достоин ли последний памятник занимать это место бок о бок с первыми.

Близости вздымается Эйфелева башня. Мы задираем голову в необозримую высь. Сейчас на этой башне рас-

полагается парижский телецентр. И впрямь, место как будто специально для этой цели и предназначалось. Но башня имеет и другие «нагрузки» — она по совместительству еще и радиантенна, и аэромаяк.

За Эйфелевой башней тянется новое здание — Дворец Объединенных Наций. Говорят, парижане не в восторге от его архитектуры. Ничего удивительного — он ничем не походит на классические формы Лувра.

Двух-трехчасовое посещение Лувра, разумеется, не дает никакого права серьезно говорить о нем. Я и не собираюсь говорить о его сокровищах, так же, впрочем, как прежде чуть не отказался от попытки описывать вообще Париж и мои впечатления от него. И если я все же решил поделиться с читателями кое-какими мыслями и наблюдениями, то лишь с целью рассказать о том, что здесь произошло за последние десять-двадцать лет, главным образом — после второй мировой войны. Да и то — об увиденном с первого взгляда.

Собор Парижской богородицы оставляет величественное впечатление, но... пока не увидишь Собор святого Петра в Риме. Сейчас в Соборе Парижской богородицы можно услышать лишь панихиду, которую здешний священник служит по небогатой покойнице, — мы попали в собор именно в эти минуты. Но перед глазами, как юношеские сны, возникают увековеченные пером Виктора Гюго химеры со страшными глазами и грозными клювами, винтом уходящая ввысь лестница Квазимодо, неясная тень Эсмеральды на цветных стеклах соборных окон.

Зато сколько нового можно увидеть за стенами собора. Молодые парижские торговцы предлагают новейшие порнографические открытки прямо у ног двенадцати апостолов. На набережной, перед самым собором, молодая пара у паркета целуется страстно, самозабвенно, не таясь ни света ни людей. И нет им никакого дела до того, что тут же, у карусели, в Люксембургском саду играют маленькие дети и наблюдают за всем происходящим с любопытством и удивлением.

Говорят, что парижане совершенно индифферентны к явлениям подобного рода. Мне пришлось убедиться в справедливости этого утверждения. Человек идет своей дорогой, по своему делу, и ему безразлично все, что непосредственно не касается его самого...

По Латинскому кварталу мы направились к Монмартру. Должен сказать, что с Мтацминды перед наблюдателем открывается гораздо более широкая панорама. С Монмартра просматривается только одна часть Парижа, да и то,

в основном, только крыши домов. Превосходство нашей горы Давида признавали и сами французские гости, посещавшие Тбилиси.

Монмартр, некогда район бедняков и поэтов, ставший колыбелью первых работ многих французских художников, так же как и «Пьяного корабля» Рембо, ныне пользуется сомнительной репутацией. После второй мировой войны, когда под воздействием прогрессивных сил правительство уничтожило здесь очаги разврата, торговля перешла прямо на улицы. Ночные кабаре тоже изменили методы работы по подбору своих кадров и помещают на страницах газет объявления, содержащие вполне приличный текст:

«Дирекция кабаре желает пригласить молодых красивых девушек в качестве певиц хора».

Мне припомнилось у Маяковского: «Желает миллионер удочерить шестнадцатилетнюю».

* * *

В один из вечеров, пропитанных запахом кофе и жаренных на мангале каштанов, нам предложили посетить синераму. Синерама — последнее достижение, последний шаг в развитии кинематографа. Как видно, кино вытесняет все новые и новые средства для наступления против драматических театров. В синераме разрешена проблема передачи глубины на экране, так сказать, проблема пространственного изображения. На широком экране перед вами двигаются и разговаривают люди совершенно так же, как на сцене. Даже больше: зрительный зал тоже как бы включен в действие. Вот мчится с огромной скоростью поезд, и создается полное впечатление, что вы сидите в нем и тоже летите куда-то. Вот как будто поезд должен сойти с рельс, и вас охватывает страх, вы крепче цепляетесь за свое кресло. Вот лодка плывет по реке. Она приближается к мосту — и вы приближаетесь вместе с ней, лодка проходит под аркой моста — вы тоже проходите под мостом. Несется по шоссе автомобиль — вы испытываете восторг от быстрой езды.

Очень интересно разрешена в синераме проблема звука: он всегда доносится из той части экрана, где происходит действие. Например, на экране — церковный зал. Прямо посередине играет орган, и музыка раздается напротив вас. Пение церковного хора, которого на экране не видно, доносится до вас сзади, точно воссоздавая иллюзию пребывания в храме, где хор поет из-за заднего придела. Пение вдруг начинает медленно приближаться, и вы видите, что это идут вперед певцы хора,

вот они уже показались на сцене — на широком экране, двинулись дальше. И теперь вы слышите пение уже с экрана.

После антракта, когда в зрительном зале еще шумели, внезапно в одном углу раздалось строгое: «Силанс!» Потом призыв к тишине послышался из другого угла. Вы оглядываетесь то в одну сторону, то в другую, но вдруг кто-то крикнул: «Силанс!» — прямо вам в ухо...

Кинематография движется вперед такими гигантскими шагами, что восторг от синерамы, испытанный мной, теперь уже кажется архаизмом — ведь подобное есть и в Москве, и в Киеве, и еще в других городах.

Все второе отделение сеанса в синераме было посвящено показу Америки. Весь наш зал летит на самолете к Статуе Свободы, углубляется в узкий коридор между горными хребтами, пролетает над Чикаго, Вашингтоном, Нью-Йорком, оглядывает их сверху, издалека, вблизи... И вдруг, неожиданно вторгается голая политика: начался панегирик в адрес Америки, американского образа жизни, Картина заканчивается гимном «Америка, Америка».

Одна из главных улиц Парижа, которая раньше называлась «Авеню Токио», теперь переименована в «Авеню Нью-Йорк».

Когда мы по пути в Версаль проезжали маленький городок Сен-Клу, я вспомнил, что это родина бывшего премьер-министра Франции Эдгара Фора. Несколько лет назад он побывал в Тбилиси и рассказал нам о своем городе с большой и искренней любовью. Сен-Клу и впрямь чудесный городок, только, к сожалению, он переполнен американцами — здесь находится аэродром американских реактивных самолетов и американский авиазавод.

Как мы помним из учебника истории, в то время, когда во Франции находились войска Веллингтона, страна была охвачена «англоманией». Видно, в натуре французского буржуа крепко сидит космополитизм. Вспомните, как описано у Стендаля вступление союзнических войск в Париж 31 марта 1814 года. Люди, которые искренне плакали в Тюильри 24 января, уже 31 марта, выглядывая из окон своих домов, махали белыми платками, приветствуя императора Александра.

Такова была французская буржуазия в те годы, такова она, судя по всему, сегодня и не изменится, пока жива. Но не таков подлинный Париж, тот Париж, который показал миру несравненное мужество в героические годы Соппротивления.

Мы едем на завод «Рено». Машина проезжает площадь Сен-Клу, где сейчас

строится новая церковь. Она еще не подведена под крышу. От этой площади начинается великолепный Булонский лес. Его приятная прохлада чувствуется еще в Париже. С одной стороны леса вытянулись дачи миллионеров и миллиардеров. Этот район напоминает дачи гаагских богачей, здания сооружены с вызывающей роскошью, словно нарочно для того, чтобы напомнить о тех парижанах, которым приходится ютиться под мостами Сены.

По аккуратно подстриженному Булонскому лесу тянутся асфальтированные дорожки. С небольшими интервалами стоят вдоль этих дорог автомобили, чьи владельцы дышат под деревьями лесным воздухом.

Завод автомобилей «Рено», ныне уже национализированный государством, расположен за городом, за Булонским лесом. Это — самое крупное предприятие в сегодняшней Франции — здесь работает 53.000 человек, из них около 3.000 инженерно-технического персонала. Завод выпускает в день тысячу триста автомашин и тракторов разных моделей. Марку этого завода можно встретить не только во Франции, но и в любом городе Европы.

После индифферентных лиц парижских обывателей мы с радостью отметили душевный прием, оказанный нам рабочими автозавода, их веселые, дружеские улыбки и откровенный разговор.

Многие рабочие «Рено» состоят во Французской Компартии. Пожалуй, такого крепкого, надежного ядра нет нигде больше, ни в Париже, ни в провинции. В одном цехе пожилой рабочий молча расстегнул ворот и с волнением показал нам цепочку с серпом и молотом.

Особенно хорошо приняли нас в литейном цехе, самом тяжелом и вредном. Рабочие окружили нас, что-то горячо кричали, хлопали по плечу. Я подумал, что внешне они не похожи на французов. Выяснилось, что на этом адском участке используют, в основном, алжирцев и марокканцев. В других цехах завода, где работа несравненно легче, рабочие получают гораздо больше, чем эти несчастные. Следует сказать, что технологический процесс в литейном цехе идет по-старинке: то, что, скажем, у нас на Руставском металлургическом механизировано по последнему слову техники, здесь делается вручную. Почему? Неужели в Европе нельзя было найти нужную технику и оборудование? Или просто — так дешевле?

Вообще об этом заводе можно сказать, что если он и впрямь является гордостью французской индустрии, то уровень ее далеко не высок. И у всех нас появилась одна мысль: курс на индустриализацию, на всемерное раз-

витие промышленности, взятый нашей партией, поистине является залогом независимости и силы государства.

Наше путешествие по Франции заканчивается поездкой в Версаль.

Осень, ранняя осень. Желтизна острожно, как бы жалея зелень, подбирается потихоньку, исподволь.

Дворец и сад почти совершенно безлюдны. Только садовник одиноко ходит по аллеям, осторожно подстригая большими ножницами лишние ветки, появившиеся этим летом на вечнозеленых кустах. Лишь наш приезд ненадолго оживил эту тишину. Наши голоса раздаются в саду, в бесчисленных комнатах музея, доносятся с фонтанов, тропинок, берегов искусственного озера. Так и живет, наверно, некогда царственный

Версаль: от одного посетителя до другого.

Только одна новинка в Версале. Здесь какими-то неведомыми способами восстановили голос Людовика XIV. И не только голос, а шум шагов, постукивание костыля. Потом все перенесли на магнитофонную ленту и раз в месяц, когда в Версальском зале устраиваются религиозные концерты, передают и «голос Людовика». Это считается примечательным событием не только в Версале, но и во всем Париже. В такие дни здесь собирается много народу.

Из Версаля мы возвращаемся в Париж, из Парижа в Гавр, где нас дожидается наш верный теплоход, чтобы в тот же день взять курс на Неаполь.

О. СОПОЦИНСКИЙ

Выставка работ Уча Джапаридзе в Москве

Выставка произведений народного художника СССР действительного члена Академии художеств СССР Уча Джапаридзе словно заново открыла Москве этого большого мастера-реалиста. Нередко бывает так: мы знаем художника по некоторым, быть может, очень хорошим работам, но все же важные стороны его искусства остаются скрытыми от нас до тех пор, пока он не предстанет перед нами во всех гранях своего таланта. Порой небольшой этюд, скромная картина, беглый набросок помогают увидеть нечто новое в мастере, и от этого наиболее известные его произведения начинают восприниматься по-новому. Так произошло и с У. Джапаридзе. Своими работами он открыл москвичам свое сердце — доброе к людям, преданное родному народу, навсегда принадлежащее простому человеку Советской Грузии, в котором художник увидел и отвагу воина, и чувство собственного достоинства, и вечную молодость.

В творчестве У. Джапаридзе отчетливо проступает черта, которая, думаю, в большой мере определяет его творческое кредо и своеобразие таланта. Это в высшей степени внимательное, бережное отношение ко всему, что изображает художник, будь то незамысловатая жанровая сценка, портрет известного человека или пейзажный набросок. Такое внимание к натуре не имеет ничего общего с сухим протокольным отчетом о виденном и запечатленном на холсте или бумаге. В нем находит выражение трепетно-поэтиче-

ский взгляд художника на действительность, его стремление и в обычном видеть возвышенное, важное.

Эта характерная черта творческого почерка тем более важна, что Уча Джапаридзе всегда стремится раскрыть в своих произведениях образ человека. Человек — главная тема его искусства, в человеке — воплощение его мечты как художника, человек — источник его творческих достижений и неутомимых художественных поисков. Отсюда — стремление У. Джапаридзе работать в самых различных жанрах. Великолепный портретист, он не отказывается от исторического жанра, но особенно настойчиво трудится в области бытовой живописи, которая предоставляет ему большую свободу в трактовке образа человека и воплощении в нем своих идеалов.

Возьмем ли мы великолепный графический «Портрет матери», острый по характеристике «Портрет академика Корнелия Кекелидзе», картины «Возвращение в родные места. Мать», «Думы матери», «Колхозный базар» или прекрасный этюд «Колхозник из Сачхере» — всюду выступает желание художника не ограничиваться внешним правдоподобием, а глубоко проникнуть в душу человека, дать представление о его внутреннем мире.

Здесь хочется остановиться на одной примечательной и привлекательной черте произведений Джапаридзе: он враг внешних эффектов, сложных, не оправданных характером образа композиционных и колористических решений. Его

портреты всегда спокойны по позам и жестам. Люди в них не демонстрируют себя с наиболее выгодной стороны, а изображены погруженными в свои думы. Отсюда — их естественность и внутренняя глубина.

В жанровых работах Джапаридзе так же избегает сложных драматических коллизий и острых конфликтных сюжетных решений. И все же ему удается выразить глубокие душевные движения, скрытые под внешним спокойствием.

Картина «Возвращение в родные места. Мать» весьма показательна в этом отношении. Старая женщина после долгого пути расположилась на отдыхе на склоне горы, откуда открывается широкий вид на горную цепь, на селение, на бездонное небо, которое словно куполом накрыло мирную долину. Действие в прямом смысле слова здесь отсутствует. Но это не мешает картине жить интенсивной внутренней жизнью. О чем думает эта старая женщина? Вероятно, перед ее мысленным взором проходят далекие, и радостные и горькие, воспоминания. Ее жизнь подходит к концу. Но зритель не ощущает, глядя на картину, печали, тоски. Да и сам образ глубоко задумавшейся женщины не воспринимается как олицетворение горя. Напротив, ее величественная, а вместе с тем и удивительно жизненная, простая и полная силы фигура, сочетаясь с широко раскинувшимся, хочется сказать, — эпическим пейзажем, словно олицетворяет саму Грузию — страну, насчитывающую много столетий своей истории, испытавшую немало вражеских нашествий, и, наконец, вступившую на путь своего расцвета. Так, размышляя о своей любимой Родине и ее замечательном народе, художник достигает больших обобщений в жанровой картине.

«Возвращение в родные места. Мать» является в известной степени этапным произведением художника, в нем сконцентрированы наиболее характерные качества искусства Уча Джапаридзе-жанриста. Но и в своих небольших полотнах художник порой очень ярко выражает свой взгляд на мир, на человека.

В этюде «Колхозник из Сачхере» Джапаридзе достигает такой же значительности образа, как и в своих больших жанровых картинах. Больше того, хотя мы почти не видим лица изображенного старика, хотя фигура его лишь намечена широкой кистью, зритель ощущает ту силу, которая таится в этом человеке. В данном этюде как нельзя лучше выступают особенности решения художником образа человека. Простыми и вместе с тем выразительными композиционными приемами

У. Джапаридзе достигает впечатления монументальности фигуры. Это сразу сообщает изображенному значительность, которая усиливается сочетанием приглушенных коричневых, синих, лиловатых тонов.

Цветовое и композиционное решение помогает художнику создать образ очень цельный. Старый колхозник выглядит как несокрушимая глыба, как монолит. И вместе с тем одежда, часть лица, сама поза старика, согбенного грузом лет, словно говорят о мудрости человека, прожившего долгую жизнь, но еще совсем не сломленного житейскими невзгодами и переживаниями. Вот тут-то как раз и выступает то ценнейшее, что таит в себе искусство Уча Джапаридзе, — его уважение к человеку, умение видеть в людях нечто большее и значительное.

В самом деле, У. Джапаридзе обладает ценной способностью видеть в человеке то внутреннее достоинство, глубоко скрытые человеческие качества, которые делают образы, созданные им, удивительно привлекательными и наполненными большой внутренней жизнью. Это качество свойственно и многочисленным портретным работам мастера и его жанровым композициям. Пишет ли Джапаридзе умудренных годами старцев («Портрет Орбелиани»), или исполненных силы мужей в расцвете лет («Портрет Давида Гурамишвили»), или молодых людей («Ферид») — во всех этих образах мы ощущаем людей светлой мысли и искреннего, чистого чувства. Вместе с тем многие из написанных художником портретов воспринимаются как типические образы. Такое восприятие художником человека не случайно. Джапаридзе всегда интересовался в человеке не только индивидуальными качествами, но и черты, свидетельствующие о нем как о типе, принадлежащем к целой группе людей. У него немало портретных работ, модели которых он не считает нужным называть по именам. Таковы «Тушинец», «Имеретин» и другие.

Интерес к созданию типических образов особенно явственно выступает в жанровых работах Джапаридзе. Его небольшие картины — «За водой», «Подруги» и другие полотна — свидетельствуют о том, что художник в них ставит перед собой вполне определенную цель, а именно создание образов обобщенного характера, дающих представление о грузинском народе. Быть может, именно благодаря этому особенно явственно выступает та нравственная чистота, которую стремится показать Джапаридзе в своих героях. Он не наделяет их исключительными качествами, но, замечая и подчеркивая в них

подлинно человеческие черты, присущие или могущие быть у каждого, художник воспеваает простого человека, воспеваает народ.

Здесь-то мы как раз и обнаруживаем то важнейшее, что определяет глубокий демократизм искусства замечательного грузинского художника. Гуманизм У. Джапаридзе не отвлеченный. В его основе лежит любовь к родному народу, восторженное и удивительно бережное отношение к своим соотечественникам. Героем художника является простой советский человек-труженик. Именно в нем видит Джапаридзе источник всего высокого и светлого, что делает прекрасной нашу жизнь, что рождает большие и глубокие человеческие чувства.

Весь творческий путь Уча Джапаридзе свидетельствует о нем как о мастере глубоко национальном. Речь идет не только о формальных качествах его искусства, хотя и здесь он является продолжателем той реалистической линии грузинской художественной культуры, которая может гордиться многими превосходными мастерами, в частности Г. Габашвили. Вопрос о национальном характере творчества Джапаридзе глубже. Художник всей своей душой, всем сердцем связан с жизнью грузинского народа. Из глубин народной жизни черпает он вдохновение, ти-

пы, образы. Мысли и чувства народа оплодотворяют его искусство, обогащают его произведениям высокую правдивость и подлинную поэтичность.

Именно благодаря этому Джапаридзе выступает как один из больших мастеров всего советского изобразительного искусства. В его творчестве находят воплощение мысли советского народа, строящего коммунизм. Гуманизм его образов — это социалистический гуманизм советского общества, борющегося за Человека, открывающего в людях прекрасное, зовущее к подлинной свободе человеческой личности. Вот почему лучшие произведения Уча Джапаридзе входят в сокровищницу советской художественной культуры. Вот почему его полотна так трогают и московского зрителя, который, быть может, никогда не был в солнечной Грузии, но который узнает в образах, созданных правдивой кистью грузинского живописца своих братьев и сестер по духу, чувствам и идеалам.

У. Джапаридзе находится сейчас в расцвете своих творческих сил. Это позволяет ожидать от него еще немало превосходных произведений, в которых найдет отражение его добрый, сердечный и глубокий взгляд на мир и на человека.

г. Москва

М. КАРДАНЕЛИ

О новых грузинских фильмах

Статья вторая

Кинозрителя нужно уважать!
С этой формулой нельзя не согласиться.

А высшая форма уважения — это доверие. Доверие к уму и чувству зрителя, ко всему тому, что наши критики в своих статьях и рецензиях обычно называют «возросшими духовными запросами советского человека».

Очень унизительно и досадно, когда сидящему в зрительном зале человеку под видом искусства показывают с экрана явную халтуру или бессмыслицу. Но не менее унизительно, когда художник, сумевший создать в общем неплохое произведение искусства, не доверяя разуму и чувству зрителя, предлагает ему картину жизни, обильно приправленную комментариями, разъяснениями, выводами и заключениями.

Одной из особенностей эстетического наслаждения искусством является **радость угадывания**. В этом и проявляется **познавательная** ценность искусства, которое призвано учить человека **самостоятельно мыслить**, а не сообщать ему готовые истины (ни для кого не секрет, что у ребенка, если ему постоянно давать жидкую или размолотую пищу, никогда не вырастут здоровые, крепкие зубы). И как радостно, когда в том или ином настоящем произведении искусства, художник, дове-

ря разуму, чувству и вкусу зрителя, не боится сложностей, кипения страстей, подтекстов, порою довольствуется лишь намеком на большую правду, оставив за зрителем право самому сделать соответствующие выводы. В таких случаях всегда думаешь об авторе произведения с благодарностью за то, что он так хорошо думает о тебе, не считает тебя бесчувственным невеждой, стоящим в своем умственном и нравственном развитии ниже его — художника... И сердце наполняется гордостью, и зритель ощущает себя соучастником художника в его благородном деле...

Обо всем этом невольно думаешь, когда смотришь кинокартину молодого грузинского режиссера Г. Шенгелая «Алавердоба», поставленную по мотивам одноименного произведения Г. Рчулишвили (сценарий Р. Инанишвили и Г. Шенгелая).

На первый взгляд «Алавердоба» — только антирелигиозный фильм. И действительно, с внешней стороны все говорит о том, что сатирическая, обличительная сила его направлена против одного из пережитков прошлого, а именно, — против людей, принимающих участие в церковных празднествах.

В фильме рассказано о том, как молодой журналист приезжает в Кахетию на храмовой праздник Алавердоба, видит всю неприглядность этого отжившего свой век «праздника», всю пустоту и никчемность времяпрепро-

Статья первая опубликована в журнале «Литературная Грузия» № 4.

вождения людей, давно переставших верить в бога, и, осудив их и даже «взбунтовавшись» (довольно нелепо!), возвращается домой, в город.

Конечно, «Алавердоба» обличительный фильм. Конечно, он направлен против религиозных пережитков в сознании человека, против косности и тупости людей, которые слепо придерживаются обветшалых, изживших себя традиций, но не следует забывать жанра фильма. «Алавердоба» — фильм-памфлет, и, нам кажется, что главным героем его является не молодой журналист, столь резко осуждающий в своем внутреннем монологе (голос диктора) отупевших от безделья и пьянства людей, героем фильма являются его авторы, чья обличительная тенденция обусловила одинаковую резкость красок и в обрисовке тупо веселящейся толпы, и в трактовке главного действующего лица.

В философском понимании фильм Г. Шенгеля — это рассказ о бессмысленном, стихийном бунте молодости против рутин и косности, против живучести омертвевших традиций.

Вспомним, что происходит на экране.

Праздник Алавердоба в разгаре... Среди отупевших от бессонницы пьяно «веселящихся» людей бродит одинокая фигура молодого человека, которого привело сюда одно желание: увидеть настоящий народный праздник, издревле связанный с окончанием сбора урожая. Юноше казалось, что он здесь услышит чарующие народные песни, увидит скачки, состязание борцов, короче, все то, чем славятся народные празднества.

Взамен этого — какие-то спекулянты торгуют леденцами и промышляют рулеткой, под пальцами лучами солнца дремлют сморенные вином и усталостью люди, и хотя вокруг все пьют и танцуют, ни одной улыбки на лице, ни одного всплеска смеха... Словно те, кто пришел сюда на Алавердоба, механически, по инерции выполняют тяжелую повинность. И как символ нелепости всего происходящего — две выразительные пьяные мужские фигуры, деизменения соревнующиеся друг с другом в каком-то диком танце... Насмотревшись на все это, молодой человек решает «взбунтоваться», ему вдруг захотелось сделать что-нибудь такое, что нарушило бы царящее вокруг равнодушие, встряхнуло бы людей, которые, тщетно пытаясь гальванизировать давно умершую традицию, вхолостую тратят свой темперамент и энергию... И юноша тайком уводит с праздника коня, на полном скаку врывается в пирующую толпу, потом, спасаясь от пьяных преследователей, взби-

рается на купол храма... Короче говоря, устраивает страшнейший переполох.

Но это ненадолго. В скором времени все быстро успокаивается, тут же забывают чудака-горожанина, которому за чем-то понадобилось устраивать глупую скачку, а потом влезать на купол Алаверди, и... тупое, бездумное времяпрепровождение продолжается.

Воспользовавшись тем, что о нем забыли, молодой человек незаметно уходит с праздника. И опять — как символ нелепости этого «бунта» — в кадре появляется труп лошади, загнанной юношей.

Как я уже сказал, «Алавердоба» — фильм-памфлет, и документальная точность того, что показано на экране, только усиливает силу воздействия этого фильма.

Много хороших слов можно было бы сказать о мастерстве молодого режиссера, о смелости и хорошем вкусе оператора, но сейчас, после того, как я попытался изложить свою точку зрения на идейно-художественный замысел фильма, хочется сказать о тех недостатках, которые мешают зрителю правильно воспринять картину.

Прежде всего упрек мой относится к дикторскому тексту (внутреннему монологу героя), который сопровождает фильм от начала до конца. Авторы фильма старались остаться верными тексту повести Г. Рчеулишвили и сохранили его. Однако, они не учли того, что в фильме повесть получила иную, остросатирическую, обличительную трактовку, и поэтому текст повести не помогает, а местами мешает правильно воспринять то, что происходит на экране.

Особенно это ощущается в конце фильма, когда подводятся итоги и делаются обобщения. Наивно и непонятно звучат здесь слова о том, что эти люди, пьяно веселящиеся в церкви, «ошиблись», впали в заблуждение на каких-нибудь «два дня», и общая декларация, вещающая о том, что «человек создан для того, чтобы созидать, а не наслаждаться уже созданным» и т. д.

Мне кажется, что дикторский текст (а он играет существенную роль в фильме), следовало полностью переосмотреть. Если было бы сказано именно то, что необходимо, и текст дополнил бы изобразительный материал нужным, объясняющим, комментирующим словом, оказались бы верно расставленными акценты, — фильм «Алавердоба» зазвучал бы в полную силу.

Есть и еще одно серьезное замечание. В первой половине фильма в одном из кадров показаны удаляющиеся из церкви арбы, и голос диктора сообщает о том, что после весело проведенного ночного бдения в Алаверди на

рассвете часть крестьянского населения возвращается к себе домой, к своим делам и заботам. Это очень важный момент. К сожалению, в фильме ему уделено очень мало места и времени, и зритель даже не успевает остановить своего внимания на этом быстро промелькнувшем кадре. А ведь если бы режиссер подчеркнул эту деталь, выделил ее, зрителю сразу стало бы ясно, кто уехал и кто остался в Алаверди, о каких людях (о каком общественном слое) идет речь в фильме и против кого направлено его сатирическое острие.

В заключение нельзя не отметить исключительно выразительную музыку фильма (композитор Ф. Глонти) и очень пластическую, хотя и несколько суховатую манеру игры Г. Палавандишвили, исполняющего роль молодого журналиста.

* * *

Фильм «Алавердоба» демонстрировался на тбилисских экранах вместе с киноновеллой «Белая девушка» (режиссер Л. Горделадзе, автор сценария О. Иоселиани).

В этом фильме рассказано о деревенской девушке, которая слаба здоровьем, потеряла веру в свои силы и которую любовь и чуткое отношение молодого бригадира возвратили к жизни и труду.

Таков сюжет кинокартины.

«Белую девушку» уже немало крити-

ковали и в прессе, и среди нашей общественности. Отмечалось, что в фильме бледно и невыразительно показаны психологические взаимоотношения персонажей, что трудовая жизнь колхозного села (хотя она и служит «фоном» развертывающегося на экране действия) выглядит смешно и неправдоподобно...

С этими замечаниями невольно соглашаешься, когда смотришь фильм. Действительно трудно поверить, что молодой парень (Я. Бурчуладзе), который с утра до ночи бестолково бегаёт по плантациям и проселочным дорогам и громко кричит, подбадривая или понукая людей, чтобы они работали дружнее, — колхозный бригадир, передовой труженик села. Еще труднее поверить в то чувство, которое, якобы, возникло у него к девушке и заставило его заботливо и чутко отнестись к ней. Тот же самый упрек относится и к девушке (И. Горделадзе), у которой с лица не сходит однообразное удивленно-бездумное выражение. Отсутствие элементарных актерских навыков у молодых героев резко отрицательно сказывается на качестве фильма. Усугубляется это еще и тем, что режиссер поставил перед ними непосильную задачу — в молчаливых сценах выразить сложную гамму чувств, показать процесс возникновения и развития любви.

Эти режиссерские и актерские промахи обусловили неудачу фильма «Белая девушка».

Валериан ИМЕДАДЗЕ

Георгий Туманишвили о Чернышевском

Н. Г. Чернышевский был тесно связан с передовой грузинской молодежью, которая жила в Петербурге. Выдающиеся деятели грузинской культуры — Илья Чавчавадзе, Георгий Церетели, Нико Николадзе, Кирилл Лордкипанидзе, Виссарион Гогоберидзе и другие, будучи студентами, часто общались с великим революционером, который еще в 16 лет выразил горячее желание изучить грузинский язык и очень внимательно следил за культурным развитием Грузии, о чем свидетельствуют его статьи в «Современнике».

В прогрессивных кругах грузинского народа, особенно у передовой грузинской молодежи, имя Чернышевского всегда пользовалось почетом и уважением. Об этом рассказано в «Характеристиках и воспоминаниях» известного грузинского публициста и общественного деятеля Георгия Туманишвили. «Долго спустя после ссылки Чернышевского последний являлся любимцем молодого поколения на Кавказе, как и в остальных местностях России. В гимназии, где я воспитывался (классическая гимназия в Тбилиси — В. И.), в 70-х годах прошлого столетия, когда ученики начали устраивать литературные вечера, то прежде всего прочли «Что делать?» и статью Писарева об этом романе. В бытность мою студентом Новороссийского университета (так назывался Одесский университет — В. И.), у студентов-кавказцев была соб-

ственная библиотека, довольно богатая научными сочинениями. В библиотеке имелся только один портрет, большой, висевший в раме на стене, и это был портрет Чернышевского. В то время (в 70-х годах) было довольно опасно иметь студентам у себя портрет Чернышевского, и тем не менее он открыто висел в студенческой библиотеке».

Далее Туманишвили сообщает, что, «прочитав всего Чернышевского», он решил «иметь его всегда при себе». И действительно, по окончании курса университета (он учился в Одессе на юридическом факультете в 1871 — 1875 гг.) Туманишвили не пожалел из своего скромного заработка заплатить 100 рублей за старые экземпляры журнала «Современник», в которых печатались статьи Чернышевского.

«И это вовсе не было каким-нибудь исключительным явлением, — резюмирует Туманишвили. — Оно вполне гармонировало с тем общим поклонением, которым окружено было у нас имя Чернышевского».

Это весьма интересное сообщение. Но то, о чем Туманишвили умолчал, недосказал в своих воспоминаниях (1913 год) восполняет его личный архив, хранящийся в Институте рукописей Академии наук Грузинской ССР. Там под №1002 хранится пожелтевший от времени рукописный сборник — журнал «ჯობა» («Букет») № 1 за

1872 год, составленный в Одессе Георгием Туманишвили.

На оборотной стороне первого листа этого сборника мы знакомимся с содержанием первого номера. Вот оно:

«I — Библиографический указатель сочинений Н. Г. Чернышевского 1853—1863 гг. стр. 1

II — Несколько слов о Н. Г. Чернышевском как писателе 13

III — Из статьи Чернышевского: «Собрание писем Алексея Михайловича» 39

IV — Две песни Рыльева 40

V — Стансы, его же 42

VI — Дума, стихотворение Лермонтова 43»

Там же указано время и место составления сборника, в основном посвященного Чернышевскому, это — 10-14 ноября 1872 года, г. Одесса.

Как видно из приведенного выше содержания, на первых тринадцати страницах журнала опубликован библиографический указатель сочинений Н. Г. Чернышевского за десять лет — 1853 — 1863 гг.; он составлен Г. Туманишвили по журналам «Отечественные записки» и «Современник».

В этом библиографическом указателе, по тем временам достаточно полном и чрезвычайно ценном для читателей — передовых студентов, указаны многочисленные библиографические заметки, критические статьи, политические обзоры и социально-экономические и философские работы Чернышевского, в том числе такие замечательные труды великого русского ученого и революционера, как «Очерки гоголевского периода русской литературы», «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Устройство быта помещичьих крестьян», «Капитал и труд», «Очерки из политической экономии (по Миллю)», «Антропологический принцип в философии», «Эстетические отношения искусства к действительности», «Июльская монархия», «Национальная бестактность» и роман о новых людях «Что делать?».

В статье «Несколько слов о Чернышевском как писателе», занимающей 26 страниц, Туманишвили критикует прежние (до Чернышевского) исторические работы, которые, по существу, сводились к геральдике.

Туманишвили, прочитавший внимательно всего Чернышевского, составивший библиографический указатель его сочинений, был поражен его титанической трудоспособностью. Он пишет: «Прежде всего бросается в глаза его плодовитость... Его плодовитость удивительна; он в год писал около 1000 страниц, исключая отсюда цитаты, приведенные им в статьях; он писал в продолжение 10 лет; поистине русский Бальзак он в этом отношении; в плод-

витости из русских замечательных писателей с ним никто не может соперничать... Чернышевский редко довольнялся... и в продолжение 10 лет написал так много, что, если бы издавать отдельно все его сочинения, напечатанные и ненапечатанные, вышло бы не менее 20 довольно объемистых тома, каждый 500—600 страниц».

Вторую характерную черту в творчестве Чернышевского Туманишвили видит в «энциклопедичности знаний его», что тоже необходимо для всякого публициста, потому что, по мнению Туманишвили, «его обязанность — объяснить какое отношение имеет такое-то дело, такой-то предмет к общественным интересам».

Интересно мнение Туманишвили о роли журналиста в популяризации научных знаний (как известно Чернышевский это делал с редким мастерством); «журналист есть посредник между ученым и публикой, он приравнивает знания ученых к общественным делам. Его дело выбирать из ученых трудов открытия полезные в данное время для данного общества... передать это ему в легкой, понятной форме и дать понятие... куда, когда, как применить эти знания».

Далее Туманишвили говорит, что Чернышевский в 50-ых годах подхватил и развил великие традиции Белинского, который требовал от поэта «не только чувства и искренности, но и мыслей и идей», указывал, что «мысль и чувство должны слиться в сознании и только тогда оно выйдет истинно художественно».

С конца 1857 года Чернышевский, — сообщает Туманишвили, — оставил литературную критику и «принялся за политико-экономические вопросы и их решил совершенно оригинально, независимо от других русских публицистов».

Многое еще молодо, незрело у 18-летнего автора статьи о Чернышевском, но он достигает главного, основного: горячо, взволнованно повествует о негнимо борце за человеческое счастье и умело передает читателям свое глубокое чувство любви и уважения к нему.

Задушевно и тепло пишет Туманишвили о славной плеяде шестидесятников — Чернышевском, Добролюбом, Михайлове, Писареве и др.: «Они решали теоретические вопросы, каким образом народ спасти от голода и холода; как возвысить умственный уровень нашего общества; как сделать человека свободным индивидуумом и освободить от физического и нравственного рабства... как уничтожить в нашем обществе паразитство... как восстановить в нашем любезном отечестве в частности и на всем свете вообще мир и счастье...»

საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკა

В журнале помещены также образцы декабристской поэзии из цикла агитационно-сатирических песен К. Ф. Рылеева, написанных в сотрудничестве с А. А. Бестужевым. Одна из них — «Царь наш — немец прусский» — взята из лондонской «Полярной звезды» за 1859 г. (кн. V, стр. 12; как известно, в «Полярной звезде» песня Рылеева опубликована сокращенно, вместо 14 строк — 5, и искаженно). В журнале «კობა» («Букет») песня Рылеева помещена именно в такой редакции.

Другая песня называется «Ах, где те острова». В ней дается остросатирический образ брата царя — великого князя Константина Павловича и крупных сановников царской России — Сперанского, Магницкого, Мордвинова, Измайлова, а также реакционных писателей — Фаддея Булгарина и Греча.

В журнале помещено также стихотво-

рение Рылеева «Стансы» (К. А. Бестужеву).

Номер журнала замыкает знаменитое стихотворение М. Ю. Лермонтова «Дума».

Этот журнал имел хождение в кругу кавказских студентов Одесского университета и, возможно, среди прогрессивно настроенных студентов других национальностей. Он составлял часть той общественно-политической и культурной работы, которую вели студенты-грузины на Украине; об этой работе Г. Туманишвили частично рассказал в цитируемых выше воспоминаниях. Любовь грузинской студенческой молодежи к великому русскому мыслителю и революционеру Чернышевскому, которая нашла свое проявление в стенах Одесского университета, прекрасная страница в исторической дружбе русского и грузинского народов.

Подписано к печати 20 июня 1963 г. 6 печ. листов + 2 вкл.
Формат бумаги 70 × 108^{1/16}.

Заказ № 710

Тираж 2400

УЭ 06905

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Типография издательства ЦК КП Грузии «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова,
Тбилиси, проспект Руставели, 42.

Цена 40 коп.

15.107/98

ИН/ДЕКС

76117

საქართველო
ბიბლიოთეკა